

**ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**Северо-Кавказский
регион**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
2017**

3

Журнал основан в 1972 г. Ю.А. Ждановым

Главная редакция:

В.И. Колесников (главный редактор),
В.Е. Закруткин, В.С. Золотарёв, А.В. Павленко (заместители главного редактора),
Е.А. Шинкаренко (отв. секретарь)

Редакционная коллегия:

В.С. Золотарёв – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет, Россия
И.М. Узнардов – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет, Россия
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, Россия
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет, Россия
М.А. Боровская – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
А.П. Горбунов – кандидат исторических наук, доктор экономических наук, профессор, Пятигорский государственный лингвистический университет, Россия
А.А. Магомедов – доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет, Россия
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики), UCL School of Slavonic and East European Studies, Лондон, Англия
В.Н. Овчинников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
О.А. Алимуратов – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный лингвистический университет, Россия
В.Ю. Апрыщенко – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.М. Белоусов – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, Россия
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.С. Денисова – доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.Ф. Карпова – доктор педагогических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Ю.С. Колесников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Л.И. Ниворожкина – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет, Россия
В.И. Пржиленский – доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Россия
В.С. Савчук – кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
В.В. Черноус – кандидат политических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Э.А. Шеуджен – доктор исторических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
Е.А. Шинкаренко – редактор отдела журнала
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Учредители:

Министерство образования и науки Российской Федерации, Дагестанский государственный технический университет, Дагестанский государственный университет, Донской государственный технический университет, Кабардино-Балкарский государственный университет, Кубанский государственный технологический университет, Кубанский государственный университет, Пятигорский государственный лингвистический университет, Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Северо-Осетинский государственный университет, Северо-Кавказский федеральный университет, Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова, Южно-Российский институт управления РАНХ и ГС при Президенте РФ, Южный федеральный университет

Над номером работали: В.В. Дашевская, Т.М. Климчук, В.И. Литвиненко, Е.А. Шинкаренко, М.С. Шипитко.

Подписано в печать 27.09.17. Выход в свет 29.09.17.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 13,2. Уч.-изд. л. 13,27.

Тираж 250 экз. Заказ № 5941

Адрес редакции и издателя (для переписки):

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru

Адрес редколлегии серии «Общественные науки»:

344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,
тел.: (863) 218-40-00 доб. 11-093; (863) 218-40-00 доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 104, тел. (863) 247-80-51

Journal was founded in 1972 by Y.A. Zhdanov

Central Edition:

V.I. Kolesnikov (Chief Editor),
V.E. Zakrutkin, V.S. Zolotarev, A.V. Pavlenko (Deputy Chief Editor),
E.A. Shinkarenko (Executive Secretary)

Editorial Committee:

V.S. Zolotarev - the Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of Historical Sciences, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Russia
A.U. Albekov - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
M.A. Borovskaya - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
A.P. Gorbunov - Candidate of History, Doctor of Economics, Professor, Pyatigorsk State Linguistic University, Russia
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor, North Ossetian State University, Russia
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD, UCL School of Slavonic and East European Studies, London, England
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
R.D. Hunagov - Doctor of Social Sciences, Professor, Adyghe State University, Russia
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State Linguistic University, Russia
V.Yu. Apyrschenko - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
V.M. Belousov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor, Dagestan State University, Russia
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
G.S. Denisova - Doctor of Social Sciences, Professor, Southern Federal University, Russia
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
N.V. Izotova - Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Russia
G.F. Karpova - Doctor of Pedagogy, Professor, Southern Federal University, Russia
Yu.S. Kolesnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State University of Law, Russia
V.S. Savchuk - Candidate of History, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
V.V. Chernous - Doctor of Political Sciences, Professor, Southern Federal University, Russia
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Sheudzhen - Doctor of History, Professor, Adyghe State University, Russia
E.A. Shinkarenko - Editor-in-Card
O.M. Shtompel - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia

The Founders

Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Dagestan State Technical University, Dagestan State University, Don State Technical University, Kabardino-Balkarian State University, Kuban State University, Kuban State Technological University, Pyatigorsk State Linguistic University, Rostov State Transport University, Rostov State University of Economics, North Ossetian State University, North Caucasus Federal University, Platov South Russian State Technical University, South Russian Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration of the President of the Russian Federation, Southern Federal University

Magazine released V.V. Dashevskaya, T.M. Klimchuk, V.I. Litvinenko, E.A. Shinkarenko, M.S. Shipitko

Signed print 09.27.17. The publication 09.29.17.

Format 60×84 1/8. Offset paper.

Conv. print. sheets 13.2. Publ. sign. 13.27.

Edition 250 copies. Order number 5941

Address editorial board and the publisher (for correspondence):

344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.

E-mail: izvestiya@sfnu.ru. Web Address: www.izvestiya.sfnu.ru

Address editorial board of the series "Social Sciences":

344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 2, room 110,

phone: (863) 218-40-00 ext. 11-093; (863) 218-40-00 ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,

Publishing and printing complex KIBI MEDIA CENTER, SFU,

344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, build. 1, of. 104, phone (863) 247-80-51

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

IZVESTIYA VYSSHIKH UCHEBNYKH ZAVEDENII. SEVERO-KAVKAZSKII REGION

DOI 10.23683/0321-3056-2017-3

*Регистрационный номер 011018
Комитета Российской Федерации
по печати*

*Научно-образовательный
и прикладной журнал
Издается с 1973 г.*

*Периодичность серии 4 номера в год
№ 3 (195) 2017 г.*

Reg. No. 011018

*Of the Russian Federation Committee
for the Press*

*Educational-research journal
of applied sciences*

*Published since 1973.
4 issues per a year
No. 3 (195) 2017*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCES

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCE

- Воробьев Г.А.** Семантика утраты социальной реальностью равновесно-устойчивого состояния в нелинейной динамике социокультурных изменений..... 4
- Гнатыук М.А.** Воплощение инерционной составляющей в российском обществе в парадигме зависимости от предшествующего пути развития..... 9
- Икиликян С.Г.** Роль русского языка в формировании общероссийской идентичности..... 14
- Хоконов М.А., Соблирова З.Х., Журтова А.А.** Агональность как универсалий социокультурных систем (культурно-философский анализ)..... 19

- Vorob'ev G.A.** The Semantics of a Loss of Social Reality Equilibrium-Steady State in Nonlinear Dynamics Of Sociocultural Change 4
- Gnatyuk M.A.** The Inertial Component Embodiment in Russian Society in the Paradigm of Dependence on the Previous Development Path 9
- Ikilikyan S.G.** The Role of the Russian Language in the Formation of All-Russian Identity 14
- Khokonov M.A., Soblirova Z.Kh., Zhurtova A.A.** Agonality as a Universal of Socio-cultural Systems (Cultural-philosophical Analysis)... 19

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORICAL SCIENCE AND ARCHEOLOGY

- Агафонов А.И.** От Земли Донского войска к Области войска Донского (середина XIX – начало XX века)..... 28
- Айриян Р.С.** Реорганизационный акт 1946 года и изменение роли Конгресса США в принятии политических решений 38
- Амплеев Р.А.** Изъятие церковных ценностей на Юге России в 1922 году в отечественной историографии 45
- Бураева К.Т.** Северный Кавказ в контексте укрепления федерализма в России: исторический аспект..... 52
- Култышев П.Г.** Служба офицеров в Русской императорской гвардии начала XX века: статус, быт, досуг..... 59

- Agafonov A.I.** From the Land of the Don Army to the Region of the Don Army (The middle of the XIX - the beginning of the XX century)..... 28
- Ayriyan R.S.** Reorganization Act of 1946 and the US Congress Changing Role in the Political Decision-making 38
- Ampleev R.A.** Exclusion of the Church Values in the South of Russia in 1922 in the Domestic Historiography 45
- Buraeva K.T.** The North Caucasus in the Context of Strengthening Federalism in Russia: Historical Aspect 52
- Kultyshhev P.G.** Service of Officers in the Russian Imperial Guard of the Beginning of the 20th Century: Status, Life, Leisure..... 59

Курапов А.А. Деятельность буддийских проповедников в Калмыцкой степи Астраханской губернии и ее регулирование Российским государством в конце XIX – начале XX века.....	65	Kurapov A.A. Activity of Buddhist Preachers in the Kalmyk Steppe of Astrakhan Gubernia and Its Regulation by the Russian State at the End of the XIX - Beginning of the XX Centuries	65
Мигаль А.С. Образ мусульманского правителя в философских трудах Вольтера и Монтескье.....	71	Migal A.S. The Image of Muslim Governor in Philosophical Writings of Voltaire and Montesquieu	71
Моисеенко М.А. Индустриальная революция в Шотландии: зарубежная историография второй половины XX века.....	76	Moiseenko M.A. Industrial Revolution in Scotland: Foreign Historiography in the Second Half of the 20th Century	76
Подольников В.П. Вильгельм II и внешняя политика Германии в конце XIX века.....	82	Podolnikov V.P. Wilhelm II and German Foreign Policy in the Late 19th Century.....	82
Степкин В.В. Пещерничество в середине XIX века у станицы Кочетовской Ростовской области.....	90	Stepkin V.V. Cave Digging in the Middle of the 19th Century at Village Kochetovskaya of Rostov Region.....	90

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Шевелева А.В. Год экологии в России – основа решения экологических проблем	95
---	----

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Дзидзоев В.Д., Чибиров Л.А., Басаев Б.Б. Весомый вклад в отечественную и мировую науку (к 90-летию доктора исторических наук, профессора В.А. Кузнецова).....	100
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Долженко Г.П. 20 лет кафедре международного туризма и менеджмента Кубанского государственного университета	103
Сухов Р.И., Саяпина Н.Н., Воронина Е.А. I Всероссийская научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием «Современные проблемы и технологии в сфере сервиса, туризма, гостиничного дела, государственного и муниципального управления» (Ростов-на-Дону, 6–7 апреля 2017 г.).....	105
Тажидинова И.Г. Международная научно-просветительская конференция «Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. К 100-летию Великой русской революции» (31-е Адлерские чтения, 26–30 мая 2017 г.).....	107
Рекомендации по оформлению транслитерации (References)	112

ECONOMIC SCIENCE

Sheveleva A.V. The Ecology Year in Russia is the Basis of the Solution of Environmental Problems	95
---	----

TOUCHES TO THE PORTRAIT

Dzidzoev V.D., Chibirov L.A., Basayev B.B. Significant Contribution to the National and World Science (To the 90th Anniversary of Doctor of History, Professor V.A. Kuznetsov)	100
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

Dolzhenko G.P. 20 Years of the Department of International Tourism and Management of the Kuban State University	103
Sukhov R.I., Sayapina N.N., Voronina E.A. 1st All-Russian Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists with International Participation “Contemporary Problems and Technologies in the Sphere of Service, Tourism, Hotel, State and Municipal Management” (Rostov-on-Don, April 6-7, 2017).....	105
Tazhidinova I.G. International Science and Education Conference “Problems of Russian National Security: Lessons of History and Challenges of Contemporaneity. To the 100th Anniversary of the Great Russian Revolution” (31 Adler's Readings, May 26-30, 2017).....	107
Recommendations for the design of transliteration (References)	112

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ PHILOSOPHICAL SCIENCE

УДК 316.7

DOI 10.23683/0321-3056-2017-3-4-8

СЕМАНТИКА УТРАТЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ РАВНОВЕСНО-УСТОЙЧИВОГО СОСТОЯНИЯ В НЕЛИНЕЙНОЙ ДИНАМИКЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

© 2017 г. Г.А. Воробьев^а

^аПятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

THE SEMANTICS OF A LOSS OF SOCIAL REALITY EQUILIBRIUM- STEADY STATE IN NONLINEAR DYNAMICS OF SOCIOCULTURAL CHANGE

G.A. Vorob'ev^а

^аPyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Воробьев Геннадий Александрович –
кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой
информационно-коммуникационных технологий,
математики и информационной безопасности,
Пятигорский государственный университет,
пр. Калинина, 9, г. Пятигорск, 357532, Россия.
E-mail: vorobyev@pglu.ru

Gennadiy A. Vorob'ev -
Candidate of Pedagogical Sciences,
Head of the Department of Information and Communication
Technologies, Mathematics and Information Security,
Pyatigorsk State University,
Kalinina Ave., 9, Pyatigorsk, 357532, Russia.
E-mail: vorobyev@pglu.ru

Утрата социальной реальностью равновесно-устойчивого состояния проявляется в выраженной социальной нестабильности, дисфункциональности структур и институтов, нарушении оптимальной, необходимой для нормального развития преемственности. В итоге обращение человека-массы к социальным практикам и поведенческим моделям, сформировавшимся в более простых условиях и отражающим стремление к архаическому социокультурному опыту, противоречиво взаимодействует с происходящими социальными изменениями и ведет к утрате чувства доверия, примитивизации поведения и общения. Все это воплощает в себе семантику утраты социальной реальностью равновесно-устойчивого состояния.

Ключевые слова: социальная энтропия, социальная реальность, равновесно-устойчивое состояние, динамика социокультурных изменений.

The author assumes that the loss of social reality equilibrium-the steady state is manifested in severe social instability, dysfunctional structures and institutions, violation of the optimum necessary for a normal development, continuity. In conclusion, the addressing of the man-mass to social practices and behavioural models, developed in simpler terms and reflecting the desire to archaic socio-cultural experiences, contradictory interacts with the ongoing social changes and leads to loss of sense of trust, primitivization of behavior and communication. All this embodies the semantics of a loss of social reality equilibrium-steady state.

Keywords: social entropy, social reality, equilibrium-steady state, the dynamics of sociocultural change.

На рубеже 80–90-х гг. XX в. российское общество, охваченное глубокой социальной трансформацией, начинает переживать радикальные изменения. Это находит свое выражение в кризисной динамике социокультурных процессов в целом и смыслов культуры в частности. Многие социальные болезни, захлестнувшие Россию в

конце XX в., продолжают проявляться и сегодня [1].

В социально-гуманитарном знании выделяются два вида состояний: равновесные, характеризующиеся относительным соответствием представлений о реальности и постоянным стремлением к преодолению ошибок, т. е. ликвидации

наметившихся расхождений, и неравновесные, для которых характерно наличие противоречий между представлениями о реальности и действительным положением дел.

В равновесном состоянии пребывают открытые общества, которым присущ критический тип мышления и в которых институты находятся в постоянном поиске ошибок и стремятся к их исправлению. Утрата социальной реальностью равновесно-устойчивого состояния начинает проявляться в ярко выраженной социальной нестабильности, дисфункциональности структур и институтов, нарушении оптимальной, необходимой для нормального развития преемственности, т. е. речь идет об энтропийных процессах [2]. Все это вполне применимо к современному российскому обществу, находящемуся в ситуации, которую обычно характеризуют в координатах распада ценностной системы, «опрокидывания» традиционных норм, экспансии социальной шизофрении [3, с. 90].

В настоящее время в России наблюдается социокультурный кризис, что определяет вектор социокультурной модернизации общества, направленный на преодоление тенденции культурной деградации и механизмов ее воспроизводства. В системе социальной и культурной мобильности российского общества достижение социального успеха зачастую не связано с уровнем культурного потенциала личности. И, более того, для людей с высоким культурным потенциалом каналы социальной и культурной мобильности просто оказываются закрытыми, что способствует примитивизации элитарного слоя российского общества в самых различных социальных сферах и прежде всего в сфере государственного управления.

В отличие от аномии и социальной трансформации, типичных для переходных периодов общественного развития, социальная энтропия в существенной степени отражает ментальные особенности российских реформ, проявляя себя в качестве системной неопределенности общества на социальном, экономическом, духовно-нравственном, социально-психологическом уровнях, провоцирующая диссонансное состояние личности и тем самым дестабилизирующая процесс устойчивого общественного развития.

В рамках каждой исторической эпохи человеческая личность вступает во взаимодействие с другими людьми и социальными институтами, осуществляя тем самым свою социализацию и

приобщаясь к высоким образцам культуры. В настоящее время самоопределение человека происходит в более сложно организованном, дифференцированном обществе, которое обеспечивает свою интеграцию репрезентацией социального многообразия, аккумуляцией информации, форм и моделей поведения.

В.К. Левашов обращает внимание на то обстоятельство, что понятия «устойчивость» и «неустойчивость» находятся в диалектической зависимости. Основные параметры социальной устойчивости – социально-экономическая, политическая, идеологическая, психологическая устойчивость – находят отражение в массовом сознании в виде суждений, мнений, оценок, ориентаций, ожиданий, прогнозов и т.п., которые могут быть исследованы посредством приемов, инструментов и методов эмпирической социологии [4].

Равновесно-устойчивое состояние предполагает наличие в социальной реальности самоподдерживающееся оптимальное в рамках данных условий согласование интересов, что способствует устойчивому развитию в настоящем и будущем системы социально-политических отношений всех субъектов и институтов.

Всякая социальная реальность являет собой содержание жизненного мира социального субъекта, пространства социальных институтов и культурных объектов. Общество выступает в качестве необходимой организационной формы воспроизводства социальности, а социальная реальность представляет собой результат деятельности личности и любого другого социального субъекта, благодаря чему она становится социальным пространством его деятельности.

Утрата социальной реальностью равновесно-устойчивого состояния прослеживается в соотносительности с показателями и характеристиками «нормального общества». Характеризуя условно эталонное (нормальное) общество, можно выделить следующие его черты: социальная и структурная определенность, социальная целостность, эффективный социальный контроль, устойчивое духовное и нравственное состояние общества, устойчивое положение личности в обществе, высокая культура труда, развитое правосознание, развитая политическая культура и устоявшееся политическое поведение, целостное историческое сознание и историческая память, осознание человеком собственного достоинства.

Интенции нарастания энтропии обусловлены практиками политических элит, задающих «правила игры». При этом важную роль

начинает играть социальная и политическая мобилизация как результат управленческого воздействия в условиях социокультурных перемен.

Исторически подобная мобилизация осуществляется с помощью разнообразных форм принуждения, индоктринации (сильной идеологизации вплоть до «промывания мозгов») масс, использования авторитета политического лидера, информационного и иного манипулирования. В условиях новой социальной реальности целью информационного влияния является стремление подтолкнуть потребителей к «желательной» позиции или точке зрения на политическую ситуацию, навязывая выгодный конкретной политической силе тип дискурса.

В результате становления информационного общества формируется глобальное информационное пространство социальных систем, которые ведут острую борьбу за достижение информационного превосходства. Новые телекоммуникационные технологии меняют всю систему политической коммуникации, возникают новые общественно-политические движения, а информационная безопасность личности ставится под угрозу. В информационном обществе существует больше возможностей и перспектив для манипуляции массами. Позитивная и негативная информация свободно циркулирует в пространстве СМИ, воплощая основные политические и социальные идеалы современного демократического общества. Информационное поле, создаваемое СМИ, контролирует политическое сознание и поведение людей, придавая общественному сознанию массовость [5].

Интенции нарастания социальной энтропии обусловлены и ответным социальным движением «снизу», усматривающим в действиях «управителей» пример для подражания. При этом эмпирические исследования социальной энтропии выявляют разноуровневые факторы, составляющие структуру ее базовых детерминант.

Семантика утраты социальной реальностью равновесно-устойчивого состояния в нелинейной динамике социокультурных изменений во многом связана и с кризисной динамикой смысла, что ведет к разрушению основы для взаимопонимания людей. Смысловой вакуум – составная часть энтропийного пространства – означает не отсутствие культурных ценностей, а утрату членами сообщества базовых идеалов, культурных форм смысловых взаимодействий и

поля общего культурного понимания, разрушение иерархии ценностей. В результате возрождаются примитивные, доцивилизационные, характерные для пройденного исторического этапа развития архаические смыслы культуры, которые иначе структурируют иерархию ценностей и тем самым меняют их содержание. Таким образом, речь идет не о возрождении в чистом виде архаики, а об архаическом перекодировании существующих ценностей. Процессы социокультурной деградации и архаизации находят свое отражение в «логосфере» культуры и оказывают мощное воздействие на характер развития общества [1].

Обстоятельства утраты социальной реальностью равновесно-устойчивого состояния воплощаются как в поведенческих установках, так и в практиках человеческих взаимоотношений.

Социальное поведение и межличностные отношения – важные формы активности и жизнедеятельности человека, представленные многообразием норм, традиций, образцов деятельности и общения, отражающие исторически накапливаемый социальный опыт. В широком понимании поведение представляет собой систему взаимосвязанных реакций, являющихся результатом адаптации к окружающей среде. Изучение механизмов и технологий человеческого поведения является комплексной проблемой, которую стремятся изучать представители многих наук.

Любой поведенческий акт обладает набором следующих особенностей: целевой объект или объекты, которые его направляют или из которых он исходит; специфическая картина отношения к объектам, которые используются в качестве средств для достижения цели; относительная селективность к объектам, выступающим в качестве средств, проявляющаяся в выборе тех из них, которые ведут к достижению цели более коротким путем. Поведение зависит от лежащих в его основе многообразных физических и химических процессов, но в качестве основной его черты как поведения выступает его целевой и познавательный характер [6, с. 7–8].

Социальное поведение обозначается как совокупность поступков и действий индивида или группы в обществе, способ существования и функционирования в системе социальных взаимодействий, форма преобразования и изменения социальной среды в соответствии с объективными возможностями человека.

Характер поведения в условиях социокультурного кризиса обусловлен сдвигами в мировоззрении, вынужденным обращением к архаическим формам освоения действительности, которую невозможно принять в том хаотическом состоянии, приносимом социокультурной трансформацией. Способность воспринимать действительность во всем ее многообразии утрачивается по мере усложнения привычного мира, она подменяется упрощенными схемами и мифологемами, в рамках которых роль древних богов присваивается современным действующим лицам, а «божественная сила» находится в руках политиков и скрытых сил. Вновь актуализированные архетипы рожают новые ощущения, которые подталкивают человека к экспрессивным выражениям сиюминутных коллективных чаяний [7].

Социокультурная трансформация общества вмешивается в личностное содержание современного человека. Хаотизация социокультурного пространства в период кардинальных социальных изменений порождает конфликт ценностей и норм на групповом и индивидуальном уровнях, следствием которого становится повышение конфликтности общества, рост неудовлетворенности, развитие социальных и духовных патологий. При этом общение как специфическая форма взаимодействия человека с другими членами общества претерпевает существенные изменения.

Деградация речевого общения, загрязнение языковой среды как отчетливые тренды социальной энтропии неизбежно способствуют деградации человеческой личности. А. Мелихов подчеркивает, что главная опасность сегодняшнего языкового разгула не в нем самом, а «в отсутствии аристократической инстанции вкуса, которая бы ставила языковые новообразования, да и старообразования, на должное место». Прimitивизация языка лишь следствие прimitивизации общества, неспособности культурной элиты выполнять свою извечную обязанность – отделять высокое от низкого, остроумное от вульгарного, утонченное от хамского. Перемешиванию «культурных» и «некультурных» слов всегда предшествует перемешивание культурных и некультурных слоев [8].

Межличностные отношения все больше носят прагматический характер, утрачивая близость, теплоту общения и задушевность. Духовный кризис ставит перед человеком вопрос о том, во что верить: в судьбу, которая может оказаться благосклонной, в Бога, в гражданское общество,

в самого себя, или еще во что-то или кого-то? Потеря смысла жизни, безверие и безнадежность выступают неперенными чертами социального одиночества для человека [9, с. 72–74].

В итоге обращение человека-массы к социальным практикам и поведенческим моделям, сформировавшимся в более простых условиях и отражающим стремление к архаическому социокультурному опыту, противоречиво взаимодействует с происходящими социальными изменениями и ведет к утрате чувства доверия, примитивизации, огрублению поведения и общения. Все это воплощает в себе семантику утраты социальной реальностью равновесно-устойчивого состояния.

Таким образом, равновесно-устойчивое состояние означает, что в социальной реальности происходит оптимальное самоподдерживающееся согласование интересов, которое обеспечивает устойчивое развитие в настоящем и вероятном будущем всем субъектам и социально-политическим институтам. Каждодневно вмешиваясь в частную жизнь, политика ставит человека перед необходимостью его участия в процессе выбора. Политический выбор в условиях утраты социальной реальностью равновесно-устойчивого состояния представляет собой переходное звено между сознанием и поведением и зависит от множества факторов.

Трансформация российского общества, становление элементов гражданского общества кардинально изменили систему взаимоотношений между населением и институтами власти. Становление и развитие гражданского общества невозможно без активного и сознательного включения в политические процессы большинства населения страны.

Немаловажный фактор нарастания энтропийных процессов – прагматизация межличностных отношений. Такие нравственные ценности, как честность, доброта, ответственность и милосердие, подвергаются переосмыслению, в результате чего нарушается эмоциональная связь между людьми, и в обществе растет чувство одиночества, изоляции и отчужденности человека.

Выявленные тенденции роста социокультурного отчуждения позволяют констатировать, что формирующийся в России социальный порядок принимает экспоненциально-деформированный характер, угрожающий социокультурным коллапсом. Предотвращение такого негативного сценария развития российского общества пред-

полагает необходимость поиска фундаментальных оснований устойчивого и эффективного развития, которые, с нашей точки зрения, заключаются в корреляции реального и идеального, практического и идейного, индивидуального и массового в пространстве формирования и реализации социальных и культурных практик. В противном случае остановить рост энтропийных процессов и их негативное влияние на социокультурное развитие российского общества будет невозможно.

Литература

1. Хоружая С.В. Кризисная динамика смыслов культуры [Электронный ресурс]. URL: <http://dom-hors.ru/2007/> (дата обращения: 14.03.2017).
2. Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6 (374). С. 3–13.
3. Одинцова М.А. Жизнестойкость и смысло-жизненные ориентации студенческой молодежи в условиях энтропии современного российского общества // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 2 (108).
4. Левашов В.К. Социально-политическая устойчивость общества. М.: Изд-во Ин-та прикладной математики РАН, 2005.
5. Пируцкий О.Н. Телевидение и Интернет как средства политической манипуляции : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2009.
6. Плотникова Т.В. Политическое поведение в России. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. гос. ун-та, 2004. 356 с.
7. Кольев А.Н. Политическая мифология. М. : Логос, 2003. 384 с.
8. Мелихов А. Кто вырождается – язык или общество? // Невское время. 2006. 24 мая.
9. Алейникова О.С. Влияние культурного кризиса на проявление социального одиночества в современной России // Человек постсоветского

пространства : сб. материалов конф. Вып. 3 / под ред. В.В. Парцвания. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2005. С. 69–75.

References

1. Khoruzhaya S.V. *Krizisnaya dinamika smyslov kul'tury* [Crisis Dynamics of Meanings of Culture]. Available at: <http://dom-hors.ru/2007/> (accessed 12.04.2017).
2. Toshchenko Zh.T. Prekariat - novyi sotsial'nyi klass [Prekariat - a new social class]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015, No. 6 (374), pp. 3-13.
3. Odintsova M.A. Zhiznestoikost' i smyslozhiznennye orientatsii studencheskoi molodezhi v usloviyakh entropii sovremennogo rossiiskogo obshchestva [Viability and Meaningful Orientations of Student Youth in Conditions of Entropy of Modern Russian Society]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*. 2012, No. 2 (108).
4. Levashov V.K. *Sotsial'no-politicheskaya ustoychivost' obshchestva* [Socio-political Stability of Society]. Moscow: Izd-vo In-ta prikladnoi matematiki RAN, 2005.
5. Pirushchiy O.N. *Televidenie i Internet kak sredstva politicheskoi manipulyatsii*: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk [Television and the Internet as a Means of Political Manipulation]. Stavropol, 2009.
6. Plotnikova T.V. *Politicheskoe povedenie v Rossii* [Political Behavior in Russia]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. gos. un-ta, 2004, 356 p.
7. Kol'ev A.N. *Politicheskaya mifologiya* [Political Mythology]. Moscow: Logos, 2003, 384 p.
8. Melikhov A. Kto vyrozhdetsya - yazyk ili obshchestvo? [What is Degenerating - the Language or Society?]. *Nevskoe vremya*. 2006, May 24.
9. Aleynikova O.S. [The Influence of Cultural Crisis in the Manifestation of Social Loneliness in Modern Russia]. *Chelovek postsovetskogo prostranstva* [The Man of the Post-Soviet Space]. Collection of materials of conference. Issue 3. Ed. V.V. Partsvaniya. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2005, pp. 69-75.

УДК 101.1:316

DOI 10.23683/0321-3056-2017-3-9-13

ВОПЛОЩЕНИЕ ИНЕРЦИОННОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ В ПАРАДИГМЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕГО ПУТИ РАЗВИТИЯ

© 2017 г. М.А. Гнатюк^а

^аСамарский государственный университет путей и сообщения, Самара, Россия

THE INERTIAL COMPONENT EMBODIMENT IN RUSSIAN SOCIETY IN THE PARADIGM OF DEPENDENCE ON THE PREVIOUS DEVELOPMENT PATH

М.А. Gnatyuk ^а

^аSamara State Transport University, Samara, Russia

Гнатюк Максим Александрович –
кандидат социологических наук,
преподаватель, кафедра управления персоналом,
Самарский государственный университет
путей и сообщения,
ул. Свободы, 2в, г. Самара, 443066, Россия.
E-mail: gnatuk_m@yandex.ru

Maksim A. Gnatyuk -
Candidate of Sociology,
Lecturer,
Department of Personnel Management,
Samara State Transport University,
Svobody St., 2v, Samara, 443066, Russia.
E-mail: gnatuk_m@yandex.ru

Выявление векторов и траекторий социальной инерции как свойства социальной системы в парадигме зависимости от предшествующего пути развития позволяет проследить элементы преемственности между различными историческими эпохами в координатах социальной реальности. Особую актуальность эта тема приобретает в настоящее время, когда инерционная составляющая в парадигме зависимости от предшествующего пути развития и опыта прошлого отчетливо проявляется в социальных практиках различного уровня. Представляется возможным выделить два среза проявления инерции прошлого: на функциональном уровне и на символическом. Основываясь на результатах отечественных и зарубежных исследований по данной проблематике, приходим к выводу, что положения теории зависимости от предшествующего пути развития и опыта прошлого позволяют более взвешенно и адекватно оценить тенденции общественного развития современной России через выявление социальной инерционности, онтологически включенной в социальную реальность.

Ключевые слова: инерционная составляющая, социальная инерция, социально-гуманитарное знание, зависимость от предшествующего пути развития, социальность.

The identification of vectors and trajectories of social inertia as properties of a social system in the paradigm of dependence on the previous path of development makes it possible to trace elements of continuity between different historical epochs in the coordinates of social reality. This topic becomes especially urgent at the present time, when the inertial component in the paradigm of dependence on the previous path of development and experience of the past is clearly manifested in social practices of various levels. It seems possible to distinguish two sections of the manifestation of the inertia of the past: at the functional level and at the symbolic level. Based on the results of domestic and foreign research on this subject, the author comes to the conclusion that the provisions of the theory of dependence on the previous development path and past experience allow to conduct more balanced and adequate assessment of social development trends in modern Russia through the identification of social inertia, ontologically included in social reality.

Keywords: inertial component, social inertia, social and humanitarian knowledge, dependence on the previous path development, sociality.

Многие экономисты, историки, культурологи, характеризуя влияние исторического пути на потенциал и эволюцию развития, пишут о наличии «исторической колеи», когда историческая необ-

ходимость рассматривается как некая широкая колея, по которой люди сами прокладывают маршрут собственной истории. В этом отношении представляет интерес инерционная составляющая

в парадигме зависимости от предшествующего пути развития («колен») и опыта прошлого.

Д. Норт пишет, что «история имеет значение не просто потому, что мы можем извлечь уроки из прошлого, но и потому, что настоящее и будущее связаны с прошлым непрерывностью институтов общества. Выбор, который мы делаем сегодня или завтра, сформирован прошлым. А прошлое может быть понято нами только как процесс институционального развития. Интегрировать понятие “институты” в экономическую теорию и экономическую историю – значит сделать важный шаг в развитии этой теории и истории» [1, с. 12].

Основы теории зависимости от предшествующего развития были заложены в 1980-е гг. американским экономистом-историком П. Дэвидом, который сосредоточил внимание на проблемах институциональной инерции, задавшись вопросом, почему в сложившихся экономических условиях, в сложившейся экономической системе далеко не всегда возможны институциональные новации. Он пришел к выводу, что перевес изначально избранных норм в отношении всех других – даже более эффективных – возможно проследить не только в развитии технологий. Поэтому устойчивое сохранение неэффективных технологий и норм стали называть проявлением зависимости от предшествующего развития (path dependency) [2].

При этом адепты Д. Норты делают акцент на сознательный выбор норм, на институциональное проектирование и экспорт институтов. Представители новейшей экономической истории (П. Дэвид, Б. Артур) занимаются другой стороной институционального развития – институциональной инерцией (инерцией развития), которая мешает выбирать и проектировать институты [3, с. 11].

В институционально-эволюционной теории различают три типа отношений между сущностью старых и новых институтов: path dependence – глубокая связь, сильная зависимость новых институтов от старых; path determinacy – менее значимая зависимость, оставляющая место для возникновения новых институтов; наконец, path indeterminacy, или path independence, – ситуация, когда отсутствует явная связь между старыми и новыми институтами [4].

Выступая на научном семинаре в Москве в 2005 г., П. Дэвид обращал внимание на то, что большей части анализ, который экономические историки используют для своих построений, все

еще подразумевает динамику процессов, *не зависящую* от пути развития в том смысле, что никакие конкретные события прошлого не оказывают существенного и устойчивого влияния на разворачивающуюся в будущем последовательность событий. Как правило, такие теории понимают под изменением движение к заданному исходу, и отдельные элементы потока событий не оказывают на него реального причинно-следственного воздействия.

Согласно этому подходу, экономическая история была источником наблюдений, на основе которых могли бы быть разработаны частные законы экономического движения. С этой точки зрения изучение экономической истории представлялось крайне полезным. Для теорий такого типа всюду найдется место, поскольку в определенных условиях и на протяжении некоторых промежутков времени их предпосылки достаточно близко соответствуют эмпирической реальности. Но не всегда. Безусловно, есть все основания полагать, что верно как раз обратное, особенно в том, что касается долгосрочных демографических изменений, изменений в состоянии технологических знаний, в институциональной инфраструктуре, в предпочтениях, привычках, образе жизни, свойственных определенному культурному укладу. Несомненно, на этом как раз и строится экономическая история и основываются силы, формирующие развитие и долговременный рост экономик. В этом контексте особенно полезной представляется дальнейшая разработка этих теорий на основе такой базовой концепции, как динамика, зависящая от пути развития [2].

В последнее время исследователи подчеркивают осознанное и неосознанное влияние различных традиционных образцов на поведение современных россиян, которое получило название «зависимость от тропы» – («path dependency»): институциональной, ценностно-нормативной и пр.

Как считает А.Б. Гофман, с учетом относительной длительности и силы влияния советского строя эта «тропа» в нынешней России намного глубже и длиннее, чем в иных посткоммунистических странах. Отсюда и более высокая степень зависимости от нее, и более серьезные трудности в ее преодолении. По существу налицо не только «зависимость от тропы», но и от того, что можно именовать «зависимостью от выбора тропы» («path choice dependency»). Такой выбор носит неизбежный характер с учетом, что «тропа» не одна и от этого выбора прошлого зависит настоящее и будущее России [5].

Учитывая принципы институционально-эволюционной теории Д. Норта, а также положения теории выбора, теории групп интересов и теории революций, Е.В. Сусименко рассматривает «пат-зависимость» как социокультурный феномен и формулирует институциональную организацию зависимости настоящего от прошлого, которая отличается: социальными институтами, образующими сложные системы опосредований, связывающих индивида с прошлым социума, к которому он принадлежит; индивидами, связанными с прошлым воспоминаниями о подлинности пережитого; зависимостью общества от прошлого; отчужденным прошлым; главным элементом зависимости – замещением истории становления государств частными, локальными и культурными видами памяти [6, с. 5].

В свою очередь А. Аузан предлагает при переводе «path dependence» использовать термин «колея» [7, с. 54].

Другая группа авторов считает, что не следует отождествлять культурные характеристики и характерные черты социума.

Так, А. Бузгалин полагает, что значительная часть той специфики, которую приписывают России, – это специфика позднефеодальных единых государств со всеми их свойствами – а) приоритет государства, отождествляемого с монолитом (на российском примере – с самодержавием), б) религия как форма организации духовной жизни, подчинение индивида целому (человек существует как личность только в духовно-религиозном измерении без прав личности), приоритет геополитических ценностей, прикрываемых той или иной религиозной риторикой (любая военная экспансия, в частности, оправдывается как воплощение религиозных заветов – борьбы с неверными...). В итоге то, что противопоставляется этому якобы своеобразию российского общества, – это опять же универсальные черты стандартного буржуазного, рыночно-демократического социума [8].

Э. Паин не разделяет ни доктрины «незыблемого и извечного пути» России, ни отрицания ее исторического своеобразия или того, что принято называть «исторической колеей». Куда точнее в этом смысле, по его мнению, понятие «инерция». Важное значение в этой инерции имеет традиционная культура как механизм социальной регуляции, создающий единую систему ориентиров деятельности в виде этических критериев оценки поведения. Об этом он пишет в своей последней работе [9], подчеркивая, что

концепция «исторической колеи», пусть и в мягкой форме, создает образ некоей предопределенности сложившегося направления развития.

Исследователи, обращая внимание на феномен зависимости от предшествующего развития, говорят об «эффекте блокировки»: после того как сделан некий выбор, определяющий перспективы развития системы, дальнейшие изменения будут легко идти в ту же сторону, но очень тяжело – в обратную.

По оценкам Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова, российская новая и новейшая история ярко демонстрирует подобный эффект блокировки. Осознание необходимости перехода к частной собственности происходило «со скрипом». «Обрушение» 1917 г. за несколько месяцев ликвидировало результаты двухвекового строительства институтов частной собственности. В советскую эпоху мы последовательно позиционировали себя не просто как не-Европа, но как контр-Европа. Противостояние Европе и ее ценностям блокировало посылы модернизации. В наше время в России после времен «дикого капитализма» 1990-х гг. под лозунгами патриотического этатизма начали усиливаться авторитарные институты, вплоть до восстановления однопартийной системы [10, с. 281].

Инерционная составляющая в парадигме зависимости от предшествующего пути развития и опыта прошлого проявляет себя в рамках различных типов и измерений социальности. В итоге выявление векторов и траекторий социальной инерции как свойства социальной системы в парадигме зависимости от предшествующего пути развития позволяет проследить элементы преемственности (или квази-преемственности) между различными историческими эпохами в координатах социальной реальности.

Сдерживающая сила социальной инерции особенно проявляется во время кризисов, когда российская элита пытается предложить не новые принципы социального обновления, а различные формы воплощения по инерции уже, казалось бы, отработанных принципов, прежде всего возрождение триады: персоналистская власть, слияние власти и собственности, наконец, стремление удержать сферы геополитического влияния. Инерционная составляющая в парадигме зависимости от предшествующего пути развития и опыта прошлого все более отчетливо проявляется в практиках нынешнего политического класса. Представляется возможным выделить два среза проявления инерции прошлого: на функциональном уровне и на символическом.

В СССР социокультурные элементы прошлого в ситуации становления новой социальной реальности проявляли себя как в пространстве функциональной значимости, так и посредством «постановочного стиля» жизнедеятельности, во многом идущего от ритуальности и «театральности» старой России. По М. Левину, церемониальные традиции царского и советского режима происходили из одной культурной колыбели, где иконные лики занимали особое положение и были направлены на создание образа непобедимой силы [10, с. 601–602].

Н.Г. Щербинина исходит из того, что массовое сознание постоянно воспроизводит свои истоки, активно включая архаику в современную политическую культуру общества, вновь и вновь обращаясь к сакральности, помогающей «вживлять» эту архаику. В процессах деятельных поисков русской суперидеи, якобы культуuroобразующей и судьбоносной, обнаруживается неосознанная потребность легализации и оправдания сбережения сакральных подоснов политической культуры. Передача политической символики входит в число свойств и качественных характеристик любого общественного сознания, но архаически-традиционное сознание сохраняет главным образом содержательно-сакральные символы [11].

В итоге положения теории зависимости от предшествующего пути развития и опыта прошлого позволяют более взвешенно и адекватно оценить тенденции общественного развития современной России через выявление социальной инерционности, онтологически включенной в социальную реальность.

Литература

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко. М. : Начала, 1997. 180 с.
2. Дэвид П. Зависимость от пути развития и исторические общественные науки: вводная лекция // Доклад, представленный на научном симпозиуме «20 лет исследования QWERTY-эффектов и зависимости от предшествующего развития» ГУ ВШЭ, 13 мая 2005 г. URL: <http://book2001.narod.ru/> (дата обращения: 10.05.2017).
3. Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград : Изд-во БГУ им. И. Канта, 2010. 530 с.

4. Некрасов В.Л. Path dependence и ее возможности в объяснении социально-экономической эволюции регионов. URL: www.hum.sbras.ru/snm/2009/ (дата обращения: 10.05.2017).

5. Гофман А.Б. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV.

6. Сусименко Е.В. Феномен пат-зависимости в процессе институциональных изменений. Ростов н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2008. 347 с.

7. Аузан А. «Колея» российской модернизации // Общественные науки и современность. 2007. № 6.

8. Бузгалин А. Почему Россия другая? Часть первая // Русский журнал. 2010. 9 марта.

9. Паин Э. Распутица: Полемиические размышления о предопределенности пути России. М. : РОССПЭН, 2009. 269 с.

10. Левин М. Советский век. М. : Европа, 2008. 660 с.

11. Щербинина Н.Г. Героический миф в конструировании политической реальности России : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2008.

References

1. Nort D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, Institutional Changes and Functioning of the Economy]. Tr. from Eng. by A.N. Nesterenko. Moscow: Nachala, 1997, 180 p.
2. David P. [Dependence on the path of development and historical social sciences: introductory lecture]. *Doklad, predstavlenyi na nauchnom simpoziume «20 let issledovaniya QWERTY-effektov i zavisimosti ot predshestvuyushchego razvitiya»*. GU VShE, May 13, 2005 [Report presented at the scientific symposium “20 Years of Research on QWERTY Effects and Dependence on Prior Development”]. Available at: <http://book2001.narod.ru/> (accessed 10.05.2017).
3. Nureev R.M., Latov Yu.V. *Rossiya i Evropa: effekt kolei (opyt institutsional'nogo analiza istorii ekonomicheskogo razvitiya)* [Russia and Europe: Path Dependence (the institutional analysis of the history of economic development)]. Kaliningrad: Izd-vo BGU named after I. Kant, 2010, 530 p.
4. Nekrasov V.L. *Path dependence i ee vozmozhnosti v ob'yasnenii sotsial'no-ekonomicheskoi evolyutsii regionov* [Path Dependence and its Ability to Explain Socio-economic Evolution of Regions]. Available at: www.hum.sbras.ru/snm/2009/ (accessed 10.05.2017).

5. Gofman A.B. V poiskakh utrachennoi identichnosti: traditsii, traditsionalizm i natsional'naya identichnost' [In Search of Lost Identity: Traditions, Traditionalism and National Identity]. *Voprosy sotsial'noi teorii*. 2010, vol. IV.
6. Susimenko E.V. *Fenomen pat-zavisimosti v protsesse institutsional'nykh izmenenii* [The Phenomenon of Pat-dependence in the Process of Institutional Changes]. Rostov-on-Don: Izd-vo SFU, 2008, 347 p.
7. Auzan A. «Koleya» rossiiskoi modernizatsii [The “Path” of Russian Modernization]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2007, No. 6.
8. Buzgalin A. Pochemu Rossiya drugaya? Chast' pervaya [Why is Russia Different? Part I]. *Russkii zhurnal*. 2010, March 9.
9. Pain E. *Rasputitsa: Polemicheskie razmyshleniya o predopredelennosti puti Rossii* [Impassability: Polemic Reflections on the Predetermined Russian Path]. Moscow: ROSSPEN, 2009, 269 p.
10. Levin M. *Sovetskii vek* [The Soviet Era]. Moscow: Evropa, 2008, 660 p.
11. Shcherbinina N.G. *Geroicheskii mif v konstruirovanii politicheskoi real'nosti Rossii: avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk* [Heroic Myth in the Construction of Russian Political Reality]. M., 2008.

Поступила в редакцию / Received

12 мая 2017 г. / May 12, 2017

РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

© 2017 г. С.Г. Икиликян^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

THE ROLE OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE FORMATION OF ALL-RUSSIAN IDENTITY

S.G. Ikilikyan^а

^аSouthern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Икиликян Сона Григорьевна –
соискатель,
кафедра теоретической социологии и методологии
региональных исследований,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,
ул. Пушкинская, 160, г. Ростов-на-Дону,
344006, Россия.
E-mail: sonaik82@mail.ru

Sona G. Ikilikyan –
Competitor,
Department of Theoretical Sociology
and Regional Studies Methodology,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Pushkinskaya St., 160, Rostov-on-Don,
344006, Russia.
E-mail: sonaik82@mail.ru

Анализируется роль русского языка в формировании общероссийской идентичности, проблема формирования которой в постсоветской России в результате различных социально-политических трансформаций приобретает особую актуальность. Подчеркивается решающая роль русского языка в формировании общероссийской идентичности, поскольку этот процесс не представляется возможным без существования единого национального языка, имеющего доминирующее значение. В зависимости от того, на каком языке протекают воспитательный и образовательный процессы, происходит преимущественное формирование того или иного типа идентичности. Сегодня представление о русском языке как средстве межнационального общения подразумевает распространение и утверждение в сознании россиян представлений о русском языке как общенациональном достоянии народов РФ, средстве формирования и укрепления общероссийской идентичности. Русский язык сегодня – четвертый по распространенности в мире. Он является родным для 288 миллионов человек на земле. Рассматривается, во-первых, как официальный язык Российской Федерации; во-вторых, как фактор межэтнической интеграции, языковой консолидации и этнокультурной идентификации; в-третьих, как средство обеспечения единства российского государства. Он является и тем инструментом, который объединяет всех граждан страны. Выступает как фактор межэтнической интеграции, языковой консолидации и как важнейшее средство формирования общероссийской идентичности.

Ключевые слова: общероссийская идентичность, русский язык, российское общество, межэтническая интеграция, национальный язык, языковая коммуникация, языковая политика, государственный язык.

The article is devoted to the role of Russian language in the formation of all-Russian identity. After the dissolution of the Soviet Union, as a result of socio-political transformations, the issue of the formation of all-Russian identity has become especially relevant. The Russian language has an important role in the formation of all-Russian identity. Today it is considered to be an instrument of communication among large social categories in the Russian Federation. The Russian language today is the fourth most common in the world. He is native to 288 million people on Earth. It is considered, firstly, as the official language of the Russian Federation; secondly, as a factor of interethnic integration, linguistic consolidation and ethno-cultural identification; thirdly, as a means of ensuring the unity of the Russian state. He is also the instrument that unites all citizens of the country. It is also emphasized, that Russian language acts as a factor of interethnic integration and consolidation of multinational Russian society.

Keywords: all-Russian identity, Russian language, Russian society, interethnic integration, national language, language of communication, language policy, official state language.

В постсоветской России можно наблюдать различные социально-политические трансформации. В результате исчезновения советской идеологии

наступил вакуум во всех сферах социальной реальности. Возникает кризис идентичности. Образ страны, с которой люди себя идентифицировали,

потерял четкие очертания не только с точки зрения территориальных рамок, но и представлений об объединяющих смыслах, ценностях, структурах власти и социальных отношений. В связи с этим особую важность приобретает проблема формирования общероссийской идентичности, которая остается актуальной для многонациональной России и по сегодняшний день. Существует мнение, что формирование общенациональной идентичности без существования единого национального языка, имеющего доминирующее значение, не представляется возможным [1].

Общероссийская идентичность трактуется неодинаково у современных авторов. Некоторые исследователи рассматривают общероссийскую идентичность как концепт, объединяющий гражданскую и государственную составляющую. Они придают особое значение государственной политике, которая призвана устранить символическое и правовое неравенство этнических общностей на пути формирования общероссийской идентичности [2]. Другие авторы проблемы идентичности России связывают с усилением процессов глобализации, идейно-информационной конкуренцией, обострением военно-политических проблем [3]. В формировании общероссийской идентичности А.Ю. Шадже придает особое значение памяти. «Память ценна тем, что она соединяет человека с прошлым, формирует представление родины и чувство самосознания. Пренебрежение к прошлому, к этнокультурным ценностям нарушает естественный процесс саморазвития этноса» [4, с.45].

Следует отметить, что большинство авторов придерживаются мнения, что общероссийская идентичность находится в процессе формирования, и ее значимость для населения растет постепенно [5]. При этом подчеркивается решающая роль русского языка в формировании общероссийской идентичности [6].

Цель данной статьи – анализ роли русского языка в формировании общероссийской идентичности.

Русский язык сегодня – четвертый по распространенности в мире. Он является родным для 288 миллионов человек на земле [7]. Рассматривается, во-первых, как официальный язык Российской Федерации; во-вторых, как фактор межэтнической интеграции, языковой консолидации и этнокультурной идентификации; в-третьих, как средство обеспечения единства русского государства [8].

В условиях многонационального населения, многообразия этнолингвистических интересов и сложного национально-государственного устройства сохранение единства языкового пространства как залога сохранения единства страны представляется возможным через охрану русского языка со стороны государства и общества как государственного языка [7]. Статус русского языка как государственного установлен Конституцией Российской Федерации, согласно которой государственный язык обязан быть системообразующим фактором сохранения целостности Российской Федерации [9]. При этом важно иметь в виду, что специфика государственной политики в отношении русского языка в условиях российской полиэтнической общности заключается в том, что в качестве средства, обеспечивающего единство и целостность современной российской государственности, необходимо рассматривать не только русский язык, но и все языки российского многонационального народа [8]. В связи с этим важно отметить, что Закон «О языках народов Российской Федерации» определяет все языки народов Российской Федерации «как национальное достояние Российского государства». Провозгласив языки народов России национальным достоянием государства, закон гарантирует свободное и равноправное развитие языков, независимо от численности их носителей, а также свободное развитие таких важных компонентов потребности в безопасности, как двуязычие и многоязычие. В Законе Российской Федерации «О языках...» определены основные сферы функционирования русского языка как государственного: высшие органы государственной власти и управления; опубликование законов и других правовых актов субъектов Российской Федерации; проведение выборов; в деятельности государственных органов; в официальной переписке и делопроизводстве; в российских средствах массовой информации [7].

Для Российской Федерации проблемы оптимизации языковой политики государства актуальны вдвойне, поскольку Россия является многонациональным государством, что порождает целый ряд проблем в сфере межнациональных отношений, с другой стороны – русский язык традиционно является языком межнациональной коммуникации не только в России, но и после распада СССР в целом ряде государств, образовавшихся на постсоветском пространстве. Обеспечение защиты русского языка и национальных языков Российской Федерации от вытеснения из

сферы межнациональной коммуникации становится одной из ключевых задач государственной языковой политики. Кроме того, важно отметить, что, несмотря на то, что русский язык в настоящее время является государственным и повсеместно распространенным на территории Российской Федерации, нуждается в государственной поддержке, выражающейся в организации и финансировании программ по развитию русского языка, его популяризации в стране и мире, повышению качества образования на русском языке и владения русским языком граждан Российской Федерации [10].

Русский язык – это база для активного сосуществования и сотрудничества с многочисленными народами России и недалёкого общего прошлого – Советского Союза. Владение русским языком позволяет другим народам познакомиться с богатейшей многовековой культурой русского народа. Русский язык – это мощный транслятор культуры. Исторически сложилось так, что именно через посредство русского языка многочисленные народы России, постсоветского пространства, ближнего, а также дальнего зарубежья поддерживают и развивают свои культурные в самом широком смысле слова связи, и это позволяет всем ощутить своё место в мире и тем самым осознать динамическую целостность человечества в общем контексте пространства и времени, укоренённость в их пределах, ответственность перед ними. Невозможно обойти вниманием роль русского языка в воспитании и поддержании толерантного сознания в современном поликультурном и поликонфессиональном мире [11]. Русский язык является важнейшей частью духовной культуры всех народов России, способствующей взаимному обогащению национальных культур [7].

Некоторые исследователи отмечают, что в советский период наблюдалось значительное снижение этнолингвистической жизнеспособности малочисленных этносов, что привело к языковой ассимиляции их части. Овладение русским языком малочисленными народами отражало стратегию индивидуальной мобильности, желание интегрироваться в доминантную группу [12]. В советский период нередко встречались такие ситуации, когда приходилось жертвовать либо потребностью идентичности, либо потребностью взаимопонимания. Потребностью взаимопонимания обычно жертвовали бессознательно, не расширяя социальные связи. Потребностью же

идентичности жертвовали сознательно. Возможное ощущение этнической и языковой неполноценности компенсировалось престижностью русского языка и возможностями продвижения при его знании. Пока для массового сознания существование единого СССР казалось само собой разумеющимся, освоение русского языка принималось “молчаливым большинством” как если и не лучшая, то, по крайней мере, естественная ситуация» [13].

Общероссийская идентичность не должна противоречить ценностям и интересам этносов [14]. Некоторые исследователи уверяют, что в процессах формирования общероссийской идентичности важно учитывать значимость этнического фактора. Россия – страна многонациональная, и российская идентичность не может быть сформирована с доминированием одной этнической группы. Поэтому важно, чтобы сплочение общероссийской нации происходило на базе гражданской культуры, интегрирующей в себе не только русскоязычный культурный базис, но и элементы этнических культур народов России [5].

Большинство исследователей уверены, что языковой фактор оказывает важное влияние на формирование идентичности. В зависимости от того, на каком языке протекают воспитательный и образовательный процессы, происходит преимущественное формирование того или иного типа идентичности [6]. Сегодня представление о русском языке как средстве межнационального общения подразумевает распространение и утверждение в сознании россиян представлений о русском языке как общенациональном достоянии народов РФ, средстве формирования и укрепления общероссийской идентичности [7].

Итак, русский язык – это язык самой многочисленной этнической общности России (83 % населения активные пользователи) и наиболее распространенное средство социально-политической коммуникации в условиях современного российского социума (свыше 150 этнических групп активные пользователи). Русский язык также выступает как фактор межэтнической интеграции, языковой консолидации и как средство формирования общероссийской идентичности. Роль русского языка в духовно-культурной консолидации – одна из важнейших. Он является и тем инструментом, который объединяет всех граждан страны экономически и политически, способствует освоению многонационального

культурного опыта. Следовательно, мы приходим к выводу, что русский язык играет решающую роль в формировании общероссийской идентичности, призванной консолидировать людей разных национальностей, сплотить их в рамках единой государственной общности.

Литература

1. Казарян А.Н. Языковая политика Российской Федерации в контексте конструирования национальной идентичности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 2. С. 322–326.

2. Санина А. Г. Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход. URL: [http:// www.ecsocman.hse.ru](http://www.ecsocman.hse.ru) (дата обращения: 05.06.2017).

3. Целищев Н.Н. Язык, этническая идентичность и национальное самосознание. URL: [http:// www.ecsocman.hse.ru](http://www.ecsocman.hse.ru) (дата обращения: 05.06.2017).

4. Шадже А.Ю. Идентичность в контексте постнеклассической науки // Идентичность как предмет политического анализа: аспекты кризиса идентичности в трансформирующемся обществе : сб. ст. по итогам Всерос. науч.-теор. конф. / под ред. И.С. Семененко, Л.А. Фадеевой, В.В. Лапкина, П.В. Панова. М. : ИМЭМО РАН, 2011. С. 42–47.

5. Дробищева Л.М., Рыжова С.В. Российская идентичность и межэтническая толерантность. URL: [http:// www.civisbook.ru/files/File/Ros_ident.pdf](http://www.civisbook.ru/files/File/Ros_ident.pdf) (дата обращения: 06.06.2017).

6. Сафин Ф.Г., Халиуллина А.И. Роль русского языка в формировании общероссийской гражданской идентичности в полиэтничном регионе (на примере Башкортостана) // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 90–91.

7. Борисова Л.П., Шадрин С. Н. Роль русского языка в формировании общероссийской идентичности // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 221–224.

8. Каневский А.А. Государственная языковая политика в российском полиэтничном социуме : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д., 2016. 18 с.

9. Бердашкевич А.П. О государственной языковой политике России // Высшее образование в России. 2000. № 6. С. 60–69.

10. Казарян А.Н. Государственная языковая политика в современной России как основа со-

хранения национальной идентичности в контексте мировых глобализационных процессов : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д., 2013. 17 с.

11. Ибрагимова В.Л. Язык в мире действительности // Российский гуманитарный журнал. 2015. Т. 4, № 2. С. 145–149.

12. Борисов Р.В. Диалог языка и этнической идентичности в поликультурном образовательном пространстве // Вестн. Томского гос. ун-та. 2007. № 299. С. 154–157.

13. Алтатов В. М. Языковая политика в современном мире // Научный диалог. Филология. 2013. № 5(17). С. 8–28.

14. Абузарова Н.А. Гражданская и этническая идентичность: проблема сосуществования // Этнос и формирование гражданской нации: диалектика российской национальной политики : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Уфа, 9 декабря 2014 г.) / под общ. ред. И. В. Фроловой. Уфа : Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан, 2014. С. 245–248.

References

1. Kazaryan A.N. Yazykovaya politika Rossiiskoi Federatsii v kontekste konstruirovaniya natsional'noi identichnosti [The Language Policy of the Russian Federation in the Context of Designing National Identity]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie I obshchestvennye nauki*. 2013, No. 2, pp. 322-326.

2. Sanina A.G. *Formirovanie rossiiskoi identichnosti: grazhdansko-gosudarstvennyi podkhod* [Formation of Russian Identity: Civil-State Approach]. Available at: [http:// www.ecsocman.hse.ru](http://www.ecsocman.hse.ru) (accessed 05.06.2017).

3. Tselishchev N.N. *Yazyk, etnicheskaya identichnost' i natsional'noe samosoznanie* [Language, Ethnic Identity and National Self-identity]. Available at: [http:// www.ecsocman.hse.ru](http://www.ecsocman.hse.ru) (accessed 05.06.2017).

4. Shadzhe A.Yu. [Identity in the Context of Postnon-classical Science]. *Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza: aspekty krizisa identichnosti v transformiruyushchetsya obshchestve* [Identity as the Subject of Political Analysis: Aspects of the Identity Crisis in a Transforming Society]. Col. of articles All-Russian scientific-theor. conf. Ed. by I.S. Semenenko, L.A. Fadeeva, V.V. Lapkin, P.V. Panov. Moscow: IMEMO RAN, 2011, pp. 42-47.

5. Drobizheva L.M., Ryzhova S.V. *Rossiiskaya identichnost' I mezhetnicheskaya tolerantnost'* [Russian Identity and Interethnic Tolerance]. Available at: http://www.civisbook.ru/files/File/Ros_ident.pdf (accessed 06.06.2017).
6. Safin F.G., Khalilulna A.I. Rol' russkogo yazyka v formirovanii obshcherossiiskoi grazhdanskoi identichnosti v polietnichnom regione (na primere Bashkortostana) [The Role of Russian Language in the Formation of the All-Russian Civil Identity (On the Example of Bashkortostan)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015, No. 11, pp. 90-91.
7. Borisova L.P., Shadrina S. N. Rol' russkogo yazyka v formirovanii obshcherossiiskoi identichnosti [The Role of the Russian Language in the Formation of the All-Russian Identity]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2012, No. 12, pp. 221-224.
8. Kanevskii A.A. *Gosudarstvennaya yazykovaya politika v rossiiskom polietnicheskom sotsiume*: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk [State Language Policy in the Russian Polyethnic Society]. Rostov-on-Don, 2016, 18 p.
9. Berdashkevich A.P. O gosudarstvennoi yazykovoii politike Rossii [On State Language Policy of Russia]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2000, No. 6, pp. 60-69.
10. Kazaryan A.N. *Gosudarstvennaya yazykovaya politika v sovremennoi Rossii kak osnova sokhraneniya natsional'noi identichnosti v kontekste mirovykh globalizatsionnykh protsessov*: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk [State Language Policy in Modern Russia as a Basis for the Preservation of National Identity in the Context of World Globalization Processes]. Rostov-on-Don, 2013, 17 p.
11. Ibragimova V.L. Yazyk v mire deistvitel'nosti [Language in the World of Reality]. *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal*. 2015, vol. 4, No. 2, pp. 145-149.
12. Borisov R.V. Dialog yazyka I etnicheskoi identichnosti v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve [Dialogue of Language and Ethnic Identity in Multicultural Educational Space]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2007, No. 299, pp. 154-157.
13. Alpatov V.M. Yazykovaya politika v sovremennom mire [Language Policy in Modern World]. *Nauchnyi dialog. Filologiya*. 2013, No. 5 (17), pp. 8-28.
14. Abuzarova N.A. [Civil and Ethnic Identity: the Problem of Coexistence]. *Etnosy i formirovanie grazhdanskoi natsii: dialektika rossiiskoi national'noi politiki* [Ethnoses and Formation of Civil Nation: the Dialectics of Russian National Policy]. Col. of mat. All-Russian sc.-prac. conf. (Ufa, Dec. 9, 2014). Ed. by I.V. Frolova: Ufa: Bashkirkaya akademiya gosudarstvennoi sluzhby i upravleniya pri prezidente Respubliki Bashkortostan (Ufa), 2014, pp. 245-248.

АГОНАЛЬНОСТЬ КАК УНИВЕРСАЛИЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СИСТЕМ (КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)

© 2017 г. М.А. Хоконов^а, З.Х. Соблирова^а, А.А. Журтова^а

^аКабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

AGONALITY AS A UNIVERSAL OF SOCIO-CULTURAL SYSTEMS (CULTURAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS)

М.А. Khokonov^а, Z.Kh. Soblirova^а, A.A. Zhurtova^а

^аBerbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia

Хоконов Мурат Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, кафедра режиссуры, кино и телевидения, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, ул. Чернышевского, 173, г. Нальчик, 360004, Россия. E-mail: mhokonov@gmail.com

Murat A. Khokonov - Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Directing, Film and Television, Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Chernyshevskogo St., 173, Nalchik, 360004, Russia. E-mail: mhokonov@gmail.com

Соблирова Зарета Хасанбиевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра культурологии, этнологии и истории народов КБР, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, ул. Чернышевского, 173, г. Нальчик, 360004, Россия. E-mail: zareta.soblirova@inbox.ru

Zareta Kh. Soblirova - Candidate of History, Senior Lecturer, Department of Culturology, Ethnology and History of the KBR, Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Chernyshevskogo St., 173, Nalchik, 360004, Russia. E-mail: zareta.soblirova@inbox.ru

Журтова Анжела Ариковна – кандидат исторических наук, ассистент, кафедра культурологии, этнологии и истории народов КБР, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, ул. Чернышевского, 173, г. Нальчик, 360004, Россия. E-mail: anzhelka28@mail.ru

Anzhela A. Zhurtova - Candidate of History, Assistant, Department of Culturology, Ethnology and History of the KBR, Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Chernyshevskogo St., 173, Nalchik, 360004, Russia. E-mail: anzhelka28@mail.ru

Исследуется феномен агональности как пространство динамического развертывания социальных отношений, в котором на каждом этапе развития социумов снимаются диалектические противоречия, конфликты через элементы борьбы, соперничества на всех уровнях общественной жизни. В процессе изучения явления соперничества, состязательности в различных культурах предпринимается попытка рассмотрения агональности в межличностных отношениях, исторических формах общества.

С целью конкретизации и детализации затрагиваемой проблемы и выявления особенностей агонистики в контексте той или иной культуры проводится историографический обзор философских и культурологических теорий, в которых проблема агональности была рассмотрена в различных аспектах. Особое внимание уделяется анализу агональных элементов в институтах традиционной культуры адыгов. Постулирование идеи о высокой степени агональности адыгского культурного пространства осуществляется через анализ традиционных институтов адыгского общества.

Подчеркивается, что демократизм, стремление к индивидуальной свободе, дух состязательности и конкуренции за власть в истории цивилизации наиболее ярко отражается в социально-политической, культурной жизни античного полиса, в котором система мусического и физического воспитания, высокая гражданско-патриотическая культура, свободная творческая агональность выступали как некая система стимулов к прогрессу, саморазвитию. Данное положение делает возможным сравнительный анализ социальной, политической, культурной, межличностной агональности в адыгском традиционном обществе и полисной организации античного социума, в рамках которых многоуровневая агонистика – это динамический механизм культуры.

Ключевые слова: агональность, античность, адыги, игра, культура, конфликт, онтология, социокультурная динамика, экзистенция.

The presented article considers the phenomenon of agonality as a space for the dynamic development of social relations, in which dialectical contradictions, conflicts through elements of struggle, rivalry at all levels of social life are eliminated at each stage of the development of societies. In the process of studying the phenomenon of rivalry, competition in various cultures, an attempt to examine agonality in interpersonal relations, historical forms of society is made.

In order to specify and analyze in detail the involved problem and also to identify the characteristics of agonality in the context of a culture, a historiographic review of philosophical and cultural theories is conducted, in which the problem of agonality was examined in various aspects. In the context of the presented article, special attention is paid to the analysis of agonality elements in the institutions of traditional Adygian culture. The postulation of the idea of a high degree of agonality of the Adyghe cultural space is realized through the analysis of the traditional institutions of the Adygeyan society.

The work emphasizes that democracy, the desire for individual freedom, the spirit of competitiveness and competition for power in the history of civilization most clearly reflected in the socio-political and cultural life of the ancient polis, in which the system of musical and physical education, a high civil-patriotic culture, free creative agonality acted as a kind of system of incentives for progress, self-development. This provision makes possible a comparative analysis of social, political, cultural, interpersonal agonality in the Adyghe traditional society and the political organization of the ancient society, in which multi-level agonality is a dynamic mechanism of culture.

Keywords: agonality, antiquity, Circassians, game, culture, conflict, ontology, sociocultural dynamics, existence.

Среди новых культурологических категорий, получивших концептуальную кристаллизацию и полисемантическое осмысление, агональность является одной из самых сложных и неоднозначных, указывающей на диалектические и динамические параметры культуры, межкультурную коммуникацию и ментальные основы формирования этнокультурной идентичности.

В данной статье сконцентрируем внимание на историографическом аспекте изучения этой категории и попытаемся проанализировать основные теоретические идеи, заложившие основу теории агонистики и ее роли в эссенциальном освещении культурных процессов, а затем перейти к непосредственному толкованию элементов древнегреческой и адыгской социокультурной общности сквозь призму агонального мышления. Основной задачей представленного научного исследования является теоретическая экспликация универсальности агональности в различных культурах.

Термин «агональность» одним из первых в истории философии и эстетики употребил немецкий историк Я. Буркхардт, который, модифицировав общеизвестный греческий термин «агон», использовал его как «агональность». Первоначально понятие «агон» было неразрывно связано с искусством, а именно – с аттической комедией, где им обозначается словесный спор, риторическая махия (сражение) между персонажами, а затем актерами. Агональные отношения между образами можно отметить в знаменитых комедиях Аристофана, Еврипида, и зачастую в их произведениях

спор выигрывает тот персонаж, который озвучивает художественную мировоззренческую позицию автора. Так, например, в комедии «Облака» Аристофана, где древнегреческий драматург сделал Сократа некоей обобщающей карикатурной личностью на софистику, происходит противостояние между Правдой и Кривдой, где, конечно же, побеждает позиция автора [1]. Но обратим внимание на следующий парадокс и роковую ошибку в истории: Аристофан, который приписывал Сократу в «Облаках» и его ученикам софизм, шарлатанство, стремление дискредитировать веру в общегреческих богов, сам, видимо, не понимал, что великий философ является интеллектуальным предтечей диалектики, которая занимается выяснением универсальных законов природы и общества. Исторически агон – это культурный универсалий, воплощенный в философском символе «вечно живого Огня» Гераклита, получающий свое отражение также и в музыкальном искусстве Древней Греции, который входил в различные народные игры в честь божественных культов (Истмийские, Пифийские игры).

Агональность проявлялась, например, в состязаниях на виртуозность на авлосе, на кифаре, подтверждая тем самым универсальность состязательности и в достаточно сложных и профессиональных кругах элитарной культуры Древней Греции. Прежде всего древнегреческая агонистика получила свое высшее воплощение в спортивных, а точнее – гимнастических и атлетических состязаниях. Везде, где бы агональная духовность не проявляла себя, важнейшим типом

личности, идентификационным маркером, идеальной личностью выступал мифологический герой. Стрежневой компонент агонального мимезиса тогда – это стремление быть, стать как Ахиллес, Геракл, Диомед, Аякс, Одиссей, т. е. культурным героем.

Не будет преувеличением сказать, что понимание происхождения и развития древнегреческой культуры, ее достижений было бы неполным без основополагающих трудов Ж.-П. Вернана [2]. Историк ставит перед собой задачу проанализировать корни античной цивилизации, охватывая исторический период с I тыс. до н.э. вплоть до VI – V вв. до н.э. В его труде вскрываются основные причины становления социальных и политических структур Древней Греции, прослеживается весь ход трансформации мышления греков в указанное историческое время. Ж.-П. Вернан отмечает, что после кризиса и распада микенского царства происходят и упадок единовласти, и ощутимые изменения в социально-политической и духовной жизни. Все это повлекло за собой появление свободомыслия, тяготение к созерцательной мудрости, участие народа в политической жизни и, конечно же, формирование состязательного мышления. Вот что писал по этому поводу автор: «Агональный дух, дух состязания, вдохновлявшие знатные роды, пронизал все области человеческой деятельности и, прежде всего, военную: практика управления колесницами исчезла вместе со всем тем, что она вобрала в себя из политической и административной централизации ... наконец, вся “доправовая область”, господствующая в отношениях между родами, сама являлась чем-то вроде агона – узаконенной и регулируемой борьбы, пробы сил между родами, подобно борьбе атлетов между собой. Политика также, в свою очередь, приняла форму агона – состязания в красноречии, борьбе мнений, местом проведения которого была агога, площадь, место собраний, ставшее впоследствии рынком» [2, с. 66].

Ф.Х. Кессиди, известный российский историк философии и мифологии античности, особо отмечал яркость и неподражаемость агональности греческой культуры, утверждая, что «агональность пронизывает все стороны жизни древних греков» [3, с. 13]. Философ обстоятельно изучает этнопсихологические истоки формирования характера древнего грека. Делая интересные выводы об особенностях древнегреческой художественной культуры, ораторском искусстве и, конечно же, об ориентации греческого мышления

на теоретическую, умозрительную деятельность, он приходит к следующему обобщению: состязательность пронизывала всю жизнедеятельность греков, начиная от театральных постановок, судебных тяжб, ораторских прений. И эта агональность имеет, по Ф.Х. Кессиди, глубокие эпические (Гомеровский эпос построен на агоне!) мифологические корни, доходя до космогонического мифа о борьбе Зевса со своим отцом Кроном. Греческая духовность имеет установку на универсальность агона.

Несколько в другом ключе трактовал проблему агональности основоположник культурологической теории игр Й. Хейзинга. Он рассматривал содержание агональности как бытийное выражение игровой культуры и доказывал, что антитетическое начало и есть субстанциональность самой игры: уже начиная с архаических ритуальных организаций культуры в духовности человека обнаруживается перманентное стремление к борьбе [4].

В теории анализа социального взаимодействия Г. Зиммеля, феноменологии Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, американском прагматизме Ч. Кули, У. Джеймса, Дж. Дьюи, У. Томаса, теории мимезиса Дж. Болдуина и Г. Тарда, «социальной экологии» Р. Парка агональный аспект конфликта рассматривался как устойчивая форма взаимодействия людей, повторяющаяся во все эпохи и во всех обществах.

В отечественной науке проблему агональности как коммуникативного явления рассматривали Й.И. Шейгал, В.В. Дешевова, А.В. Яровой анализирует агональный характер культуры в средневековой Европе [5]. Н.В. Осинцева агональность исследует в контексте всей европейской цивилизации и связывает с онтологическими, антропологическими проблемами [6].

Фундаментальной работой, ставшей новой вехой в философском анализе агональности, стал труд А.И. Зайцева «Культурный переворот в Древней Греции». Исследуя историко-культурную эволюцию этой страны, ученый посвящает проблеме агональности целую главу «Агон в архаической и классической Греции». Свои суждения по поводу генезиса агональных отношений он предваряет солидным историографическим обзором работ зарубежных и отечественных авторов. При этом интересным аспектом данного анализа, безусловно, следует считать и то, что Зайцев впервые обращает наше внимание и на изыскания тех исследователей, которые не считали агональность свойственной

только греческой культуре. Например, И. Вайлер, М. Финли, Д. Янг, Р. Мут, которые указывали, что агональность имеет общечеловеческий характер, а иногда и негативное, деструктивное проявление. А.И. Зайцев, проанализировав агональность как универсальный фактор развития, приходит к заключению, что греческая агонистика сформировалась в среде военной знати, т. е. в аристократических слоях [7].

Не менее значимы в ракурсе культурологического осмысления сущности агональности в контексте древнегреческой цивилизации работы Г.В. Драча. Рассматривая динамику социокультурных отношений, а также обращая внимание на постоянную политическую борьбу между древнегреческими полисами, во многом предопределившими специфику античной ментальности, исследователь назвал агональность одной из важнейших особенностей греческой культуры [8]. Он понимает под агональным началом соревновательное начало, которое позволяет перейти социуму от чисто социобиологических паттернов поведения к собственно педагогике, воспитанию личности и высокоразвитой культуре.

Определенным вкладом в общую научную парадигму познания агональности социокультурных отношений является исследование В.А. Ершова, где автор раскрывает методологические корреляции категории агональности с категориями игры, диалектики и выделяет ее социально-философское содержание [9].

На агональный характер коммуникативных отношений в традиционных культурах обратила внимание Р.Б. Унарокова. Анализируя гендерные взаимодействия в этнокультурной системе адыгов, она обнаруживает агональные элементы в невербальных добрачных коммуникациях, рассматривает ситуацию игрового ухаживания жениха в культуре западных адыгов. Речь идет о добрачном знакомстве и общении, где большую роль в определении межличностной совместимости имеют невербальные, подтекстовые способы взаимодействия между потенциальным женихом и невестой. Юноша на первой стадии знакомства обращается к девушке в поэтической форме, используя метафорический язык, владение которым считалось высшим уровнем знания родного языка и ментальной импликации человека с аутентикой своей этнической культуры. Если юноша получает разрешение от невесты, то разворачивается вторая стадия коммуникативной диалектики, а речевое взаимодействие превращается в

настоящую риторическую агональность, состязание. «Словопрение в конце концов превращается в полемику, в состязание в находчивости и остроумии. Победителем в таком поединке оказывается тот, кто знает наибольшее количество полемических клише и обладает способностью импровизировать, создавать новые реплики» [10]. В данной работе Р.Б. Унарокова показывает всю высокую организованность, развитость адыгской коммуникативной культуры на примере специфической коэволюции присутствующих в ней специализированных языков. На примере этого небольшого эмпирического материала можем еще раз убедиться в том, что агон – это механизм установления не только межличностной совместимости, но и предела агрессивности между людьми, так как он обозначает результат противодействия сил, которые получают бытийные статусы победившего и побежденного после осуществления борьбы.

Один из основоположников философии постмодернизма Ж.-Ф. Лиотар элементы и механизмы агонистики прослеживает на примере языковых актов. Он трактует их как проявления агонистики жизни, а языковое противостояние по его аналитической направленности – как способ осуществления социальной коммуникации [11].

Агонистике языковых, риторических актов большое внимание уделял еще и Аристотель в диалектических рефлексиях, получивших свое воплощение в философских трактатах «Топика», «О софистических опровержениях». Агональность, борьба – если исходить из мыслей античного мыслителя – это игра, состязательный характер единичного и целого, где в целостности части обладают большими онтологическими правами и свободами, чем в дискретном состоянии.

Попытаемся раскрыть суть данного понятия через анализ традиционных институтов адыгского общества. Рассмотрим риторическую агональность, т. е. искусство спора, эстетику ведения дискуссии средствами родного языка. Риторическая агональность имеет место в адыгском традиционном социуме, начиная с культуры детства и связанных с ней обрядов инициации. В педагогической культуре адыгов этот тип агональности в детской среде организовывается, например, через некий «ритуализированный эксперимент», через своеобразный мозговой штурм, проходивший в специальной военной организации под названием Шупщыгэ (военный, полевой

стан). Об этой организации, которая является органической частью института наездничества, пишет А.С. Марзей. Он анализирует роль ШупщЫэ в военно-политическом воспитании и общей инкультурации аристократической молодежи Черкесии. «Военные и осенние сезоны, проводимые в поле, были серьезной школой военного воспитания черкесской молодежи, и не только военной. Здесь происходила социализация юношей, передача знаний от старшего поколения младшему. Старые воины обучали молодых владению оружием, конем, тактическим приемам; юноши во время набегов приучались переносить тяготы и лишения походной жизни. Во время пиров, устраиваемых в стане наездников, молодежь слушала рассказы, древние легенды и предания, историко-героические песни, изучала народные обычаи и ораторское искусство» [12]. Оказывается, что военно-патриотическое воспитание подрастающего поколения в качестве очень важного атрибута включало и политико-правовую, риторическую социализацию через диалектическую коммуникацию старшего и младшего поколения. Здесь можно провести культурно-исторические параллели с античной диалектикой, а точнее – с искусством диалектического спора Сократа, являющегося основоположником диалектики – метода познания истины через философские беседы, спор, дискуссии. Диалектика – это искусство ведения спора, аргументации и получения истинных суждений, которая достижима, как мы полагаем, через триединство глубочайшего знания своего родного языка, рационально-логических знаний и профессионального владения навыками ораторского искусства (так как основная цель здесь – не просто рождение истины, а еще и ее донесение). Сократ учил греческую молодежь не только философским и логическим тонкостям своего учения, метода, но и приобщал ее к познавательным, поэтическим, риторическим возможностям родного языка, умению прочувствовать те смысловые миры и онтологические конструкции, которые он может порождать через субъективную реальность каждого. Сократ, как видно из диалогов Платона, ищет противоречия в суждениях собеседников, учеников и, показывая их затруднения, а зачастую и заблуждения, приоткрывает завесу перед их идолами и призраками разума. Это касается споров о природе добра и зла, добродетели и справедливости, истины и лжи и т.п. [13].

Если сократическая агональность и майевтика (Сократ сравнивал свое искусство рождения

истины с повивальным искусством. На древнегреческом «маейвтикос» означает «повивальное дело») протекали в коммуникативном пространстве диалога, незамкнутого круга философского спора, то в адыгской традиционной культуре риторическая агональность проходила в «агоне сталкивающихся кругов». Поясним эту мысль. В «Записках о Черкесии» Хан-Гирей передает описание одной весьма любопытной традиции адыгов: «Достойная наибольшего замечания забава из всех забав черкес, есть следующая: князья и дворяне во время пребывания в поле...разделяются на две партии и одна из них объявляет другой свои претензии под каким-нибудь предложением. Тут избирают судей, перед которыми ответчики состязаются силой красноречия, а претендующие не щадят могучих выражений для побеждения своих противников. Таким образом, открывается здесь поле, где старшины, князья и дворяне показывают могущество своего красноречия и знания существующих узаконений, народных и феодальных прав древних фамилий своей нации. Забава эта, или лучше сказать, упражнение в словесности, служит у черкесов школою, образующею... ораторов» [12].

Агональность, как еще раз демонстрирует данный фрагмент, в ШупщЫэ предполагало межгрупповой характер противоборства, и игровая медиация избранных судей приводит, несмотря на явный синкретизм усвоения этикетных, языковых, правовых норм, к постепенной манифестации прогрессивных факторов этнокультуры. Обратим внимание и на то, что отдельным аспектом социализации аристократической молодежи у адыгов была, как в этом можно убедиться из вышеприведенной цитаты, правовая агональность, становление правового сознания через интеллектуально-игровые состязания и межличностные правовые коллизии. Состязательность закладывалась в детях с самых ранних лет и по принципу психологической суггестии: молодым дворянам в качестве мотивации к деятельности, соревнованию, к превосходству сверстников в военных делах, наездах старшие мужчины и женщины напоминали об их происхождении, знатности. Особенно острыми и зачастую поразительными могли быть и военные, а иногда и политические состязания между ближайшими родственниками, а иногда агональный дух непримиримости сталкивал в идеологическом противоборстве родных братьев, которые диаметрально расходились в своих воззрениях относительно пути спасения

Кабарды в годы антиколониальной борьбы в начале XIX в. Сошлемся на один интересный фрагмент из истории и этнографии адыгов В.Х. Кажарова, в котором одновременно присутствуют и явные признаки катастрофического духовного кризиса, настигшего адыгское общество на перепутье XVII – XVIII вв., и глубокое трагическое расслоение духовной элиты адыгов. Автор изображает исторические образы Измаил-Бея и Адиль-Гирея Атажукиных, одних из самых ярких представителей и носителей доминантных политических позиций, настроений, преобладающих в социокультурной среде адыгов в эти, мягко говоря, нелегкие времена [14]. Измаил-Бей Атажукин (1750–1812), сделал весьма успешную карьеру, в 1804 г. возвращается в Кабарду и вливается в ее общественно-политические реалии, всячески противостоит гибели народа. В своей речи на собрании представителей сословий он призывал население к трезвому, сознательному подходу к национальному самоопределению, предотвращению национальной катастрофы через поиск различных компромиссов с Российской империей, указывая на бессмысленность дальнейшего сопротивления и угрожающую перспективу полного истребления народа. В качестве нравственной опоры, социальной страты, которая может поддержать население и его веру, стойкость, силу духа, он пока еще называл духовенство. Спустя всего лишь несколько лет, уже в 1807 г. Измаил-Бей крайне негативно отзывался о деятельности мусульманского духовенства, указывая на его связи с турецкими эмиссарами, которые якобы оказывают щедрую финансовую помощь муллам, эфендиям в духовной дезориентации адыгов, прививая последним нехарактерные для их менталитета религиозный фанатизм, неподчинение действующим правовым нормам, постановлениям, также осуждал карательные, жестокие методы колониального движения. Полной противоположностью брату, который за относительно короткий период смог отойти от некоторых своих идейных взглядов, был Адиль-Гирей Атажукин, являвшийся в Кабарде сторонником и руководителем шариатского движения. Идейная агональность, разгоревшаяся между братьями, не была обыкновением столкновением мировоззрений, индивидуалистских амбициозных настроений, случаи которого не так редки среди кабардинцев. Это – персонифицированная борьба двух противостоящих друг другу концепций решения всего сложнейшего комплекса

«вызовов», перед которыми оказалось кабардинское общество в первой четверти XIX в. В итоге попытки Измаил-Бея найти среди своих соотечественников и российских военно-политических деятелей некую компромиссную, объединяющую силу, упреждающую дальнейшее кровопролитие, нарастание масштаба конфликта, провалились, и они не смогли противостоять турецкому, а затем автохтонному прозелитизму, а тем более усиливающимся центробежным процессам теократизации адыгской аристократической верхушки. Продолжим далее основную интенцию наших рассуждений. Воспитание в личности в качестве базовых социальных ценностей осознанного отношения к правовой культуре, этнолингвистической эстетики восприятия и вербализации правовых, морально-этических знаний через афоризмы, иносказания, риторические фигуры и изящные логические построения призвано было, на наш взгляд, расширить экзистенциальное осознание человеком различных уровней ответственности и свободы, сформировать в сознании конечное понимание языка и права как единой диады духовно-практической культуры народа. Получается, что и в древнегреческой культуре с ее необычайной развитостью философии, риторики, дискурсивных взаимодействий по тем или иным проблемам общественной жизни, мировоззрения, познания, этики, и в традиционной культуре адыгов с ее жесткой институциональной матрицей формирования ментального этоса весьма опрометчиво и одностороннее будет простое описание поведения индивида как продукта своей культуры. Попробуем верифицировать эту мысль.

Классическая культурная антропология XX в. (Ф. Боас, Б. Рут, М. Мид) убедительно доказала, что каждая культура обладает своей неповторимой конфигурацией, биотические факторы которой обусловлены единством внутрикультурных элементов. Все эти элементарные образования в целостности и следует называть этосом культуры. Из всех различных форм, вариаций, возможных видов тех и иных систем отношений, способов взаимодействия индивидов в традиционной культуре присутствуют только те, которые соответствуют этосу культуры. Любая культурная конфигурация, безусловно, есть общий результат противоречивого во многом исторического процесса, где этнос и его культура через множество форм и видов агонального взаимодействия с окружающей средой, другими

сообществами, войны, внутренние конфликты, диссипативные и интегративные процессы приходят к созданию единого сукцессивного пространства, т. е. ко всем условиям саморазвития. На этот факт в плане философски отрефлекси-рованной народной педагогики и ее роли в становлении гражданской культуры указывал еще Ф. Ницше. Он пишет об агональности как об идеологическом ядре системы воспитания древнегреческого общества. Человек древнегреческого общества – это личность, для которой борьба и состязание на уровне физическом, духовном и экономическом есть и темпоральное свойство самой жизни, смыслообразующая динамика индивидуального и коллективного бытия [15].

Агональное начало, по мысли философа, направлено на образование полисного, гражданского типа личности. Дух агональности пронизывает всю древнегреческую культуру, начиная от Истмийских, Олимпийских игр, вплоть до острой социально-экономической конкуренции полисов. В культуре греческой классики агональность и спорт, как отмечает отечественный исследователь политической агональности А.В. Эберовский, были неразрывно взаимосвязаны. «Для античного мышления спорт и античная политика были различными проявлениями всеобщего духа агона – состязания не ради свой личной цели, но ради полиса в целом. Ведь, как передавал Плутарх: “По мнению предков наших, политическая деятельность вовсе не борьба за деньги и дары, но истинно священная обязанность, вознаграждаемая венком, надписью, изображением и масличной ветвью”» [16].

В античном обществе агональность, выражающаяся прежде всего в свободном противоборстве философских школ, политических учений, идеологии, была очень важна для стабильности полисной организации общества. Борьба граждан внутри полиса и осознание политического статуса как дела чести, личный долг перед микрокосмом, малым бытийным порядком, которым и считался античный город, препятствовала трансформации властных отношений в тиранию, замкнутый механизм, полностью отчужденный от общества, в некую «идеальную монархию» или «священный союз архонтов». Власть не могла в условиях свободной борьбы за нее долго оставаться в руках одного человека или группы людей: получив власть, гражданин должен был в краткие сроки реализовать про-

грамму переустройства или улучшения общественной жизни, так как он прекрасно знал, что после завершения полномочий его ожидает общественная ревизия. Античные города-государства, как это можно полагать, через сменяемость, обновление властных структур, через воспитание в личности осознания политической деятельности как высшего долга перед обществом, а не самоцели реализовывали в агональности (демократической во многих полисах борьбе и конкуренции за власть) механизм предотвращения автократии. Оценивая культурно-синергетическую функцию агональности, нельзя не признать, что одной из основных причин, обусловивших имманенцию агона и в древнегреческой культуре, и в социокультурном мире адыгов, явилось то, что состязательный элемент ментальности не позволял узурпировать власть конкретной личности. Агон, как можно понять из вышесказанного, есть важнейший показатель наличия свободы как важнейшей социальной ценностей.

Агональная динамика культуры и в Шупшыгэ, и в комплексном по своей функциональности институте наездничества (ЗекIуэ), где молодежь военно-аристократической страты обучалась основам традиционной культуры, рыцарского этикета, военным навыкам, правовым нормам, способствовавшим не просто быть, а бороться, сражаться, стремиться к превосходству, и в классическом агоне древнегреческого общества призвана не только сплотить общества, цементировать социальные отношения и устремлять к новым противоречиям. Она еще нацелена на поддержание непрерывности диалектики коллективного и индивидуального, основная динамическая интенция которой – качественное развитие общества через многоуровневую синергию к новым ступеням свободы.

Об онтологическом статусе свободы в борьбе человечества за обретение телеономного порядка писал еще В. Гегель. Согласно его трактовке, Абсолютный Дух как субстанция бытия ограничивает, замыкает в себе возможность существования свободы, но, являясь по своей онтологической сущности воплощенным, в буквальном смысле прогрессирующим, он сам проявляет свободу. Поэтому в человеке, как это следует понимать из этих мыслей, Дух продуцирует волю к свободе. Вся история человечества таким образом есть всеобщее восхождение к свободе: только через нее состоится и подлинная

самореализация личности, культуры, общества [17].

В ходе проведенного комплексного анализа обозначенной проблемы, приходим к следующему ключевому выводу: агональность представляет собой социокультурный универсалий, внутреннюю энтелехию многих культур, пронизывающую все сферы общества, создавая каждый раз пространство и условия для нового социального порядка. Будучи континуальной средой внутрикультурной динамики, агон каждый раз диалектически отрицает нежизнеспособные элементы общества: это и универсальный способ самоутверждения различных форм бытия, и, выражаясь метафорическим языком, «огонь внутри культуры», ее динамическая, живая душа.

Литература

1. Аристофан. Комедии : в 2 т. М. : Искусство, 1983. Т. 1. С. 419.
2. Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли : пер. с фр. / общ. ред. Ф.Х. Кессиди, А.П. Юшкевича; послесл. Ф.Х. Кессиди. М. : Прогресс, 1988. 440 с.
3. Кессиди Ф.Х. К проблеме греческого чуда. СПб. : Алетейя, 2001. 352 с.
4. Хейзинга Й. Homo Ludens. М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 94.
5. Яровой А.В. Агональность как стремление быть // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. Вып. IV, № 10. С. 36.
6. Осинцева Н.В. Танец в аспекте антропологической онтологии : дис. ... канд. филос. наук. Тюмень, 2006. С. 19.
7. Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. / под ред. Л.Я. Жмудя. 2-е изд., испр. и перераб. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2000. С. 130.
8. Драч Г.В. Агонистика и «человек агональный» в культуре Древней Греции // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. 11, № 2. С. 85.
9. Еришов В.А. Агональное как предмет социально-философского исследования : дис. ... канд. филос. наук. М., 2007. С. 46.
10. Унарокова Р.Б. Специальные языки адыгов: лингвофольклористский аспект // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. Серия 2 : Филология и искусствоведение. 2012. № 2. С. 247–248.
11. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.; СПб. : Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 1998. С. 36.

12. Марзей А.С. Черкесское наездничество. Зекгуэ. Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века. Нальчик : Эль-Фа, 2004. 305 с.

13. Платон. Соч. : в 4 т. / под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2006. Т. 1. С. 10.

14. Кажаров В.Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов / сост. А.Х. Абазов. Нальчик : Эль-Фа; Печатный двор, 2014. 904 с.

15. Ницше Ф. Гомеровское состязание // Философия в трагическую эпоху. М. : Прогресс, 1994. С. 193.

16. Эберовский А.В. Агональность античной полисной демократии как способ нейтрализации опасных тенденций, имманентно присущих власти // Вестн. Красноярского гос. аграрного ун-та. 2016. № 11. С. 257.

17. Гегель Г.В.Ф. Философия религии. М. : Мысль, 1977. Т. 2. С. 339.

References

1. Aristofan. *Komedii* [Comedies]. In 2 vol. Moscow: Iskusstvo, 1983, vol. 1, 419 p.
2. Vernan Zh.-P. *Proiskhozhdenie drevne-grecheskoi mysli* [The Origin of Ancient Greek Thought]. Tr. from Fr., ed. by F.Kh. Kessidi, A.P. Yushkevich; con. F.Kh. Kessidi. Moscow: Progress, 1988, 440 p.
3. Kessidi F.Kh. *K probleme grecheskogo chuda* [To the Issue of Greek Miracle]. Saint Petersburg: Aleteiya, 2001, 352 p.
4. Kheizinga I. *Homo Ludens*. Moscow: Progress-Akademiya, 1992, p. 94.
5. Yarovoi A.V. Agonal'nost' kak stremlenie byt' [Agonality as the Desire to Exist]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 2010, iss. IV, No. 10, p. 36.
6. Osintseva N.V. *Tanets v aspekte antropologicheskoi ontologii*: dis. ... kand. filos. nauk [Dance in the Aspect of Anthropological Ontology]. Tyumen, 2006, p. 19.
7. Zaitsev A.I. *Kul'turnyi perevorot v Drevnei Gretsii VIII-V vv. do n.e.* [Cultural Revolution in Ancient Greece VIII-V Centuries BC]. Ed. by L.Ya. Zhmud'. 2nd ed., com. and ed. Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2000, p. 130.
8. Drach G.V. Agonistika i «chelovek agonal'nyi» v kul'ture Drevnei Gretsii [Agonist and “Man Agonistic” in the Culture of Ancient Greece]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. 2009, vol. 11, No. 2, p. 85.

9. Ershov V.A. *Agonal'noe kak predmet sotsial'no-filosofskogo issledovaniya*: dis. ... kand. filos. nauk [Agonal as a Subject of Social and Philosophical Research]. Moscow, 2007, p. 46.
10. Unarokova R.B. Spetsial'nye yazyki adygov: lingvofol'kloristskii aspekt [Special Adygei Languages: Lingvofolkloristic Aspect]. *Vestn. Adygeiskogo gos. un-ta*. Issue 2: Filologiya i iskusstvovedenie. 2012, No. 2, pp. 247-248.
11. Liotar Zh.-F. *Sostoyanie postmoderna* [The State of Postmodern]. Tr. from Fr. by N.A. Shmatko. Moscow; Saint Petersburg: Institut eksperimental'noi sotsiologii; Aleteiya, 1998, p. 36.
12. Marzei A.S. *Cherkesskoe naezdnichestvo. Zeklue. Iz istorii voennogo byta cherkesov v XVIII - pervoi polovine XIX veka* [From the History of the Military Life of Circassians in the XVIII - First Half of the XIX Century]. Nalchik: El'-Fa, 2004, 305 p.
13. Platon. Col. of Works. In 4 vol. Ed. by A.F. Losev, V.F. Asmus; tr. from ancient Greek. Saint Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko, 2006, vol. 1, p. 10.
14. Kazharov V.Kh. *Izbrannye trudy po istorii i etnografii adygov* [Selected Works on the History and Ethnography of the Adygs]. Com. by A.Kh. Abazov. Nalchik: El'-Fa; Pechatnyi dvor, 2014, 904 p.
15. Nitsche F. [Homeric Competition]. *Filosofiya v tragicheskuyu epokhu* [Philosophy in the Tragic Era]. Moscow: Progress, 1994, p. 193.
16. Eberovskii A.V. Agonal'nost' antichnoi polisnoi demokratii kak sposob neutralizatsii opasnykh tendentsii, immanentno prisushchikh vlasti [Agonality of the Ancient Polis Democracy as a Method to Neutralize the Dangerous Tendencies Immanently Inherent in the Authorities]. *Vestn. Krasnoyarskogo gos. agrarnogo un-ta*. 2016, No. 11, p. 257.
17. Gegel' G.V. F. *Filosofiya religii* [Philosophy of Religion]. Moscow: Mysl', 1977, vol. 2, p. 339.

Поступила в редакцию / Received

22 мая 2017 г. / May 22, 2017

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORICAL SCIENCE AND ARCHEOLOGY

УДК 94(470+57) «17/1917»

DOI 10.23683/0321-3056-2017-3-28-37

К 80-летию Ростовской области

ОТ ЗЕМЛИ ДОНСКОГО ВОЙСКА К ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО (СЕРЕДИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

© 2017 г. А.И. Агафонов^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

FROM THE LAND OF THE DON ARMY TO THE REGION OF THE DON ARMY (THE MIDDLE OF THE XIX - THE BEGINNING OF THE XX CENTURY)

A.I. Agafonov ^а

^аSouthern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Агафонов Анатолий Иванович –
доктор исторических наук,
профессор, кафедра специальных
исторических дисциплин и документоведения,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: aiagafonov@sfedu.ru

Anatoly I. Agafonov –
Doctor of History, Professor,
Department of Special Historical Disciplines
and Records Keeping,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: aiagafonov@sfedu.ru

В результате политики царского правительства Земля Донского войска стала в XVIII в. составной частью Российской империи. Сохранившиеся в XIX – начале XX в. незначительные политические и административно-территориальные особенности, автономия в области управления, суда, военного и хозяйственного устройства вытеснялись и заменялись на имперские принципы и формы организации общества.

Особое внимание обращается на внешнюю политику Российской империи в Восточном Приазовье и Причерноморье, административно-территориальные изменения в Новороссии, которые влияли на государственно-правовой статус Донского края, его отдельных территорий и региона в целом.

Ключевые слова: Ростовская область, Земля Донского войска, внешняя политика России, административно-территориальное устройство Области войска Донского в XIX – начале XX в., донское казачество.

Due to the policies of the tsarist government the Land the Don troops became an integral part of Russian Empire in the eighteenth century. Minor political and administrative-territorial features such as autonomy in governance, court, military and economic units existing in the XIX - early XX century were forced out and replaced by the Imperial principles and forms of social organization.

Particular attention is drawn to the foreign policy of the Russian Empire in the Eastern area of the Azov and the Black sea, administrative-territorial change in the new Russia, which influenced the legal status of the Don Region, its individual territories and region as a whole.

Keywords: Rostov region, the Land of the Don army, foreign policy of Russia, the administrative-territorial device of the Don Cossacks in the XIX – early XX century, the Don Cossacks.

Сложившаяся и законодательно оформленная к началу XIX в. Земля Донского войска являлась одним из обширнейших административно-территориальных образований на юго-восточных окраинах Российской империи. По данным «Краткого Топографического описания», составленного в 1806 г. и представленного министру финансов кн. П.В. Лопухину, «Земля войска Донского граничила к северу частью с Екатеринославскою губерниею, Слободско-Украинскою, Воронежскою и Саратовскою, к югу – с Таврическою и Кавказскою, к востоку – частью с Саратовскою и Астраханскою, и к западу – с Екатеринославскою губерниями; длину имеет от Кавказской губернии до таковой же Саратовской 510 верст, а поперечнику от Екатеринославской до Астраханской губернии 415 верст» [1, с. 33–34].

В 1803–1817 гг. император Александр I пожаловал Войску Донскому земли по рекам Ее, Эльбузде, Кагальнику, Чубуру и Чубурке до границ Азовского моря, в 1812 г. – леса Глухие и Дерезоватые с дачей «Леонтьевский буерак», в 1817 г. – земли между реками Ее и Эльбуздой. Указом от 19 ноября 1817 г. Александр I закрепил «навечно» за Войском занимаемые земли, а также подтвердил «неприкосновенность всей окружности его владений» [2, с. 19]. В дальнейшем, при восшествии на престол, российские императоры удостоверяли Высочайшими грамотами незыблемые права казачества на земли Войска Донского.

В 1802 г. император Александр I издал указ об учреждении в Донском и Уральском войсках Войсковых канцелярий, а в Черноморском – Войскового правительства и «...о зависимости оных по делам воинским и гражданским». В Земле войска Донского учреждались Черкасский, Первый Донской, Второй Донской, Усть-Медведицкий, Хоперский, Донецкий, Миусский округа и Калмыцкое кочевье. Последнее создавалось из причисленных в 1798–1799 гг. к Войску Донскому Дербетовых калмыков [3, с. 113; 4, с. 53–54]. Сыскные начальства преобразовывались в органы окружного управления и одновременно наделялись правами первой инстанции уездного и земского суда. Предполагалось вскоре определить территории и границы округов. Однако международное и внутривойсковое положение страны не позволило приступить к решению этой задачи. Они были установлены в 1819–1822 гг. во время межжения Земли войска Донского под руководством генерал-майора И.Ф. Богдановича [5, с. 9].

В 1805 г. был основан г. Новочеркасск, ставший столицей Земли войска Донского. Планирование, организация градостроительного пространства и управление принципиально отличались от казачьих городков-крепостей и станиц XVI – XVIII вв. Город строился и развивался как губернский политический и административно-территориальный центр.

С 1719 по 1858 г. в Российской империи проводилось 10 ревизий. В Земле войска Донского основными годами ревизского учета являлись 1795–1796, 1811, 1815–1817, 1833–1835, 1850–1851, 1857–1858. Численность неучтенного населения не превышала в среднем 2–3 %, а общее количество всего неучтенного населения России, включая неподатные сословия, не превышало 2,5–3,5 % всего населения страны [6, с. 10].

В 1804 г. общая численность населения, по данным годового отчета войскового атамана М.И. Платова, составляла 342 630 чел., из них 216 533 являлись казаками. В результате естественного прироста, миграционной политики правительства и народной колонизации к 1858 г. (10-я ревизия) численность казачества увеличилась в 2,6 раза, а крестьянства – в 3 раза, что составляло соответственно 580 036 и 315 462 чел. [7, с. 38–39]. Рост численности казачества происходил преимущественно в старообжитых станицах, в то время как крестьянство расселялось в создававшихся старшинами, помещиками и богатыми казаками хуторах, слободах и поселках.

В 1859 г., как отмечал Н.И. Краснов, в крае насчитывалось 2392 населенных места, в том числе г. Новочеркасск, 110 казачьих станиц и 1662 хутора, 13 калмыцких улусов, 128 крестьянских слобод и 521 поселок [8, с. 273–352].

Заселение и хозяйственное освоение Земли войска Донского осуществлялось и за счет внутренней миграции – переселения казаков из северных округов в Задонскую степь и по трактам на Кавказскую линию, создания многочисленных хуторов, новых станиц – Махинской, Кагальницкой, Егорлыкской и др. Важную роль в этом процессе играли обращения в казачье сословие малороссиян, записанных за станицами, отпущенных на волю крепостных крестьян, военнопленных и переселенных с Кавказа горцев, татар и калмыков. Несмотря на увеличение населения Земли войска Донского в XVIII в. более чем в 10 раз, она оставалась слабозаселенной и малоосвоенной. В 1846 г. на одну квадратную милю донской земли приходилось 240 чел. В 1858 г.

донская земля, по данным академика К.И. Арсеньева, занимала из 50 губерний Российской империи 43-е место по степени заселенности и 44-е – по численности населения [9, с. 158].

Рост численности населения, создание новых населенных мест, развитие сельского хозяйства, промышленности, торговли, дорожно-транспортной сети и средств доставки требовали государственно-правового регулирования, которое было бы направлено на защиту социально-политических интересов казачества, материального обеспечения его при несении военной службы.

В 1819 г. император Александр I учредил в Новочеркасске Комиссию для создания «Положения об управлении Войском Донским». В процессе ее деятельности (1819–1825 гг.) были проведены под руководством генерал-майора И.Ф. Богдановича военно-топографические и статистические обследования края, административно-территориальные межевания и составлены описания округов Земли Донского войска. Была определена территория края – 14 203 204 десятины [5, с. 99].

Чтобы укрепить свои позиции в казачьих войсках, император Николай I ликвидировал в 1827 г. должности войсковых атаманов, назначив вначале шефом, а затем войсковым атаманом всех казачьих войск Российской империи наследника престола, должность войскового наказного атамана сохранялась.

26 мая 1835 г. Николай I утвердил «Положение об управлении Войском Донским». Власть в нем разделялась на военную и гражданскую. Военная экспедиция заменялась Войсковым дежурством, им командовал начальник в чине не ниже генерал-майора. Он подчинялся войсковому атаману.

Для военного управления в Войске Донском были созданы четыре округа, состоявших в ведении окружных генералов, которые назначались на должности Военным министерством по рекомендациям войскового атамана, Областного и окружных дворянских собраний. Войсковой атаман осуществлял военное руководство, опираясь на Войсковое дежурство, которое в свою очередь руководило окружными дежурствами. Созданные военные округа и дежурства стали промежуточной ступенью в системе военного управления между Войском и станицами.

Военно-судебную власть в Войске осуществляли военно-судные комиссии, состоявшие при Войсковом дежурстве и полках. Председателем

войсковой военно-судной комиссии являлся войсковой наказной атаман, в его отсутствие – начальник Войскового дежурства. В полках председательствовали полковые командиры.

Гражданское управление включало войсковое, окружное и станичное управление. В гражданском отношении Земля войска Донского разделялась на семь округов. В компетенцию Войскового правления входило управление гражданской частью на территории Донского края. Сыскные начальства сохранялись, за ними закреплялись функции земских судов губернского управления и опеки. Они действовали по правилам земских судов, состояли в непосредственной зависимости от Войскового правления [10, с. 579, 588–589, 629].

Калмыцкое кочевье, ранее управлявшееся штаб- и обер-офицером с казачьей командой, присланной из Войска, получало статус округа. В нем образовывалось Калмыцкое правление, его возглавляли пристав (председатель) и два депутата на правах ассессоров. Здесь же учреждался суд, в него входили судья и два заседателя. Образованные округа и Калмыцкое кочевье оставались промежуточной ступенькой в системе гражданского управления между станицами и Войском.

Гражданские дела сосредоточивались в Войсковом правлении, оно создавалось вместо Войсковой канцелярии, его председателем являлся войсковой атаман. Войсковое правление образовывалось в составе четырех экспедиций – исполнительной, хозяйственной, поземельной, казенных доходов и питейных сборов со счетным отделением. В правление входил старший член в штаб-офицерских или генеральских чинах. Он наделялся полномочиями вице-губернатора, председателей казенной палаты и палаты государственных имуществ. Ему помогали четыре ассессора в штаб-офицерских чинах.

Одновременно учреждался Войсковой и при округах окружные суды, сохранялась должность Войскового прокурора, который назначался верховной властью.

В 1835 г. «Положение об управлении Войском Донским» подтвердило права Войска на принадлежавшие ему земли, а «Приложение к гражданскому управлению Донского войска» – «О поземельных довольствиях в Войске Донском» – определило порядок, распределение и пользование землями между различными сословными группами населения – казаками, дворя-

нами, крестьянами и духовенством. «Положение» также закрепило географическое название территории проживания различных этноконфессиональных и социальных групп населения – «Земля войска Донского» [11, с. 75–90].

21 мая 1870 г. для согласования наименований Земли войска Донского и Войскового правления Войска Донского с общепринятыми наименованиями в империи, Земля войска Донского была переименована в Область войска Донского, а Войсковое правление Войска Донского – в Областное правление Войска Донского [12, с. 670].

Развитие Области войска Донского в пореформенный период тесно связано с новыми, включенными в ее состав территориями, которые быстро стали определять этно-конфессиональный облик края, его экономическую, социальную и политическую роль в жизни России.

В результате успешных русско-турецких войн второй половины XVIII в. и присоединения территории Крымского ханства в 1783 г. к России была в Северном Причерноморье и Восточном Приазовье учреждена Новороссийская губерния (Новороссия).

8 октября 1802 г. высочайшим указом Новороссийская губерния разделялась на три новых губернии – Николаевскую, Таврическую и Екатеринославскую. В состав Екатеринославской губернии вошли 6 уездов – Екатеринославский (бывший Новороссийский), Новомосковский, Павлоградский, Бахмутский, Мариупольский, Ростовский. Губернским городом назначался Екатеринослав. Портовые города Одесса, Херсон, Феодосия и Таганрог исключались из общих правил управления великороссийскими губерниями. Для них разрабатывались особые положения, способствовавшие развитию торговли, отправлению правосудия, управлению и т.д.

28 февраля 1803 г. Таганрог впервые назван градоначальством, с выделением должности особого градоначальника [13, с. 483]. 9 мая 1803 г. император Александр I назначил первого градоначальника – героя Екатерининской эпохи – генерала от инфантерии А.А. Дашкова (1803–1805 гг.). После его перевода в Петербург в 1805 г. градоначальство возглавил барон Б.Б. Кампенгаузен.

31 октября 1807 г. города Ростов, Нахичевань и Мариуполь были присоединены с принадлежавшими им землями к Таганрогскому градоначальству по части полиции, торговли и купеческой навигации. По всем этим предметам и управления они состояли на тех же основаниях,

которые были установлены для Таганрога. Исключением являлись казенная и судная части, они относились к губернскому управлению [14, с. 1318].

Императорский указ о включении г. Таганрога и Таганрогского градоначальства, Ростовского уезда Екатеринославской губернии в состав Области войска Донского был издан 19 мая 1887 г. По ходатайству войскового атамана Войска Донского генерала от кавалерии кн. Н.И. Святотопolk-Мирского и военного министра генерала от инфантерии П.С. Ванновского его введение было отложено до 1 января 1888 г. до выяснения положения казачьих земель во вновь образованных округах – Таганрогском и Ростовском [15, с. 403].

После включения Таганрога в состав Области войска Донского и упразднения Таганрогского градоначальства город потерял свой статус, стал окружным (уездным) Области войска Донского.

Город Ростов-на-Дону входил в состав Ростовского уезда Екатеринославской губернии, статус города крепость св. Димитрия Ростовского с прилежавшими селениями получила 17 августа 1807 г. Города Ростов, Нахичевань и Мариуполь были присоединены 31 октября 1807 г. с принадлежавшими им землями к Таганрогскому градоначальству [14, с. 1318].

Ростов-на-Дону недолго находился в составе Таганрогского градоначальства. В 1833 г. император Николай I повелел перевести все ростовские присутственные места как уездного города из Таганрога в Ростов-на-Дону, а согласно высочайше утвержденному Положению Комитета министров от 20 марта 1834 г., город Ростов-на-Дону был изъят из ведения Таганрогского градоначальника и подчинен Екатеринославскому губернскому начальству [16, с. 220].

В 1888 г. в состав Области войска Донского вошли Ростовский уезд с городами Ростов, Нахичевань, посадом Азов и другими населенными пунктами, а также Таганрогское градоначальство с Таганрогом, но без Мариупольского уезда. Территория Донской области составляла 144 640 кв. верст и делилась на 9 округов: Черкасский, Донецкий, Первый Донской, Второй Донской, Ростовский, Сальский, Таганрогский, Усть-Медведицкий и Хоперский. В таком виде с небольшими изменениями и дополнениями территория и границы Области войска Донского просуществовали до Октябрьской революции и Гражданской войны.

23 февраля 1904 г. император Николай II утвердил мнение Государственного Совета об

учреждении нового градоначальства. Из городов Ростов-на-Дону и Нахичевань-на-Дону со всеми землями им принадлежавшими, а также железнодорожными станциями и станционными сооружениями образовывалось в ведении Министерства внутренних дел Ростовское-на-Дону градоначальство на основании Общего Учреждения губернского. Эти города вместе с принадлежавшими им землями изымались из территориально-административного подчинения Области войска Донского.

Управление градоначальства составляли: градоначальник, правитель канцелярии, канцелярия, чиновники особых поручений, врач, архитектор и другие чины по штату. При градоначальнике создавалось совещательное присутствие. Войсковому наказному атаману принадлежали по отношению к Ростовскому-на-Дону градоначальнику права, предоставленные генерал-губернаторам, вверенных им губерний. Градоначальство должно было заниматься развитием промышленности и торговли, деятельности присутственных мест и учреждений, общественного управления, полиции, тюрем, больниц, гражданского делопроизводства и другими вопросами [17, с. 163–165; 18, с. 99]. Первым градоначальником был назначен граф Ф.К. Коцебу Пиларфон-Пильхау.

Согласно «Жалованной грамоте» императрицы Екатерины II от 14 ноября 1779 г., из Крыма были переселены в Азовскую губернию армяне христианского вероисповедания («христиане армянского закона») и армяне «римско-католического закона» «в особенную от прочих селений округу крепости Святого Димитрия Ростовского» [19, с. 878–879].

Общая численность первых переселенцев составляла около 300 чел. Для них правительство выделило 30 100 дес. земли, но не общим клином, а отдельными крупными участками при реках и родниках. Здесь были образованы армянские селения Нахичевань, Чалтырь, Крым, Салы, Султан-Салы и Несветай. Через 30 лет как первые переселенцы – армяне вступили на донскую землю, армянская колония стала крупнейшей на юге Российской империи, а ее административно-территориальный центр Нахичевань превратился в процветающий город.

Все переселенцы получали освобождение от налогов на 10 лет, снабжались на первый год от правительства скотом, инвентарем, семенами для посевов, домашними принадлежностями.

Кроме того, они избавлялись от постоев воинских команд при прохождении войск через их селения, от рекрутской повинности. Получали льготы на рыбные ловли на р. Дон от р. Темерник до юрта Аксайской станицы, они могли беспошлинно заводить сады, строить мореходные суда, фабрики и заводы, торговать своими виноградными винами в своих селениях, вывозить их во внутренние губернии.

Разрешалось строить церкви и колокольни, вести службу по своим церковным законам и чиноположениям, состоять при этом под властью армянского патриарха, находившегося в Араратском патриаршем монастыре.

Армяне римско-католического вероисповедания учредили ратушу, имели свой суд и расправу, подчинялись по духовным и церковным делам Белорусскому бискупу (католическому епископу). Вскоре значительная часть армян римско-католического вероисповедания переселилась в г. Екатеринослав.

При урочище Полуденки правительство выделило 12 000 дес. земли для устройства г. Нахичевани. В городе учреждались магистрат, суд и расправа, они производились по армянскому Судебнику, армянским правам и обыкновениям [20, с. 788]. В 1797 г. Нахичевань получила особое управление, права и привилегии, которыми обладали другие российские города, – Нарва и пр.

На основании «Жалованной грамоты Войску Донскому» от 24 мая 1793 г. часть земель, выделенных армянам-переселенцам из Крыма, была присоединена к Земле Донских казаков [21, с. 430]. Взамен они получили земли между р. Тузлов и Самбек.

В Высочайшей грамоте императора Павла I от 26 февраля 1798 г. признавалось, что все армяне, проживавшие на территории Российской империи, должны управляться по духовным делам патриархом Великой Армении Лукой [22, с. 108–109].

23 апреля 1830 г. была учреждена епархия Нахичеванская и Бессарабская, которая управляла духовными и церковными делами армян, проживавших в Ростовском уезде Екатеринославской губернии [23, с. 355].

Создание г. Нахичевани возле крепости Димитрия Ростовского привело к путанице делопроизводства с г. Нахичевань Армянской области. Часто документы, арестанты и грузы отправлялись не в Армению, а на Дон и наоборот. По представлению Новороссийского и Бессараб-

ского генерал-губернатора генерала от инфантерии кн. М.С. Воронцова Комитет министров утвердил 15 февраля 1838 г. положение о том, что г. Нахичевань, состоявший в ведомстве Таганрогского градоначальства на Дону, именовать впредь Нахичевань-на-Дону, а в Армянской области – Нахичевань [24, с. 114–115].

Отмена крепостного права в России в 1861 г. и последовавшие за ней реформы императора Александра II затронули и армян. В 1875 г. было принято положение «Об устройстве греков и армян, поселенных в Мариупольском и Ростовском уездах Екатеринославской губернии». Впервые правительство четко определило административно-территориальные границы, деятельность органов власти и управления, систему землевладения и землепользования, налогообложение и льготы потомков переселенцев из Крыма. Этот законодательный акт явился важным шагом на пути стирания особенностей административно-территориального положения армянских поселений, уравнение их в правовом отношении с крестьянскими селениями в российских губерниях. Юридический статус армянских поселенцев также приравнивался к положению бывших государственных крестьян страны.

В 1897 г. численность армянского населения Области войска Донского достигала 27 118 чел. обоюбого пола [25, с. 3].

Взятие в 1696 г. русскими войсками, казаками донскими и запорожскими турецкой крепости Азов коренным образом изменило военно-стратегическое и политическое положение в Северном Причерноморье и Приазовье. Государству требовалось официально оформить и закрепить за собой донские земли, что давало правовые основания распоряжаться ими в своих интересах. По Константинопольскому мирному договору (1700 г.) Азов с принадлежавшими к нему «старыми и новыми городками и землями» отходил России.

В 1704 г. «новозавоеванный» г. Азов, крепости Сергиевская, Никоновская с Каланчинскими башнями, Петровская, Троицкая на Таганьем Рогу, Гавань, Павловская на Миусе и Воеводские отпуски были введены в Разряд, на них распространялись законы Российского государства, делопроизводство, создавался свой чиновный аппарат.

Царь Петр I, завоевав Азов, причислил его к когорте «знатных» городов. «Знатность» Азова определялась военно-политическим значением, в то время как городов Новгород Великий, Казань –

исторической ролью центров старинных удельных княжеств и ханств. Во главе Азова ставили правителей не ниже боярского чина, город являлся крупным административным центром, воеводы Азова удостаивались пышных титулов. Думный дворянин С.Б. Ловчиков именовался «воевода Азовской и наместник Муромской», стольник И.А. Толстой – «губернатор Азовской и наместник Звенигородской» [26, с. 36–37].

С первых лет существования Азова в составе России город являлся не только местом дислокации военных гарнизонов, но и «ссылки вечно» дворян и жильцов, уклонявшихся от службы и налогов, воров, разбойников, колодников и беглых солдат.

По царскому указу от 18 декабря 1708 г. «Об учреждении губерний и расписании к ним городов» Земля Донского войска фактически вошла в состав Азовской губернии, которая в административном отношении с 1711 г. подчинялась Сенату [27, с. 653–654; 28, с. 830–831].

После неудачного Прутского похода 1711 г. был заключен 12 (23) июля того же года Прутский мирный договор, но он не удовлетворил турецкого султана. Поражение России в русско-турецкой войне 1710 – 1713 гг. оформил Адрианопольский мирный договор 1713 г. на условиях Прутского мира. Россия отдавала Турции крепости Азов, Таганрог, Лютик, Каменный затон и земли Восточного Приазовья [29, с. 36–43]. Во время войны все административные и иные учреждения были переведены в 1711 г. из Азова в Тамбов, а затем в 1715 г. – в Воронеж.

В 1720 г. по новому Константинопольскому договору (Вечному миру) Османская империя и Россия отказывались от строительства между Азовом и Черкасском каких-либо крепостей и городков, город Азов с принадлежавшими землями оставался «в вечном владении блистательной Порты». 22 апреля 1728 г. Азовская губерния была переименована в Воронежскую, разделена на провинции с учетом потерянных Азова, Таганрога, крепостей и земель Восточного Приазовья [30, с. 454–458].

В результате успешной русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Российская империя вернула себе Азов. По Белградскому мирному договору от 18 (29) сентября 1739 г. крепость Азов, разоренная и пустая, должна оставаться барьером между Российской и Османской империями, России дозволялось построить крепость возле г. Черкаска, на границе между Азовом и столицей Войска Донского. Только в 1774 г. по Кючук-

Кайнарджийскому мирному договору крепость Азов без каких-либо условий и навсегда вошла в состав Российской империи.

Императрица Екатерина II закрепила военные успехи административно-территориальными преобразованиями. Указом от 14 февраля 1775 г. она учредила новую Азовскую губернию, г. Азов приобрел статус губернского города, а губерния разделялась на две провинции – Азовскую и Бахмутскую. В состав Азовской провинции входили г. Азов, крепость св. Димитрия Ростовского, г. Таганрог, г. Черкасск и все жилища «верного нашего Войска Донского», новая Днепровская Линия, на Крымском полуострове – города Керчь и Еникуль, далее – Кинбурнский замок в устье Днепра, земли между Днепром и Буггом. В губернии создавалось Гражданское правление, генерал-губернатором назначался генерал-аншеф Г.А. Потемкин [31, с. 759–760].

В октябре 1778 г. по представлению Азовского губернатора генерал-поручика В.А. Чертова губернское правление и все присутственные места Азовской губернии были переведены в строящуюся крепость Екатеринослав. В 1783 г. Азовская губерния объединилась с Новороссийской губернией, образовав Екатеринославское наместничество. 28 января 1784 г. императрица Екатерина II назначила крепость-город Екатеринослав губернским городом [32, с. 11–12].

Таким образом, в течение почти шести лет Азов являлся губернским городом. После присоединения Крыма и Степного Предкавказья город еще долгое время служил для русских войск крупной тыловой базой, но в начале XIX в. он утратил свое назначение. Некогда знаменитый Азов превратился в тени быстро развивавшихся Ростова-на-Дону и Таганрога в заштатный город, затем посады Ростовского уезда Екатеринославской губернии, а с 1888 г. – Области войска Донского.

После отмены крепостного права заселение донской земли происходило еще более быстрыми темпами. 29 января 1868 г. императорским указом снимались все ограничения на куплю-продажу земли и недвижимости в казачьих областях Российской империи [33, с. 78–79]. Спустя три месяца 29 апреля император Александр II подписал указ «О дозволении русским подданным невойскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих» [34, с. 473–474]. Вскоре последовало разрешение правительства иностранным колонистам создавать в Восточном Приазовье хозяйства и покупать землю.

С 1858 г. до 1897 г. численность населения Области войска Донского выросла с учетом вновь присоединенных территорий, городов Ростова-на-Дону, Нахичевани-на-Дону, Таганрога, посада Азов и других населенных мест в 2,6 раза и составляла 2 242 755 чел. обоюбого пола, из них лиц войскового сословия – 512 515 мужского пола и 509 571 женского пола. Численность населения в Области войска Донского во второй половине XIX – начале XX в. (1858–1914 гг.), по данным Е.В. Фурса, увеличилась в 4 раза, в то время как в Европейской России – в 2 раза [35]. Широкая колонизация Донского края размывала патриархальные устои казачьего сообщества, усиливала борьбу за землю между казачеством и новопришлыми людьми – иногородними, коренными крестьянами и переселенцами, казачеством и коренными крестьянами, обостряла социальные противоречия.

«Демографический взрыв» изменил коренным образом этническую, конфессиональную и социальную картину Области войска Донского. К началу XX в. территория Донского края составляла 144 191,6 кв. верст, на ней проживало 1 294 320 мужчин (50,5 %), 1 269 918 женщин (49,5 %), всего 2 564 238 чел. Область войска Донского оставалась среди европейских губерний Российской империи одной из слабо заселенных, на одну квадратную версту приходилось 17,78 жителя. В крае проживали представители более 40 наций и народов Российской империи, различные по численности, национальному и конфессиональному составу группы иностранных колонистов. К городскому населению относилось 12,4 % от всей численности края, в него включалось население станиц Каменской, Константиновской, Нижне-Чирской, Усть-Медведицкой, Великокняжеской и Урюпинской, в которых размещались правления округов.

По итогам Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. на территории Области войска Донского великорусское население составляло 68 %, малороссийское – 28,1 %, армяне и евреи – 1,6 %, калмыки и татары – 2,3 %, другие национальности и иностранные колонисты – 1,6 %. Православных насчитывалось примерно 90,8 %, старообрядцев – около 5 %, остальное население включало нехристианские конфессии.

Средняя грамотность населения составляла 22,4 %, но в городах она была выше – 49,2 %, при этом среди мужчин грамотных больше, чем среди женщин. Наивысший процент грамотных

среди мужчин достигал у иудеев (71 %), протестантов (67,7 %), римско-католиков (57,7 %), армян-григориан (45,5 %), православных, единоверцев и староверов (36 %). Наиболее низкая грамотность была среди магометан и остальных нехристиан (22,2 и 9,8 %). Материалы Первой Всеобщей переписи показывают, что к началу XX в. Область войска Донского превратилась в одну из многонациональных и поликонфессиональных территорий Российского государства [25, с. 1–5].

Необходимо подчеркнуть, что многочисленные национальные и конфессиональные группы населения мирно сосуществовали в Области войска Донского, способствовали экономическому подъему края, развитию городов, превращению их в крупные центры промышленности и культуры. Новочеркасск, оставаясь политическим и административным центром Области войска Донского, все более уступал свои позиции Ростову-на-Дону, Таганрогу, Нахичевани-на-Дону, Александровску-Грушевскому. Буржуазия, мещанство и пролетариат донских городов играли важную роль в жизни края.

Итак, в XIX – начале XX в. Область войска Донского превратилась из малозаселенной и хозяйственно освоенной юго-восточной окраины во внутреннюю губернию страны. Ее административно-территориальное деление, социально-экономический и правовой статус населения практически не отличались от таковых Российских территорий.

В состав Области войска Донского вошли земли Восточного Приазовья, находившиеся длительное время в сфере военно-стратегических и экономических интересов Российской и Османской империй, Крымского ханства, донского и запорожского казачества, кочевников степного Предкавказья. Превращение донского казачества в военно-служилое сословие, участие в войнах России XVIII – XIX вв. показали правительству, что казачеству можно под имперским контролем вернуть выход в Азовское и Черное моря, ввести земли Восточного Приазовья со всеми городами и населёнными местами в систему войскового управления.

Быстрое экономическое развитие края привело к резким демографическим и сословным изменениям, которые вылились в острейшие социальные и политические противоречия в XX в., сопровождались многочисленными административно-территориальными реформами.

Литература

1. *Кириллов А.А.* Войсковой атаман Войска Донского граф Матвей Иванович Платов и его административная деятельность // СОВДСК. Вып. 11. Новочеркасск : Изд. Областного войска Донского Статистического Комитета, 1912. 142 с.
2. *Прянишников И.П.* Материалы по истории Войска Донского, собранные Прянишниковым. Грамоты. Новочеркасск, 1864. 333 с.
3. *Семенов П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 2. СПб., 1865. 902 с.
4. Полное собрание законов Российской империи (Собрание первое). СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830 (Далее – 1ПСЗ). Т. XXVII. № 20156.
5. Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822–1832 годах. Новочеркасск, 1891. 307 с.
6. *Кабузан В.М.* Материалы ревизий как источник по истории населения России XVIII – первой половины XIX века (1719–1858 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1959.
7. *Агафонов А.И.* Область войска Донского и Приазовье в дореформенный период. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1986. 191 с.
8. Материалы для военной географии и военной статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Военное обозрение Земли войска Донского / сост. Генерального штаба штабс-капитан Н.И. Краснов. СПб., 1864.
9. *Арсеньев К.И.* Статистические очерки России. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1848.
10. Полное собрание законов Российской империи (Собрание второе). СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830 (Далее – 2ПСЗ). Т. X. № 8163.
11. 2ПСЗ. Т. X. Ч. 2. Штаты и таблицы. Приложение к № 8163.
12. 2ПСЗ. Т. XLV. № 48387.
13. 1ПСЗ. Т. XXVII. № 20643.
14. 1ПСЗ. Т. XXIX. № 22671.
15. Полное собрание законов Российской империи (Собрание третье). СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1885 (Далее – 3ПСЗ). Т. VII. № 4701.
16. 2ПСЗ. Т. IX. Ч. 1. № 6911.
17. 3ПСЗ. Т. XXIV. Ч. 1. № 24085.
18. 3ПСЗ. Т. XXIV. Ч. 2. Штаты и таблицы к № 24085.
19. 1ПСЗ. Т. XX. № 14942.
20. 1ПСЗ. Т. XXV. № 19115.

21. 1ПСЗ. Т. XXIII. № 17126.
22. 1ПСЗ. Т. XXV. № 18402.
23. 2ПСЗ. Т. V. № 3620.
24. 2ПСЗ. Т. XIII. Ч. 1. № 10976.
25. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. XII. Область Войска Донского / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1905.
26. Комолов Н.А. Азовская губерния (1709–1725 гг.). Территория и высшие администраторы. Ростов н/Д. : Ростиздат, 2009. 257 с.
27. 1ПСЗ. Т. IV. № 2342.
28. 1ПСЗ. Т. IV. № 2521.
29. 1ПСЗ. Т. V. № 2687.
30. 1ПСЗ. Т. VII. № 4700.
31. 1ПСЗ. Т. XX. № 14815.
32. 1ПСЗ. Т. XXII. № 15910.
33. 2ПСЗ. Т. XLIII. Ч.1. № 45448.
34. 2ПСЗ. Т. XLIII. Ч.1. № 45785.
35. Фурса Е.В. Формирование населения на территории Области войска Донского: Экономико-демографические и исторические аспекты : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2001.

References

1. Kirillov A.A. [Army Ataman of the Don Cossacks Count Matvei Ivanovich Platov and his Administrative Activities]. *SOVDSK*. Vol. 11. Novocherkassk: Izd. Oblastnogo voiska Donskogo Statisticheskogo Komiteta, 1912, 142 p.
2. Pryanishnikov I.P. *Materialy po istorii Voiska Donskogo, sobrannye Pryanishnikovym. Gramoti* [Proceedings on the history of the Don Cossacks, collected by Pryanishnikov. Charter]. Novocherkassk, 1864, 333 p.
3. Semenov P. *Geograficheskostatisticheskii slovar' Rossiiskoi imperii* [Geographical and Statistical Dictionary of the Russian Empire]. Vol. 2. Saint Petersburg, 1865, 902 p.
4. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (Sobranie pervoe)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 1th ed.]. Saint Petersburg, Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii, 1830 (hereafter – 1CCL), vol. XXVII, No. 20156.
5. *Statisticheskoe opisanie zemli donsikh kazakov, sostavlennoe v 1822-1832 godakh* [Statistical Description of the Lands of the Don Cossacks Composed in the 1822-1832]. Novocherkassk, 1891, 307 p.
6. Kabuzan V.M. *Materialy revizii kak istochnik po istorii naseleniya Rossii XVIII - pervoi poloviny XIX veka (1719-1858 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Proceedings of Audits as a Source for the History of the Population of Russia XVIII - first half XIX Century (1719-1858)]. Moscow, 1959.
7. Agafonov A.I. *Oblast' voiska Donskogo i Priazov'e v doreformennyi period* [Region of the Don Army and the Sea of Azov in the Pre-reform Period]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 1986, 191 p.
8. *Materialy dlya voennoi geografii i voennoi statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Voennoe obozrenie Zemli voiska Donskogo* [Materials for Military Geography and Military Statistics of Russia Collected by General Staff Officers. Military Review of the Land of Don Cossacks]. Comp. General Staff Captain Krasnov. Saint Petersburg, 1864.
9. Arsen'ev K.I. *Statisticheskie ocherki Rossii* [Statistical Essays of Russia]. Saint Petersburg, Tip. Imp. Acad. nauk, 1848.
10. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (Sobranie vtoroe)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 2th ed.]. Saint Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii, 1830 (Hereafter - 2CCL), vol. X, No. 8163.
11. 2CCL, vol. X, ch. 2. States and Timesheets. Add. to No. 8163.
12. 2CCL, vol. XLV, No. 48387.
13. 1CCL, vol. XXVII. No. 20643.
14. 1CCL, vol. XXIX. No. 22671.
15. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (Sobranie tret'e)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 3th ed.]. Saint Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii, 1885 (hereafter - 3CCL), vol. VII, No. 4701.
16. 2CCL, vol. IX, ch. 1, No. 6911.
17. 3CCL, vol. XXIV, ch. 1, No. 24085.
18. 3CCL, vol. XXIV, ch. 2. Shtaty i tabeli [States and Timesheets] to No. 24085.
19. 1CCL, vol. XX, No. 14942.
20. 1CCL, vol. XXV, No. 19115.
21. 1CCL, vol. XXIII, No. 17126.
22. 1CCL, vol. XXV, No. 18402.
23. 2CCL, vol. V, No. 3620.
24. 2CCL, vol. XIII, ch. 1, No. 10976.
25. *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii. 1897 g. XII. Oblast' Voiska Donskogo* [The First General Census of the Russian Empire. 1897. XII. The Don Cossacks]. Ed. by N.A. Troinitsky. Saint Petersburg, 1905.
26. Komolov N.A. *Azovskaya guberniya (1709-1725 gg.). Territoriya i vysshie administratory* [Azov Province (1709-1725.). Territory and Higher Officials]. Rostov-on-Don: Rostizdat, 2009, 257 p.
27. 1CCL, vol. IV, No. 2342.
28. 1CCL, vol. IV, No. 2521.

29. 1CCL, vol. V, No. 2687.
30. 1CCL, vol. VII, No. 4700.
31. 1CCL, vol. XX, No. 14815.
32. 1CCL, vo. XXII, No. 15910.
33. 2CCL, vol. XLIII, ch. 1, No. 45448.
34. 2CCL, vol. XLIII, ch. 1, No. 45785.
35. Fursa E.V. *Formirovanie naseleniya na territorii Oblasti voiska Donskogo: Ekonomiko-demograficheskie i istoricheskie aspekty*: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk [Formation of the Population on the Territory of the Don Army Region: Economic-demographic, and Historical Aspects]. Moscow, 2001.

Поступила в редакцию / Received

15 мая 2017 г. / May 15, 2017

РЕОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АКТ 1946 ГОДА И ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ КОНГРЕССА США В ПРИНЯТИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

© 2017 г. Р.С. Айриян^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

REORGANIZATION ACT OF 1946 AND THE US CONGRESS CHANGING ROLE IN THE POLITICAL DECISION-MAKING

R.S. Ayriyan ^а

^аSouthern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Айриян Радмила Сергеевна –
кандидат исторических наук,
доцент, кафедра зарубежной истории
и международных отношений,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: rsayriyan@sfnu.ru

Radmila S. Ayriyan -
Candidate of History,
Associate Professor, Department of Foreign History
and International Relations,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: rsayriyan@sfnu.ru

Рассматриваются причины появления Реорганизационного Акта 1946 г. и последующего изменения структуры Конгресса США, что положило начало длительной борьбе Конгресса с президентом США по возвращению своих конституционных полномочий. Реформирование высшего законодательного органа США представлялось сенаторам и конгрессменам единственной возможностью сохранения его влияния и значения, приостановления процесса превращения Конгресса во второразрядный институт власти в период президентства Франклина Рузвельта. На завершающем этапе Второй мировой войны в Конгрессе США создаётся Объединенный комитет, целью которого становится разработка предложений по реорганизации структуры и определению круга вопросов комитетов Сената и Палаты представителей. Работа над законопроектом сплотила республиканцев и демократов, это был поистине акт двухпартийного сотрудничества. Лидером движения за реформы стал сенатор Роберт М. Лафоллет-младший, представитель известной политической династии Висконсина. Анализ стенограмм Конгресса США и заседаний комитетов позволил сделать вывод, что принятие Акта действительно усилило позиции Конгресса по сравнению с довоенным и военным периодами. Однако главная цель всего процесса реорганизации структуры и деятельности Конгресса США – увеличение роли Конгресса в принятии политических решений – достигнута не была.

Ключевые слова: Реорганизационный акт 1946 г., Конгресс США, Сенат, Палата представителей, комитеты Конгресса, структура Конгресса, разделение властей, принятие политических решений, сенатор Роберт Лафоллет-младший.

The article is devoted to consideration of the reasons for the Reorganization Act of 1946 and subsequent changes in the structure of the US Congress, which marked the beginning of a long struggle between the Congress and the President for the return of its constitutional powers. The reform of the US supreme legislative institute seemed to Senators and Congressmen the only way to preserve its influence and significance, to suspend the process of turning Congress into a second-rate power institution during the presidency of Franklin Roosevelt. At the final stage of the Second World War, the United States Congress created a Joint Committee: the main aim of it was to develop proposals for structure reorganization and determining the Senate and House committees' range of issues. Work on the bill rallied Republicans and Democrats was truly an act of bipartisan cooperation. Senator Robert M. Lafollett, Jr., a representative of the famous Wisconsin political dynasty, became the leader of the reform movement. Analysis of the US Congress Records and the meetings of the committees led to the conclusion that the adoption of the Act really strengthened the position of the Congress in comparison with the pre-war and war periods. However, the aim of the process of reorganizing the structure and the US Congress activities - increasing the role of Congress in the political decision-making - was not achieved.

Keywords: Reorganization Act of 1946, US Congress, Senate, House of Representatives, congressional committees, structure of the Congress, separation of powers, political decision-making, Sen. Robert Lafollett, Jr.

Законодательные органы различных стран традиционно рассматривают как оплот консерватизма в системе государственного управления. Им приписывается медлительность в принятии важнейших решений и неспособность быстро реагировать на изменяющиеся условия. Американский Конгресс не стал исключением: за свою относительно недолгую историю с 4 марта 1789 г., вплоть до конца Второй мировой войны, он не претерпел существенных структурных и функциональных изменений.

Многие аспекты деятельности Конгресса достаточно хорошо изучены в американской историографии: вопросы структуры и функции законодательного органа, деятельности партийных организаций в палатах Конгресса, история Сената и Палаты представителей, роль партийного руководства и его влияния на принятие решений и др. [1–4].

В отечественной историографии советского периода исследованию роли Конгресса во внутренней и внешней политике уделялось несоизмеримо меньше внимания, так как в поле зрения исследователей оказались администрация президента США и деятельность различных министерств. Но именно в этот период появляются работы Ю.А. Иванова, А.С. Манькина, В.А. Савельева [5–7], заложившие основу изучения истории и деятельности американского Конгресса. В постсоветский период стали издаваться научные статьи и монографии, посвящённые роли Конгресса в различных сферах деятельности: внешняя политика, бюджетный процесс, здравоохранение, партийно-политическое строительство и др. [8–10].

Однако в современной исторической науке остались ещё нерешёнными многие проблемы, имеющие отношение к истории Конгресса США. Одним из них является история появления, сущность и значение Реорганизационного акта 1946 г., изменившего роль Конгресса США в принятии политических решений.

Нам хотелось бы остановиться на рассмотрении причин принятия Реорганизационного Акта, его содержания и, наконец, анализе изменения роли Конгресса США в последующий период.

Во время Великой депрессии 1930-х гг. и Второй мировой войны Конгресс делегировал администрации президента Ф.Д. Рузвельта широкие полномочия по осуществлению законодательства. Устаревшие традиции Конгресса, не-

ясные процедуры и длительные задержки в рассмотрении законов сделали его неспособным удовлетворить потребности быстро меняющегося мира.

На завершающем этапе войны претерпевает изменение международное положение США, роль и значение американского государства значительно возрастают. Многие сенаторы и конгрессмены стали выражать неудовлетворение относительно одновременного превращения Конгресса во второразрядный институт власти в период правления президента Рузвельта. Конгрессмен У. Фулбрайт, уже через год представлявший штат Арканзас в ранге сенатора (вплоть до 1974 г.), следующим образом выразил опасения законодателей относительно снижения роли Конгресса по сравнению с влиянием исполнительной ветви власти: «По Конституции именно Конгрессу принадлежат полномочия принятия политических решений. За последние годы стала заметна всё возрастающая тенденция передачи этих полномочий Президенту, что отчасти объясняется недостатком эффективных механизмов... (в деятельности Конгресса. – Р.А.). По мнению многих, чтобы восстановить баланс сил и занять законное положение в системе правительства, Конгресс должен модернизировать используемые инструменты, координировать деятельность своих подразделений и создать научно-исследовательские институты, которые могли бы предоставлять Конгрессу информацию» [11, с. 248–249].

Многие законодатели пришли к выводу, что единственный способ вернуть себе утраченный статус – это реформировать Конгресс. Лидером движения за реформы стал сенатор от штата Висконсин Р.М. Лафоллет-младший, представитель известной политической династии Висконсина.

19 февраля 1945 г. был создан Объединённый комитет по реорганизации структуры и функций комитетов Конгресса, включавший по 6 делегатов от Сената и Палаты представителей. Возглавил комитет сенатор Р.Лафоллет, а его заместителем на время деятельности комитета становится конгрессмен-демократ М. Монрони из Оклахомы. В названный комитет вошли также сенаторы-демократы Р. Рассел (штат Джорджия), К. Пеппер (штат Флорида), Э. Томас (штат Юта) и сенаторы-республиканцы Р. Уайт-младший (штат Мэн), Ч. Брукс (штат Иллинойс). Нижнюю палату представляли конгрессмены от Демократической партии – Э. Кокс (штат Джорджия),

Т. Лейн (штат Массачусетс) и от Республиканской партии – Э. Мичинер (штат Мичиган), Э. Дирксен (штат Иллинойс) и Ч. Плампли (штат Вермонт) [12, vol. 93, p. A55].

Перед Объединённым комитетом Конгресс поставил задачу проанализировать сложившуюся ситуацию, при которой неуклонно уменьшалось значение законодательной ветви власти в принятии политических решений. Ранее члены Палаты представителей в одном из докладов отмечали, что все важные законы подготавливались лицами исполнительной власти, причём большинство этих законов были направлены на передачу конституционных полномочий Конгресса президенту США.

На повышение роли Конгресса в системе государственного управления были направлены рационализация и упрощение структуры комитетов Конгресса, уменьшение возможности создания непостоянных комитетов, определение и чёткая фиксация прав и обязанностей комитетов и его членов, выработка регламента работы комитетов, повышение эффективности работы вспомогательного персонала Конгресса, усиление законодательного надзора за деятельностью правительства, регулирование деятельности лоббистских групп и др.

Объединённый комитет 4 марта 1946 г. представил доклад, который включал 37 рекомендаций по совершенствованию деятельности Конгресса. В нем отмечалось: «Наш комитет был создан с верой, что... наступило время для Конгресса пересмотреть свою роль в американской государственной системе и модернизировать свою структуру и регламент работы» [12, p. A53].

Законопроект по регулированию деятельности Конгресса 10 июня 1946 г. был поддержан 49 сенаторами (против высказались только 16 членов верхней палаты) всего лишь через пять дней с начала обсуждения в Сенате. В ходе дебатов сенаторы согласились не создавать новый комитет по делам ветеранов¹. Вместо этого сенаторы дали согласие на то, чтобы комитет по финансам сохранил за собой права рассматривать вопросы, связанные с ветеранами всех войн: пенсии, государственное страхование жизни, различные компенсации ветеранам. В то же время на новый комитет по труду и общественному благосостоянию возложили вопросы по реабилитации ветеранов, поддержанию деятельности

госпиталей для ветеранов, а также вопросы получения ими гражданских профессий.

25 июля законопроект был принят и Палатой представителей США 229 голосами против 61. Именно во время дебатов в нижней палате был поднят вопрос о необходимости повышения заработной платы конгрессменам с 12 тыс. долл. до 15 тыс.

Законопроект после одобрения обеими палатами Конгресса был 2 августа 1946 г. подписан президентом Г. Трумэнном и приобрёл силу закона.

Объединённый комитет проделал большую работу: провёл почти 40 публичных слушаний и 4 исполнительных сессии, всего за четыре месяца (март – июнь 1945 г.) заслушал более 100 свидетелей, из которых 45 являлись действующими членами Конгресса [12, vol. 92, p. A1588], собрал все замечания и рекомендации, подготовил законопроект, ставший законом, обязательным для последующих конгрессов и вошедшим в историю под названием Реорганизационного акта 1946 г.

В соответствии с ним были проведены изменения в структуре и деятельности Сената и Палаты представителей. Они пришлись на определение числа постоянных комитетов, самых влиятельных и эффективных структур в Конгрессе, и установление перечня их полномочий. Члены Конгресса из-за большой роли, которую играют комитеты в структуре деятельности высшего законодательного органа, прозвали их «глазами, ушами, руками и очень часто мозгом» Конгресса [13, p. 207]. Численность постоянных комитетов уменьшилась более чем вдвое как в Палате представителей (с 48 до 19), так и в Сенате (с 33 до 15) [14, p. 179, 199]. Резкое снижение численности комитетов объясняется в первую очередь их слиянием. В то же время исходя из изменившейся роли США на мировой арене и усиления внимания законодателей к своим конституционным полномочиям в военной сфере были учреждены постоянные комитеты по военным вопросам и в Палате представителей, и в Сенате.

Наиболее влиятельными и престижными постоянными комитетами в Палате представителей с этих пор становятся комитеты по ассигнованиям, бюджету и регламенту; в Сенате – комитеты по ассигнованиям, финансам, вооружённым силам и международным отношениям [15, p. 216]. Учитывая то, что внешнеполитическая

¹ Сенатский комитет по делам ветеранов будет восстановлен только в 1970 г. с принятием нового Реорганизационного акта (Reorganization Act of 1970)

активность американского государства в послевоенные годы напрямую была связана с финансированием иностранных государств и международных организаций, содержанием военной инфраструктуры за пределами США, то роль и значение нижней палаты Конгресса также несоизмеримо возросла в вопросах внешней и военной политики, несмотря на то, что эти вопросы по Конституции отнесены к области ответственности Сената.

Данный Акт регулировал и количество членов постоянных комитетов в Палате представителей и Сенате. В прежней системе постоянные комитеты Палаты могли включать в себя от 2 до 42 чел., в среднем по 19 чел. на комитет. Согласно же принятому Акту, 15 из 19 комитетов нижней палаты Конгресса имели по 25–27 чел. Постоянный комитет по ассигнованиям включал уже 50 чел. по сравнению с 42 по старой системе. В то же время комитет по делам вооруженных сил должен был состоять из 35 конгрессменов (ранее два постоянных комитета, военный и военно-морской, суммарно состояли из 61 чел.).

До Акта 1946 г. постоянные комитеты Сената состояли из 3–25 чел., в среднем – по 15 чел. Согласно принятому Акту, все постоянные комитеты Сената насчитывали уже по 13 чел., за исключением комитета по ассигнованиям (там отныне должен был работать 21 сенатор).

Ранее каждый сенатор имел право работать в трех больших и двух малых комитетах, и это ограничение не было строгим. Например, сенатор Р. Лафоллет одновременно был членом пяти постоянных и одного специального комитетов, а сенатор О'Махони, представляющий штат Вайоминг, побил своеобразный рекорд, будучи членом семи постоянных и трёх специальных комитетов [12, vol. 92, p. A333]. Акт 1946 г. вводил ограничение: для сенаторов число комитетов, в которых они могли работать, было сокращено до двух, а для конгрессменов – до одного. Это правило не относилось к законодателям, которые работали в комитетах по бюджету и ассигнованиям, что объяснялось близостью рассматриваемых проблем. Этот шаг позволил повысить эффективность деятельности комитетов и его членов, приобретавших своеобразную «специализацию».

Но подобные ограничения вызывали опасения у некоторых сенаторов из-за того, что, в первых, вновь избранные сенаторы в отличие от их старших коллег не смогут стать членами постоянных комитетов: на них просто не хватит

мест. Во-вторых, комитеты из 13 чел., по мнению сенатора Р. Тафта (республиканец из штата Огайо), слишком малы для того, чтобы справляться с законодательной нагрузкой.

10 января 1949 г. сенатор Тафт внес на рассмотрение резолюцию (S. Res. 24), предложив увеличить состав восьми комитетов Сената с 13 до 15 чел., разрешить 8 сенаторам от партии меньшинства работать в трех постоянных комитетах, а большинству сенаторов – быть членами ещё одного комитета, но из категории «малых комитетов». Его оппоненты настаивали на том, что такое предложение лишь способствует прогулам сенаторов с заседаний, а принятый Акт направлен на совершенствование эффективности работы не только комитетов, но и всего Конгресса [12, vol. 95, p. 131–133].

Реорганизационный акт определил и полномочия комитетов обеих палат по внешним делам и вооруженным силам. В сферу ответственности комитета по вооруженным силам были отнесены вопросы обороны, развития военной техники и технологии, стратегических ресурсов и т.д. Комитет по внешним делам должен был рассматривать вопросы национальной безопасности, внешних займов, объявления войны и мира, дипломатических отношений США, ратификации договоров и соглашений, и многое другое [16, с. 154–155].

К моменту окончания Второй мировой войны Палата представителей в вопросах внешней политики находилась в тени Сената. Это объяснялось тем, что по Конституции Соединённых Штатов именно Сенат полномочен решать вопросы внешнеполитического характера. В силу описанных обстоятельств сенатский комитет по внешним отношениям и сегодня считается престижнее, чем тот же комитет нижней палаты Конгресса.

В то же время рассмотрением бюджета и выделением финансирования на реализацию различных государственных программ занималась Палата представителей. Ввиду данного обстоятельства после окончания военных действий в Европе комитеты Палаты стали оказывать серьезное влияние и на внешнюю политику страны. Особенно актуальным этот вопрос стал в 1946–1948 гг., когда Соединённые Штаты начали программу финансирования сначала Великобритании, а впоследствии и ряда государств Западной Европы по «плану Маршалла».

Многие вопросы, касающиеся внешней и военной политики США, входили в компетенцию

примерно десяти комитетов: по сельскому хозяйству (торговля сельскохозяйственными товарами на мировом рынке), по ассигнованиям (выделение финансирования на работу государственного департамента, дипломатических представительств и миссий, а также программы помощи западноевропейским государствам), по банковским и финансовым вопросам (тарифная политика, заключение торговых соглашений) и пр. Как верно отметил Г. Лассуэлл, «по крайней мере, две трети из пятнадцати комитетов Сената регулярно затрагивают различные аспекты проблемы безопасности» [17, р. 195].

Для решения вопросов, которые подпадают под юрисдикцию нескольких комитетов, было предложено следующие решения:

1) создание совместного комитета или подкомитета (например, был создан Специальный комитет по вопросу предоставления иностранной помощи при Палате представителей в 1947 г., так называемая комиссия Гертера);

2) создание на базе комитетов Палаты представителей и Сената в таких областях, как национальная безопасность и внешняя политика, объединённых структур совместно с теми комитетами, чью юрисдикцию затрагивает рассмотрение определённого вопроса [18, р. 149–150].

В соответствии с принятым законодателями Актом численность членов постоянных комитетов Палаты представителей по вооружённым силам и внешним отношениям устанавливалась в размере 45 чел., а сенатский комитет по вооружённым силам и по иностранным отношениям должен был отныне состоять из 20 и 19 членов соответственно.

Уменьшение числа постоянных комитетов естественно привело к формированию новых подкомитетов в Сенате: их число возросло вдвое (с 34 до 60). Вновь созданные сенатские подкомитеты фактически получили полномочия ликвидированных ранее постоянных комитетов. Однако в Палате представителей произошло снижение их количества (с 97 до 60) [15, р. 42]. Комитетам по вооружённым силам палат полагалось иметь по 6 подкомитетов, а комитетам по внешней политике – 7 подкомитетов [13, р. 209].

Для усиления аналитической деятельности комитетов и оперативности рассмотрения вопросов, принятия ответственных решений комитетам позволялось нанимать штат сотрудников до 10 человек на непартийной основе. Предлагалось назначить оплату деятельности сотрудников постоянных комитетов в размере от 6 до 8 тыс. долл. в год.

Кроме того, чтобы избавить законодателей от деятельности, которая не связана напрямую с их обязанностями, было предложено позволить каждому члену Конгресса иметь одного ассистента. Работа ассистента должна была заключаться в ведении корреспонденции и ответов на запросы граждан и должна была вознаграждаться в размере 8 тыс. долл. в год.

В дополнение к персоналу комитета совместный комитет рекомендовал Конгрессу увеличить штатное расписание Законодательной справочной службы. Данное подразделение Библиотеки Конгресса должно было заниматься удовлетворением информационных запросов, которые поступают из Конгресса, его комитетов и подкомитетов, а также отдельных членов Конгресса и его сотрудников.

Комитет рекомендовал также увеличить бюджет этой службы со 198 тыс. долл. до 500 тыс. с последующим повышением до 750 тыс. долл. в год.

Реорганизационный акт 1946 г. также обязал постоянные комитеты следить за деятельностью исполнительной ветви власти и реализацией решений Конгресса. Это стало одним из важнейших достижений Конгресса 80-го созыва. Все решения, исходящие от администрации президента или министерств, подлежали обязательному рассмотрению комитетов на предмет соответствия конституционным нормам.

Таким образом, принятый в 1946 г. Реорганизационный акт способствовал не столько изменению структуры Конгресса США, сколько формированию более эффективного законодательного органа, способного принимать взвешенные решения, основываясь на работе большого числа подкомитетов и аналитических служб. Вероятно, самым большим его успехом было оснащение законодателей и их комитетов штатными специалистами для помощи в составлении законопроектов и анализе сложных вопросов, которые возникают перед Конгрессом. Законодательный надзор исполнительной власти также улучшился в результате реорганизации. Однако в других вопросах реорганизация не оправдалась. Положительные последствия сокращения числа комитетов были, по крайней мере, частично уравновешены неожиданным расширением подкомитетов, которые не регулировались Актом 1946 г. Несомненно, эти преобразования не могли не затронуть военные и внешнеполитические полномочия Конгресса США. Ещё более, чем в прежние годы, усилилось значение Палаты представителей и Сената в этих вопросах.

Но основным провалом данного Акта стало то, что он всего лишь замедлил процесс усиления исполнительной власти в принятии важных государственных решений, но не смог предотвратить падения престижа законодательной ветви власти.

Литература

1. *Farnsworth D.N.* The Senate committee on foreign relation. Urbana : University of Illinois Press, 1961. 189 p.
2. *Ripley R.B.* Majority party leadership in Congress. Boston : Little, Brown, 1969. 194 p.
3. *Ripley R.B.* Party leaders in the House of Representatives. Washington : Brooking Institution, 1967. 221 p.
4. *Westphal A.C.* The House Committee on foreign affairs. N. Y. : AMS press, 1968. 268 p.
5. *Иванов Ю.А.* Конгресс США и внешняя политика. М. : Наука, 1982. 216 с.
6. *Манькин А.С.* История двухпартийной системы США (1789–1980 гг.). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. 287 с.
7. *Савельев В.А.* США: сенат и политика. М.: Мысль, 1976. 199 с.
8. *Бурова Т.Т.* Критика политики нейтралитета в США // Новая и новейшая история. 2012. № 6. С. 176–186.
9. *Вовочкина И.Д.* Проблема лоббизма в законе о реформе Конгресса (1946 г.) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 8 : История. 2013. № 2. С. 73–90.
10. *Травкина Н.М.* Бюджетный процесс в Конгрессе США: законодательные нормы и современные формы реализации. М. : Ин-т США и Канады РАН, 2002. 137 с.
11. Разделённая демократия. Сотрудничество и конфликт между президентом и конгрессом. М. : Прогресс, Универс, 1994. 416 с.
12. Congressional Record. Proceedings and Debates of the 79th-81st Congresses. Washington : US Governmental Printing Office, 1946–1949.
13. *Davidson R. H., Oleszek W. J.* Congress and Its Members. Washington : CQ Press, 1994.
14. Official congressional directory. For the use of the United States Congress. Washington : US Governmental Printing Office, 1945. 898 p.
15. *Smith S., Deering C.* Committees in Congress. Washington : CQ Press, 1990. 259 p.

16. Постоянные правила Сената США // Со-единённые Штаты Америки: Конституция и законодательные акты / под ред. О.А. Жидкова. М. : Прогресс, Универс, 1993. С. 138–168.

17. *Lasswell H.* National Security and Individual Freedom. N.Y. : McGraw-Hill Book Co., Inc., 1950. 259 p.

18. Hearings before the Committee on Expenditures in the Executive Departments, U.S. Senate, 80th Cong., 2nd sess., on Evaluation of Legislative Reorganization Act of 1946. Washington : US Governmental Printing Office, 1948. 270 p.

References

1. *Farnsworth D.N.* *The Senate committee on foreign relation.* Urbana: University of Illinois Press, 1961, 189 p.
2. *Ripley R.B.* *Majority party leadership in Congress.* Boston: Little, Brown, 1969, 194 p.
3. *Ripley R.B.* *Party leaders in the House of Representatives.* Washington: Brooking Institution, 1967. 221 p.
4. *Westphal A. C.* *The House Committee on foreign affairs.* N. Y.: AMS press, 1968, 268 p.
5. *Ivanov Yu.A.* *Kongress SShA i vneshnyaya politika* [The US Congress and Foreign Policy]. Moscow: Nauka, 1982, 216 p.
6. *Manykin A.S.* *Istoriya dvukhpartiinoi sistemy SShA (1789-1980 gg.)* [The History of the US Bipartisan System (1789-1980)]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1981, 287 p.
7. *Savel'ev V.A.* *SShA: senat i politika* [The USA: Senate and Politics]. Moscow: Mysl', 1976, 199 p.
8. *Burova T.T.* *Kritika politiki neutraliteta v SShA* [Criticism of the Neutrality Policy in the United States]. *Novaya i noveishaya istoriya.* 2012, No. 6, pp. 176-186.
9. *Vovochkina I.D.* *Problema lobbizma v zakone o reforme Kongressa (1946 g.)* [Lobbying Issue in the Legislative Reorganization Act (1946)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta.* Seriya 8: Istoriya. 2013, No. 2, pp.73-90.
10. *Travkina N.M.* *Byudzhetni protsess v Kongresse SShA: zakonodatel'nye normy i sovremennye formy realizatsii* [The Budget Process in the US Congress: Legislative Norms and Modern Forms of Implementation]. Moscow: In-t SShA i Kanady RAN, 2002, 137 p.
11. *Razdelennaya demokratiya. Sotrudnichestvo i konflikt mezhdru prezidentom i kongressom*

[Divided Democracy. Cooperation and Conflict between the President and the Congress]. Moscow: Progress, Univers, 1994, 416 p.

12. *Congressional Record. Proceedings and Debates of the 79th-81st Congresses*. Washington: US Governmental Printing Office, 1946-1949.

13. Davidson R.H., Oleszek W.J. *Congress and Its Members*. Washington: CQ Press, 1994.

14. *Official congressional directory. For the use of the United States Congress*. Washington: US Governmental Printing Office, 1945, 898 p.

15. Smith S., Deering C. *Committees in Congress*. Washington: CQ Press, 1990, 259 p.

16. [Permanent Rules of the US Senate]. *Soedinnennye Shtaty Ameriki: Konstitutsiya i zakonodatel'nye akty* [United States of America: Constitution and Legislative Acts]. Ed. by O.A. Zhidkov. Moscow: Progress, Univers, 1993, pp. 138-168.

17. Lasswell H. *National Security and Individual Freedom*. N.Y.: McGraw-Hill Book Co., Inc., 1950, 259 p.

18. *Hearings before the Committee on Expenditures in the Executive Departments, U.S. Senate, 80th Cong., 2nd sess., on Evaluation of Legislative Reorganization Act of 1946*. Washington: US Governmental Printing Office, 1948, 270 p.

Поступила в редакцию / Received

12 июля 2017 г. / July 12, 2017

ИЗЪЯТИЕ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА ЮГЕ РОССИИ В 1922 ГОДУ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

© 2017 г. Р.А. Амплеев^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

EXCLUSION OF THE CHURCH VALUES IN THE SOUTH OF RUSSIA IN 1922 IN THE DOMESTIC HISTORIOGRAPHY

R.A. Ampleev^а

^аSouthern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Амплеев Роман Алексеевич –
аспирант,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: rim16.8ampliy@bk.ru

Roman A. Ampleev -
Postgraduate,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: rim16.8ampliy@bk.ru

Изъятие церковных ценностей проводилось в 1922 г. в Советской России в условиях, когда в стране сказывались последствия голода 1921 г. Кампания составляла часть антирелигиозной политики большевиков. Эти события получили отражение в историографии. Советские историки обосновывали изъятия необходимостью борьбы с голодом и помощи голодающим. Они указывали на контрреволюционную позицию церкви и на ее нежелание оказывать реальную помощь голодающим. С конца 80-х гг. положение изменилось. Был введен в научный оборот широкий круг новых источников. Пересматривались подходы к характеристике событий. Подчеркивалось, что помощь голодающим была лишь предлогом для изъятия ценностей и для борьбы с церковью как с политическим противником. Отдельные стороны событий, связанных с изъятием церковных ценностей на Юге России, также получили отражение в историографии. Указывались некоторые особенности кампании на Юге страны.

Ключевые слова: историография, большевики и церковь, изъятие церковных ценностей в 1922 г., массовые движения советского периода.

The confiscation of church values was carried out in 1922 in Soviet Russia in conditions when the consequences of the famine of 1921 affected the country. The seizures were the part of the Bolsheviks' policy in relation to the church. These events are reflected in historiography. Soviet historians justified the withdrawal by the need to combat hunger and help the hungry. They pointed at the counter-revolutionary position of the church and its reluctance to provide real help to the hungry. Since the end of the eighties the situation has changed. Approaches to the characterization of events were revised. It was stressed that helping the starving was only a pretext for taking valuables and fighting the church as a political opponent. Certain aspects of the events related to the seizure of church values in the South of Russia were also reflected in historiography. Specific features of the campaign in the South were indicated.

Keywords: historiography, the Bolsheviks and the Church, the seizure of church values in 1922, Mass movements of the Soviet period.

Изъятие церковных ценностей, происходившее в 1922 г., было связано с голодом 1921 г. и поиском средств для помощи голодающим. Советская власть стремилась получить эти средства за счет конфискации церковного имущества и тем самым ослабить церковь в экономическом отношении.

Историки уделяли внимание этим событиям. Публикации 20–50-х гг. в целом носили агитационно-пропагандистский характер. Авторы

стремились показать роль церкви как врага советской власти и контрреволюционную направленность ее действий. В этом отношении типична публикация Д. Зорина. Он подчеркивал, что во время голода церковь вела «тлетворную подлую контрреволюционную работу», но «опутать ложью» трудящихся ей не удалось. Он подчеркивал, что сами трудящиеся «требовали от ВЦИК, чтобы Советская власть изъяла из церкви ценности для помощи голодающим» [1,

с. 6]. Тем самым он доказывал, что инициатива по изъятию шла не от партии и государственной власти, а от самих рабочих и крестьян. Б. Кандидов указывал на связь церкви с белоэмигрантскими центрами. При этом, по его словам, «тихоновское руководство ... выполняло заказ и директивы заграничной белогвардейщины, заграничных попов» [2, с. 27]. Говоря о ростовских событиях 11 марта 1922 г., когда в связи с изъятиями поднялись волнения, он писал, что епископ Арсений организовал «избиение в ростовском кафедральном соборе комиссии по изъятию ценностей» [2, с. 49].

В поздней советской историографии характер публикаций на эту тему по существу не изменился. Р.Ю. Плаксин указывал, что с 1921–1922 гг. наступил новый этап в контрреволюционной деятельности церкви, который как раз пришелся на время голода. Он отмечал, что патриарх Тихон в своем воззвании от 22 августа 1921 г. призывал верующих жертвовать в фонд помощи голодающим. Но «реальной помощью голодающим служители культа почти не занимались». Как он указывал, церковники «отлично понимали, что голод и разруха ослабляют Советскую страну», и «это было в их интересах» [3, с.171]. Они пытались «вовлечь в ... борьбу» против советской власти «огромные массы верующих» [3, с.179]. Подход Плаксина со всей очевидностью односторонний. Вся многогранная история отношения к голоду православного духовенства и верующих и мероприятий властей по изъятию церковных ценностей дается Плаксиным только в свете идеи о контрреволюционной позиции церкви и борьбы властей с исходившей от нее угрозой. Тем самым изложение и оценка им этих явлений идет целиком в русле советской литературы 20-х гг. Близкий к этому подход содержится в очерке известного советского историка церкви Н.С.Гордиенко. Он указывал, что, когда в условиях голода советская власть для закупки зерна решила конфисковать церковные ценности, патриарх Тихон «решил сорвать проведение этого декрета в жизнь» и тем самым «сделать Советскую власть беззащитной перед лицом голода, ускорить ее крах» [4, с. 621].

Со второй половины 80-х гг. ситуация в историографии претерпела принципиальные изменения. В условиях системного кризиса, переживавшегося Советским государством, и кризиса советской идеологии как составной его части стали пересматриваться положения и вы-

воды, сформировавшиеся в советской историографии. Это в частности касалось вопросов, связанных с взаимоотношениями между советским государством и православной церковью, в том числе вопроса об изъятии церковных ценностей в 1921–1922 гг. и реакции на эти события в церковных кругах, среди верующих и разных слоев населения. Этому также способствовало открытие архивов, что позволило получить новый материал. Тем более все эти тенденции развивались с конца 1991 г. после падения советского режима. Как отмечал глава российской архивной службы Р.Г. Пихоя, историки «уже не были обязаны играть «роль комментаторов "исторических решений" очередных съездов и пленумов». У них появлялась возможность исследования узловых проблем истории советского общества. К ним относилась также проблема православной церкви в условиях советской власти [5, с. 6–7].

Объяснить действия советского руководства в отношении церкви стремился В.А. Алексеев. Он указывал на стремление церкви оказать помощь голодающим, против чего решительно выступила часть партийных и государственных структур. Такие настроения постепенно получили преобладание. Алексеев обращает внимание на то, что 2 января 1922 г. ВЦИК «под сильнейшим нажимом Л.Д. Троцкого и ряда других лиц ЦК РКП(б)» принял постановление «О ликвидации церковного имущества» [6, с. 199]. Была сделана оценка церковных богатств, которая, писал Алексеев, дезориентировала В.И. Ленина. Алексеев не соглашался с устоявшейся точкой зрения, что духовенство встретило постановление в штыки. Он подчеркивал, что первый этап кампании по изъятию «протекал вполне спокойно», а верующие также отнеслись к этому спокойно. Резко изменилась обстановка после событий в Шуе. Они дали основание Троцкому и его сторонникам перейти в решительное наступление «на церковных мракобесов» [6, с. 208], и это было поддержано Лениным. К апрелю 1922 г., писал Алексеев, стало ясно, что расчеты на богатства церкви не оправдались. За это «вся вина переносилась на духовенство», которое «сумело перехитрить власти и спрятать золото», и инициаторы кампании призывали судить духовенство [6, с. 214–215]. Положительной стороной исследования является стремление выявить разногласия в советском руководстве по поводу кампании.

Как отмечает историк церкви О.Ю. Васильева, после прихода к власти в России большевиков в истории православной церкви наступил самый трагический период. Она указывала, что такая борьба развернулась еще летом 1917 г., до установления большевистского режима. Попытка церкви предотвратить развертывание в стране гражданской войны вызвала уже после установления Советской власти конфискацию у церкви всех учебных заведений. Голод 1921 г. для советских властей «создал удобный повод к изъятию церковных ценностей» [7, с. 41–42].

Н.А. Кривова так же, как и О.Ю. Васильева, полагает, что после 1917 г. наступил самый тяжелый период в истории церкви. На этот период пришелся «пик борьбы церкви не только за сохранение своих организационных структур и единства, но и за существование самого церковного института» [8, с. 19]. Первая половина 1922 г. отличалась «погромной церковной политикой», начало которой положил декрет о конфискации церковных ценностей. Большое значение в организации изъятия церковных ценностей она придавала письму Троцкого от 17 марта 1922 г., которое обсуждалось на заседаниях 18 и 20 марта. Как отмечает Кривова, при обсуждении письма «отчетливо проявились серьезные разногласия между членами Политбюро ЦК РКП(б) и ВЦИК по церковному вопросу и закулисная борьба между ними» [8, с. 66]. Уже к лету этого года, по ее словам, «церковь оказалась на грани гибели: храмы разграблены, сопротивление верующих сломлено, духовенство обескровлено и расколото». По мнению Кривовой, самый жесткий курс в отношении Церкви в ходе проведения кампании по изъятию церковных ценностей отстаивали В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий. Их установки ложились в основу постановлений Политбюро по этому вопросу. С более мягких позиций подходил ВЦИК во главе с М.И. Калининым, а также Л.Б. Каменев. Эти руководители партии, «как и осторожный В.М. Молотов, выступали за поиск компромисса во взаимоотношениях с церковью и за менее жесткие методы проведения изъятия у нее ценностей» [8, с. 216].

Руководитель проекта «Архивы Кремля» академик Н.Н. Покровский в своей обширной статье к документальной публикации подчеркивал, что в 1922 г. советское руководство уделяло самое значительное внимание вопросам, касающимся Церкви. Говоря о ленинском письме от 19 марта 1922 г., Покровский указывал, что оно «поражает своим жестким и решительным тоном» [9, с. 32].

Это, указывал он, был «план предстоящего сражения с классовым врагом», а «ужасы голода» в этом письме можно рассматривать «как обстоятельство, способствующее осуществлению боевого плана партии» [9, с. 32]. Н.Н. Покровский писал, что содержащиеся в ленинском письме мысли очень соответствовали тому, что делал в это же время Троцкий. И письма Ленина, и инструкции Троцкого были, отмечал Покровский, пронизаны одним и тем же – изъятия, аресты, расстрелы. Процесс изъятия церковных ценностей, указывал он, отражен в таких массовых источниках, как донесения ГПУ. В то же время он не считал возможным давать статистику репрессий по этому делу, для этого «необходимо по-губернское выявление и сопоставление всех свидетельств, сохранившихся в центральных и местных архивах» [9, с. 78]. Оценивая итоги кампании, Покровский замечал, что «финансовая сторона февральско-мартовского (1922 г.) плана Ленина-Троцкого потерпела крах». Но с осуществлением политических задач кампании «дело обстоит неизмеримо лучше». «Добившись в мае ареста патриарха, начала следствия над ним и создания обновленческой церковной организации, Политбюро и ГПУ успешно продолжали дело разгрома РПЦ» [9, с. 82]. Таким образом, известный российский историк призывал развивать региональные исследования событий по изъятию церковных ценностей 1922 г.

Большая работа по систематизации ранее секретных материалов делопроизводства ЦК РКП(б) была проделана С.Г. Петровым, работавшим совместно с Н.Н. Покровским. Эта работа позволила получить новые сведения и реконструировать события кампании 1922 г., церковные судебные процессы, массовое закрытие церквей, репрессии. Изучение документов Ленина и Троцкого позволило ему сделать вывод, что изъятие не относилось на деле к помощи голодающим. Это было «секретной кампанией по учету, сосредоточению и распродаже за границей национализированных богатств». Помощь голодающим была лишь «прикрытием реальных целей, преследуемых партийным руководством при изъятии ценностей Русской церкви» [10, с. 390]. Он обращал внимание на особую роль Троцкого в организации кампании по изъятию церковных ценностей и организации раскола церкви. Проявилось это, по его мнению, в письме Троцкого от 17 марта 1922 г., направленном для рассмотрения на заседании Политбюро 20 марта. Петров подчеркивал, что предусматривалось в

первую очередь изъятие из богатых храмов. Это были храмы в Москве и Петрограде, а также в некоторых губернских центрах. Другим храмам уделялось меньшее внимание. Вместе с тем Петров дает анализ письма по вопросу об изъятии, написанного Лениным. В нем, подчеркивает Петров, содержались теоретическая и практическая части. В первой мысли о применении жестокости для достижения «известной политической цели» Ленин взял «у одного писателя по государственным вопросам». Как полагает Петров, это был конец восьмой главы книги Н. Макиавелли «Государь». В практической части письма Ленин предлагал действовать решительно, но при этом не отменять шифрограмму о приостановке изъятия, поскольку она вводила «противника» в заблуждение относительно намерений власти. Петров подчеркивал, что такое письмо ввиду его крайней откровенности не случайно было сверхсекретным [10, с. 121]. По поводу отношения членов Политбюро к ленинскому письму приводятся две точки зрения. М.А. Поповский в биографическом исследовании об архиепископе Луке (В.Ф. Войно-Ясенецком) указывает, что против письма выступил Томский. И вообще, «Политбюро указало т. Ленину на неприемлемость методов, рекомендованных Макиавелли, на пятом году советской власти» [11, с. 495]. Напротив, медиевист М.А. Юсим указал на принятие ленинских предложений с некоторыми поправками [12, с. 197].

Как подчеркивал М.В. Шкаровский, в стране прошли 250 судебных процессов, связанных с «сопротивлением изъятию церковных ценностей». Он подчеркивал, что при проведении мероприятий по изъятию решающую роль стали играть органы ГПУ. Это, отмечает он, становилось системой. Основным органом, ведавшим с этого времени делами церкви, «надолго стало VI (“церковное”) отделение секретного отдела ГПУ». Шкаровский обращает внимание, что со стороны Троцкого шло «подстегивание местных властей», поскольку он был «лично заинтересованным в этой акции». Это не случайно, так как значительная часть средств должна была идти «на нужды возглавляемой им Красной Армии» [13, с. 95]. Но вообще средств было собрано немного, причем на помощь голодающим «пошла меньшая часть».

За последнее время появились некоторые исследования, посвященные отдельным сторонам кампании по изъятию церковных ценностей в 1922 г. на Юге России. Первой работой по истории отношений между Советским государством

и церковью на материалах Юга России стала монография Н.Ю. Беликовой. В ней обращено внимание на специфику кампании по изъятию церковных ценностей на территориях, которые охватывали Дон, Кубань и Ставрополье, населенных казачеством и крестьянством, с незначительным развитием городов. Отмечалось, что, как и на других территориях страны, духовенство, пытаясь сохранить церковное имущество и православные святыни, подвергалось репрессиям. К числу особенностей кампании отнесено то, что на Юге России она проходила медленно. Отношение к кампании среди населения было разным. С одной стороны, «часть сельского населения Юга России поддерживала отчуждение церковно-монастырской собственности». С другой – казачество «выступало против изменений традиционного уклада религиозной жизни, ломки незыблемых устоев». Это объяснялось особенностями его культуры. Для этой группы населения были характерны тесное переплетение религиозности и воинского долга» [14, с. 83]. Особенно острый характер, подчеркивает Беликова, кампания приобрела в Ростове, где 11 марта 1922 г. произошли массовые беспорядки [14, с. 79–80].

В монографии С.П. Чибисовой содержатся сведения об изъятии церковных ценностей и о репрессиях против священников на Дону [15]. Архиепископу Арсению посвящена статья монахини Екатерины (Парунян). О кампании по изъятию ценностей говорится в связи с его личностью и деятельностью [16, с. 66–75].

Ход кампании по изъятию церковных ценностей на Дону затрагивался в кандидатской диссертации Д.А. Горбачева и в изданной на ее основе монографии. Он ввел в научный оборот ряд источников. Это документы советских и партийных органов и местная печать. Он отмечал широкое применение в ходе кампании на Дону террора против духовенства. Часть изъятых ценностей была присвоена и растрчена самими экспроприаторами, иначе говоря, имели место хищения. Поэтому документы, отмечал он, уничтожались, что делает невозможным подсчет конфискованного. Суды же над донскими священниками, в ходе которых предстало перед судом 37 человек, представляли собой политические процессы [17, с. 113]. Горбачев выявил документы, согласно которым против изъятий выступало не только духовенство, но и прихожане. Он указывал также на выступления рабочих, среди которых возникли «недоумения на счет связи церковного золота и голодающих». Горбачев делал вывод о негативном отношении

значительной части населения к изъятию ценностей [17, с. 117].

Общий ход событий кампании по изъятию церковных ценностей и её итоги на Дону были прослежены в кандидатской диссертации, в монографии и ряде статей Ю.А. Бирюковой. Она отмечает, что кампания не ограничивалась церквями. На Дону она началась с синагог, после чего планировалось начать конфискацию в церквях, чтобы завуалировать главную цель кампании, направленной на ослабление Русской Православной Церкви. С 11 марта, когда власть в Ростове столкнулась с народным сопротивлением, она задействовала силы Красной Армии, развернула массированную пропаганду. Волнения заставили власть передать дело изъятия в руки секретных комиссий. Такая комиссия была создана 27 марта при Донкоме в составе секретаря Донкома, начальника местного ГПУ и председателя политуправления Северо-Кавказского округа, а советские органы выполняли в этой схеме роль официального прикрытия. Ю.А. Бирюкова останавливается также на особенностях и характере судебных процессов, прошедших после изъятия, обосновывает надуманность обвинений духовенства и приходских советов в организации сопротивления, отмечает эпизодический и стихийный характер протестов [18–21].

Дальнейшему изучению вопроса способствовало издание А.В. Шадринной и Л.В. Табунщиковой сборника документов об изъятии церковных ценностей на Дону. В предисловии к сборнику Шадринна дает общую оценку кампании в целом и сведения о конфискованных церковных ценностях по городам и округам Донской области [22].

Вопросы проведения кампании по изъятию церковных ценностей на Северном Кавказе изучены менее тщательно. Так, в пределах бывших Ставропольской губернии и Терской области эта тема затрагивалась исследователем А.М. Пантюхиным. Он подчеркивает, что эта кампания, как и обновленчество, были частью политики большевиков в отношении Церкви [23, с. 174–177].

Таким образом, за время развития историографии по поставленной проблеме могут быть подведены определенные итоги. Проведение кампании по изъятию церковных ценностей в 1922 г. было признано одной из значимых проблем отечественной истории новейшего времени, касающихся отношений между Советским государством и православной церковью. Отмечено, что в ней с необходимой полнотой выражалось отношение советской власти к церкви как к

одному из центров политического сопротивления после Гражданской войны, который пользовался авторитетом и влиянием среди разных социокультурных слоев общества. Прослежена связь между изъятиями и другими сторонами политики Советского государства в отношении церкви, прежде всего с обновленческим движением, дана им оценка как мере, направленной на ослабление церкви, на сокращение возможностей воздействия ее на общество. Подчеркивалось значение исследований этой кампании на местах и сделаны определенные шаги в направлении этих исследований, в том числе на Юге России.

Представляется вместе с тем, что имеются определенные вопросы, которые предполагают необходимость дальнейшего исследования. Более определенно, чем говорилось до сих пор, можно сказать об идеологии проведения большевиками не только политики в отношении Церкви вообще, но и мероприятий по изъятию церковного имущества в частности. Это также более полное, определенное и четкое выявление особенностей проведения кампании на местах, в частности на Юге России. Вместе с тем это предполагает учет того, что сама территория административных единиц российского Юга на 1922 г. была сложной в социокультурном отношении, что не могло не сказаться на особенностях кампании по ее городам и округам, и даже по отдельным поселениям. При этом еще не в полной мере исследован вопрос, насколько при проведении своей конфискационной политики большевики вынуждены были считаться с мнением широких слоев населения, с особенностями его культуры. Дальнейшего исследования требует вопрос об итогах кампании по регионам страны, в том числе на Юге России; по существу очень слабо проработан вопрос об итогах по микрорегионам, при том, что за последнее время растет интерес к новой локальной истории. Наконец, представляют интерес дальнейшие исследования в направлении антропологической истории, в частности места в событиях «человека второго плана».

Литература

1. Зорин Д. Церковь и революция. Церковь и голод. Ростов н/Д.: Изд. Донского политпросвета, 1922.
2. Кандидов Б. Голод 1921 г. и церковь. М.; Л.: Московский рабочий, 1932. 96 с.

3. Плаксин Р.Ю. Тихоновщина и ее крах: Позиция православной церкви в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. Л. : Лениздат, 1987. 206 с.

4. Русское православие: веки истории / науч. ред. А.И. Клебанов. М. : Политиздат, 1989. 719 с.

5. Пихоя Р.Г. Предисловие // Кривова Н.А. Власть и церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М. : АИРО-XX, 1997. 247 с.

6. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М. : Политиздат, 1991. 398 с.

7. Васильева О.Ю. Русская православная церковь и Советская власть в 1917–1927 годах // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 40–54.

8. Кривова Н.А. Власть и церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М. : АИРО-XX, 1997. 247 с.

9. Покровский Н.Н. Предисловие // Архивы Кремля : в 2 кн. Кн. 1 : Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Москва; Новосибирск : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Сибирский хронограф, 1997. С. 7–109.

10. Петров С.Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП (б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925 гг.) / отв. ред. Н.Н. Покровский. М. : РОССПЭН, 2004. 406 с.

11. Поповский М.А. Жизнь и житие святителя Луки Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. СПб. : Сатись Держава, 2005. 208 с.

12. Юсим М.А. Макиавелли в России: Мораль и политика на протяжении пяти столетий. М. : ИВИ РАН, 1998. 293 с.

13. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М. : Вече, 2010. 480 с.

14. Беликова Н.Ю. Православная церковь и государство на Юге России (конец XIX – первая треть XX вв.). Краснодар, 2004. 162 с.

15. Чибисова С.П. История Донской (Ростовской-на-Дону) епархии в биографиях архипастырей. Ростов н/Д. : Изд-во Ростовской-на-Дону епархии, 2006. 222 с.

16. Парунян Е., мон. Архиепископ Арсений (Смоленец). Служение на Дону (1918–1922) // Донской архив. Альманах Ростовской областной организации Российского общества историков-архивистов. Ростов н/Д., 2009. Вып. 5.

17. Горбачев Д.А. Донская Голгофа (Советская власть и Русская Православная Церковь Дона 1917–1923 гг.). Ростов н/Д. : Ростиздат, 2008. 208 с.

18. Бирюкова Ю.А. К истории изъятия церковных ценностей на Дону в 1922 году // Государство, общество, церковь в истории России XX века : материалы X Междунар. науч. конф. Иваново : Ивановский гос. ун-т, 2011.

19. Бирюкова Ю.А. Советская власть и православные общины Дона в 1920–30-х гг. Характер отношений на местах. Ростов н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2012. 218 с.

20. Бирюкова Ю.А. Советская власть и православные общины Дона в 1920–30-х гг. Характер отношений на местах: дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2012. 317 с.

21. Бирюкова Ю.А. Хроника кампании по изъятию церковных ценностей на Дону // Журнал Московской патриархии. 2013. № 11. С. 17–24.

22. Шадрин А.В., Табуницкова Л.В. Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 год : сб. документов. Ростов н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 418 с.

23. Пантюхин А.М. Реализация религиозной политики советской власти на Ставрополье и Терреке в 1917–1929 гг. // Изв. Алтайского гос. ун-та. История. Журнал теоретических и прикладных исследований. 2010. № 4–2 (68).

References

1. Zorin D. *Tserkov' i revolyutsiya. Tserkov' i golod* [Church and Revolution. Church and Starvation]. Rostov-on-Don: Izd. Donskogo politprosveta, 1922.

2. Kandidov B. *Golod 1921 g. i tserkov'* [Famine of 1921 and Church]. Moscow; Leningrad: Moskovskii rabochii, 1932, 96 p.

3. Plaksin R.Yu. *Tikhonovshchina i ee krakh: Pozitsiya pravoslavnoi tserkvi v period Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii i grazhdanskoi voiny* [Tikhonov Compagne and its Collapse: The Position of the Orthodox Church during the Great October Socialist Revolution and the Civil War]. Leningrad: Lenizdat, 1987, 206 p.

4. *Russkoe pravoslavie: vekhi istorii* [Russian Orthodoxy: Milestones of History]. Ed. A.I. Klebanov. Moscow: Politizdat, 1989, 719 p.

5. Pikhoya R.G. [Introduction]. Krivova N.A. *Vlast' i tserkov' v 1922-1925 gg. Politbyuro i GPU v bor'be za tserkovnye tsennosti i politicheskoe podchinenie dukhovenstva* [Power and Church in 1922-1925. Politburo and the GPU in the Struggle for Church Values and Political Subordination of the Clergy]. Moscow: AIRO-XX, 1997, 247 p.

6. Alekseev V.A. *Illyuzii i dogmy* [Illusions and Dogmas]. Moscow: Politizdat, 1991, 398 p.
7. Vasil'eva O.Yu. Russkaya pravoslavnyaya tserkov' i Sovetskaya vlast' v 1917-1927 godakh [Russian Orthodox Church and Soviet Power in 1917-1927]. *Voprosy istorii*. 1993, No. 8, pp. 40-54.
8. Krivova N.A. *Vlast' i tserkov' v 1922-1925 gg. Politbyuro i GPU v bor'be za tserkovnye tsennosti i politicheskoe podchinenie dukhovenstva* [Power and Church in 1922-1925. Politburo and the GPU in the Struggle for Church Values and Political Subordination of the Clergy]. Moscow: AIRO-XX, 1997, 247 p.
9. Pokrovskii N.N. [Introduction]. *Arkhivy Kremlya* [Kremlin Archives]: in 2 vol. Vol. 1: Politburo and Church. 1922-1925. Moscow; Novosibirsk: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), Sibirskii khronograf, 1997, pp. 7-109.
10. Petrov S.G. *Dokumenty deloproizvodstva Politbyuro TsK RKP(b) kak istochnik po istorii Russkoi tserkvi (1921-1925 gg.)* [Documents of Record Keeping of the Politburo of the Central Committee of the RCP(B.) as a source on the history of the Russian Church (1921-1925)]. Ed. N.N. Pokrovskii. Moscow: ROSSPEN, 2004, 406 p.
11. Popovskii M.A. *Zhizn' i zhitie svyatitelya Luki Voino-Yasenetskogo, arkhiepiskopa i khirurga* [Life and Being of St. Luke Voyno-Yasenetsky, Archbishop and Surgeon]. Saint Petersburg: Satis Derzhava, 2005, 208 p.
12. Yusim M.A. *Makiavelli v Rossii: Moral' i politika na protyazhenii pyati stoletii* [Machiavelli in Russia: Morality and Politics for Five Centuries]. Moscow: IVI RAN, 1998, 293 p.
13. Shkarovskii M.V. *Russkaya Pravoslavnyaya Tserkov' v XX veke* [Russian Orthodox Church in XX Century]. Moscow: Veche, 2010, 480 p.
14. Belikova N.Yu. *Pravoslavnyaya tserkov' i gosudarstvo na Yuge Rossii (konets XIX - pervaya tret' XX vv.)* [The Orthodox Church and the State in the South of Russia (the End of XIX - the First Third of XX centuries)]. Krasnodar, 2004, 162 p.
15. Chibisova S.P. *Istoriya Donskoi (Rostovskoi-na-Donu) eparkhii v biografiyakh arhipastyrei* [The History of the Don (Rostov-on-Don) Diocese in Biographies of Archpastors]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rostovskoi-na-Donu eparkhii, 2006, 222 p.
16. Parunyan E., mon. Arkhiepiskop Arsenii (Smolenskiy). [Ministry on the Don (1918-1922)]. *Donskoi arkhiv. Al'manakh Rostovskoi oblastnoi organizatsii Rossiiskogo obshchestva istorikov-arkhivistov*. Rostov-on-Don, 2009, No. 5.
17. Gorbachev D.A. *Donskaya Golgofa (Sovetskaya vlast' i Russkaya Pravoslavnyaya Tserkov' Dona 1917-1923 gg.)* [Don Golgotha (Soviet Power and the Russian Orthodox Church of the Don 1917-1923)]. Rostov-on-Don: Rostizdat, 2008, 208 p.
18. Biryukova Yu. A. [To the History of the Seizure of Church Values on the Don in 1922]. *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX veka* [State, society, church in the history of Russia of the twentieth century]. Proceedings of the X international scientific conference. Ivanovo: Ivanovskii gos. un-t, 2011.
19. Biryukova Yu.A. *Sovetskaya vlast' i pravoslavnyye obshchiny Dona v 1920-30-kh gg. Kharakter otnoshenii na mestakh* [Soviet Power and the Orthodox Communities of the Don in the 1920s and 1930s. The Nature of Relations on the Places]. Rostov-on-Don: Izd-vo SFU, 2012, 218 p.
20. Biryukova Yu.A. *Sovetskaya vlast' i pravoslavnyye obshchiny Dona v 1920-30-kh gg. Kharakter otnoshenii na mestakh*: dis. ... kand. ist. nauk. [Soviet Power and the Orthodox Communities of the Don in the 1920s and 1930s. The Nature of Relations on the Places]. Rostov-on-Don, 2012, 317 p.
21. Biryukova Yu.A. Khronika kampanii po iz'yatiyu tserkovnykh tsennostei na Donu [Chronicle of the Campaign to seize church values on the Don]. *Zhurnal Moskovskoi patriarkhii*. 2013, No. 11, pp. 17-24.
22. Shadrina A.V., Tabunshchikova L.V. *Iz'yatie tserkovnykh tsennostei v Donskoi oblasti. 1922 god* [The Seizure of Church Values in the Don Region. 1922]. Col. of doc. Rostov-on-Don: Izd-vo YuNTs RAN, 2013, 418 p.
23. Pantyukhin A.M. Realizatsiya religioznoi politiki sovetskoi vlasti na Stavropol'e i Tereke v 1917-1929 gg. [The Implementation of the Religious Policy of the Soviet Power in the Stavropol and Terek in the 1917-1929]. *Izv. Altaiskogo gos. un-ta. Istoriya. Zhurnal teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy*. 2010, No. 4-2 (68).

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В КОНТЕКСТЕ УКРЕПЛЕНИЯ ФЕДЕРАЛИЗМА В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2017 г. К.Т. Бураева ^а

^а Северо-Осетинский государственный университет, Владикавказ, Россия

THE NORTH CAUCASUS IN THE CONTEXT OF STRENGTHENING FEDERALISM IN RUSSIA: HISTORICAL ASPECT

K.T. Buraeva ^а

^а North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia

Бураева Кристина Тузаровна –
аспирант,
Северо-Осетинский государственный университет,
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, 362025, Россия.
E-mail: nosu@nosu.ru

Kristina T. Buraeva -
Postgraduate,
North Ossetian State University,
Vatutina St., 44-46, Vladikavkaz, 362025, Russia.
E-mail: nosu@nosu.ru

Анализируются проблемы, связанные с укреплением федеративной системы в России, совершенствованием ее национальной политики. Особое внимание уделяется укреплению государственности в проблемных регионах. Многоконфессиональный Северный Кавказ продолжительное время считался таковым для Российской Федерации. На его примере можно всесторонне рассмотреть проблемы сепаратизма, экстремизма и терроризма, которые фактически привели российское многонациональное общество в шоковое состояние в 90-е гг. XX в. Несмотря на то что сегодня общественно-политическая обстановка на Северном Кавказе кажется значительно благополучней и стабильнее по сравнению с предыдущими годами, необходимо отслеживать и постоянно проводить глубокий и объективный анализ «мелочей», которые, накапливаясь годами, привели к распаду в декабре 1991 г. самого большого государства – СССР. Предлагается авторская концепция по вопросу совершенствования федеративного устройства страны, данная концепция имеет целью сближение субъектов РФ по экономическим, культурным и другим показателям.

Ключевые слова: политика, нация, федерализм, федеративное устройство, государство, сепаратизм, интеграция, взаимоотношения, история, право, конфедерация, федеральный центр, Москва, Грозный, Северный Кавказ, регион, депортация, горские народы, коренные народы, идеология, публикация, конституция, Федеративный договор, альтернатива.

The article analyzes the problems connected with the strengthening of Russian federal system and the improvement of federal and national policy in Russian Federation. Special attention is paid to statehood strengthening in such problematic region as multinational and multiconfessional North Caucasus. The North Caucasus for a long time was considered to be a troubled region for our country. On this example, we can deeply and comprehensively analyze the problem of separatism, extremism and terrorism, which has brought Russia's multi-ethnic society in a state of shock in the 90-ies of XX century. Despite the fact that today the social and political situation in the North Caucasus seems to be much better and more stable than in previous years, it is necessary to monitor and constantly conduct a deep and objective analysis of the "little things" that accumulating over the years, led to the disintegration of the largest state - the USSR in December 1991. The author's concept for improving the federal structure of the country is proposed; this concept is aimed at bringing together subjects of the Russian Federation on economic, cultural and other indicators.

Keywords: policy, nation, federalism, federation, state, separatism, integration, relationships, history, law, confederation, federal center, Moscow, Grozny, North Caucasus, region, deportation, Mountain people, indigenous population, ideology, publication, constitution, federal agreement, alternative.

Настоящая статья посвящена анализу общественно-политических проблем, которые вызвали гражданскую войну на территории Чеченской Республики-Ичкерии, в целом Северного Кавказа в 90-е гг. XX в. Сегодня научное сообщество страны вместе с политиками, общественными и религиозными деятелями постсоветской России должны приложить немалые усилия для укрепления и совершенствования государственности в Российской Федерации,

общество страны вместе с политиками, общественными и религиозными деятелями постсоветской России должны приложить немалые усилия для укрепления и совершенствования государственности в Российской Федерации,

особенно на Северном Кавказе, который продолжительное время считался проблемным регионом. Необходимо глубоко и всесторонне анализировать проблемы сепаратизма, экстремизма и терроризма, которые фактически привели российское многонациональное общество в шоковое состояние в 90-е гг. XX в. Разумеется, сегодня общественно-политическая обстановка на Северном Кавказе представляется значительно благополучней и стабильнее по сравнению с недавним прошлым. Однако задача ученых состоит в исследовании не только глобальных причин кризисных явлений, но и «мелочей», которые, накапливаясь годами, приводят в конечном итоге к таким явлениям, вызвавшим в декабре 1991 г. распад СССР.

Руководство Российской Федерации, не имея концепции строительства федеративного государства, попыталось подменить её договорными отношениями. Попытка решить накопившиеся проблемы в области национально-государственного и федеративного строительства, вопросы этнополитики правовым путём достойна не только уважения, но и глубокого научного анализа, который имеется в фундаментальных исследованиях Р.Г. Абдулатипова, В.Д. Дзидзоева, М.М. Кучукова, У.Ш. Тедеевой, Л.М. Карапетян [1–5]. В.Д. Дзидзоев подчеркивает: «Российская Федерация, ставшая Отечеством для многих нерусских народов, в том числе осетин, с конца 80-х гг. XX в. испытывает жесточайший кризис в сфере межнациональных, федеративных отношений. Кризис в отношениях между многомиллионными, средними по численности и малочисленными народами бывшего СССР, приведший в 1991 г. к распаду самой огромной по территории многонациональной федеративной державы, был во многом предопределен теми же факторами, что ныне действуют на территории Российской Федерации, особенно в Татарстане, Башкортостане, республиках Северного Кавказа» [6, с. 14]. Отметим, что тенденции распада территориальной целостности Российской Федерации были остановлены в начале 90-х гг. ценой огромных усилий политиков, религиозных и общественных деятелей, научного сообщества страны. Им удалось решить политические, экономические, социальные, национальные и морально-этические вопросы и проблемы, итогом которых стало подписание 31 марта 1992 г. в Москве Федеративного договора [7]. В него были включены положения о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами и орга-

нами государственной власти субъектов Федерации. Договор относил к компетенции федерального центра вопросы гражданства, обороны, защиты национальных меньшинств, поддержание единых норм экономической деятельности и др. Необходимо подчеркнуть, что «становление государственной и политической систем в момент острого кризиса СССР и после его развала происходило в основном по национальному признаку, в соответствии со многими закономерностями развития, политической и межнациональной культурой, действовавшими еще в начале XX в.» [7, с. 15]. Именно национальный фактор стал главным в общественно-политических процессах страны уже с 80-х гг. XX в. Эту проблему внимательно изучали разработчики Федеративного договора, которые предоставили территориям широкие экономические, социальные и культурные права. Однако утверждать, что Договор переломил ситуацию к лучшему, сняв окончательно центробежные тенденции, не представляется возможным по нескольким причинам. **Во-первых**, Договор зафиксировал факт сложившегося неравенства субъектов Федерации. Так, Адыгея 3 июля 1991 г. преобразована в республику, получила статус субъекта Федерации и была провозглашена государством в составе РФ. Республика со всех сторон окружена территорией Краснодарского края. Площадь Адыгеи – 7 790 км², в ней проживает 441,2 тыс. чел. [8].

Краснодарский край занимает площадь 76 тыс. км² и является самодостаточным и экономически развитым регионом России. В крае проживает свыше 5 млн чел., в том числе около 53 % – в городах и 47 % – в сельской местности. Средняя плотность населения – 66,6 чел. на 1 км² [9]. Краснодарский край, в состав которого ранее входила Адыгея, будучи автономной областью, фактически приобрёл с подписанием Федеративного договора одни обязанности и статус административной территории. Более того, будучи донором, Краснодарский край перечислял свои доходы в федеральный центр. Москва в свою очередь распределяла денежные средства между дотационными субъектами Федерации, одним из которых являлась Республика Адыгея. **Во-вторых**, даже при таких предпочтениях со стороны федерального центра, Татарстан и Чеченская Республика-Ичкерия отказались подписать Федеративный договор.

В-третьих, крайне опасный прецедент создала Башкирия, которая подписала Договор,

внеся в него фактически в одностороннем порядке ряд существенных поправок. Теперь с согласия федерального центра Башкирия получила право на самостоятельную внешнеэкономическую деятельность, льготное налогообложение, контроль над деятельностью судебной власти и т.д. В итоге эти поправки сводили «на нет» саму идею существования договора» [10, с. 1009].

Россия по договору фактически становилась федерацией суверенных государств. В то же время подписание Договора помогло на время снизить градус противостояния в российском многонациональном обществе. В оценке договора и тогда, и сейчас существует большой разброс мнений. Сторонники Договора считают, что он помог избежать зенита этнополитического противостояния и как следствие предотвратил распад Российского государства. Критики Договора придерживаются противоположной точки зрения, считая, что он ослабил центральную власть, фактически ликвидировал такое понятие, как «вертикаль власти», и тем самым поставил под угрозу целостность Российской Федерации. В чём-то правы обе стороны, хотя истина находится посередине. Основным позитивным моментом является то, что подписание Федеративного договора помогло снизить накал этнополитических страстей, обозначило новые тенденции развития молодого демократического Российского государства. Все спорные вопросы стали решаться правовым путём, цивилизованным способом за столом переговоров, а не на улицах и площадях. Это обстоятельство также можно занести в позитив Федеративного договора, поскольку альтернативой ему могла стать гражданская война и распад страны.

Но Договор породил ряд проблем и в долгосрочной перспективе мог стать источником масштабных потрясений в государстве и обществе. Так, отношения с республиками строились на договорной основе, тогда как с краями и областями – на унитарных началах. В этой ситуации можно предположить, что подписание Договора для Президента России Б.Н. Ельцина стало тактическим ходом в надежде выиграть время.

По решению VI съезда народных депутатов России 10 апреля 1992 г. Федеративный договор был инкорпорирован в действовавшую Конституцию РСФСР – Российской Федерации 1978 г. [11]. Для республик в составе Российской Федерации это означало закрепление прав и нового статуса, обрётённого после распада СССР. Так, в условиях вакуума власти Башкирия, Татария,

Якутия приняли Конституции, закрепившие за ними статус суверенных государств и субъектов международного права. В процессе работы Конституционного совещания Федеративный договор в качестве составной части вошел в проект будущей Конституции, что создавало реальные предпосылки для дальнейшей децентрализации России. В частности, к Башкирии, Татарии и Якутии, провозгласивших себя суверенными государствами и субъектами международного права, несомненно, захотели бы присоединиться республики Северного Кавказа. В окончательном проекте Конституции, принятой Конституционным совещанием, Федеративный договор отсутствовал. Конституция Российской Федерации, принятая на всенародном референдуме 12 декабря 1993 г., провозгласила приоритет конституционных положений по отношению к Федеративному договору, установила равенство всех субъектов Федерации, будь это республика, край, область, национальный округ или город федерального значения.

Объяснить подобный подход можно было бы правовым нигилизмом, который поразил все стороны жизни огромного многонационального российского общества и государства. В то же время для полного понимания проблемы необходимо рассмотреть процесс принятия 12 декабря 1993 г. новой (ныне действующей) Конституции России. Федеративный Договор в качестве составной части был включён в действовавшую тогда Конституцию 1978 г. В 1992–1993 гг. за относительно короткий промежуток времени в ходе проведения экономических реформ значительная часть населения России оказалась за чертой бедности, в первую очередь – работники бюджетной сферы (образования, здравоохранения, культуры и др.) и пенсионеры. Б.Н. Ельцин и младореформаторы – Е.Т. Гайдар, А.Б. Чубайс и другие объясняли плачевные итоги преобразований в экономике для населения страны противодействием курсу реформ со стороны коммунистов и их сторонников, имевших большинство на съезде народных депутатов и Верховном Совете РФ, а также в Советах различных уровней.

После VIII съезда народных депутатов (10–13 марта 1993 г.) ситуация в стране резко обострилась. На съезде были рассмотрены три проекта постановления о будущей Конституции – редакционной комиссии съезда, глав администраций субъектов Федерации и президентский. Большинство голосов в ходе мягкого голосования получил проект редакционной комиссии съезда, а

наименьшее – президентский [12]. Надежды Б.Н. Ельцина на поддержку населения на референдуме 25 апреля 1993 г. не оправдались. На референдум были вынесены вопросы: 1) о доверии президенту; 2) о поддержке курса реформ; 3) о досрочных выборах президента и парламента.

Итог оказался неожиданным и для президента, и для депутатского корпуса. Так, «из 64 % избирателей, пришедших на избирательные участки, 58,7 % доверяли президенту (40 млн граждан, т.е. менее половины), 53 % доверяли также и социально-экономическому курсу. За досрочные перевыборы президента высказалось 34 млн граждан, при необходимых 53 млн. голосов, а за перевыборы парламента – 46,2 млн» [10, с. 1019]. Таким образом, ни одна из сторон: ни президент, ни народные депутаты не получили поддержки большинства народа. Итоги референдума говорили о глубоком расколе в обществе. 21 сентября 1993 г. Б.Н. Ельцин подписал Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», который прекратил функции Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. Этим же Указом на 12 декабря 1993 г. были назначены выборы в двухпалатный парламент и референдум по принятию новой Конституции [13].

Указ положил начало острому политическому кризису в России. Жёсткая и бескомпромиссная позиция противоборствующих сторон привела в итоге к кровавым столкновениям 3–4 октября 1993 г. в Москве. Политический кризис достиг кульминации 4 октября, когда население Российской Федерации, а с ним и весь мир стали свидетелями расстрела из танковых орудий Верховного Совета, в котором находились в это время народные депутаты России. Западное сообщество, включая действующих и отставных политиков и так называемую демократическую общественность, «с пониманием» отнеслись к действиям Б.Н. Ельцина. Они оказали моральную и политическую поддержку Б.Н. Ельцину, так как его внутренняя и внешняя политика объективно способствовала заметному ослаблению роли России и превращению её в зависимое государство.

В этом контексте становится понятным стремление глав субъектов Федерации к заключению двустороннего договора с Кремлём. Нельзя исключить, что они не доверяли не столько новой Конституции, принятой на референдуме, сколько Президенту Российской Федерации, что он будет её соблюдать. Основанием

подобных опасений могли послужить следующие обстоятельства. **Во-первых**, референдум по Конституции не был проведён в «Татарии, Чечне и Челябинской области» [10, с. 1023]. **Во-вторых**, в ходе референдума за принятие Конституции высказались 58,4 % от общего числа избирателей, пришедших на избирательные участки, против – 41,6 % [10, с. 1023]. За принятие Конституции проголосовали менее 53 млн граждан Российской Федерации, что дало основание оппозиции, критиковавшей данную форму принятия Конституции, утверждать о фальсификации итогов референдума. **В-третьих**, население России на рубеже 1993–1994 гг. ещё не забыло результаты предыдущих референдумов «О сохранении Союза Советских Социалистических Республик» и «О доверии Президенту и Верховному Совету РФ», состоявшимся соответственно 17 марта 1991 г. и 25 апреля 1993 г. Российская власть в лице Б.Н. Ельцина и его окружения проигнорировала итоги референдумов и выраженную на них волю народа. Напрашивался вывод, что президент, изменивший «революционным путём» конституционный строй государства, однажды может пойти на подобный шаг и в будущем. Именно этим можно объяснить стремление руководителей субъектов Федерации к заключению договоров о разграничении полномочий с федеральным центром. Фактически возобладала и начала формироваться модель государственного устройства Российской Федерации, которую можно сформулировать как слабый центр – сильные регионы.

В постсоветский период на территории Российской Федерации появилось огромное количество фондов, гуманитарных миссий и других неправительственных организаций (НПО), штаб-квартиры (мозговые центры) которых находились за пределами России. Именно с подачи иностранных НПО населению России стала внушаться идея подобного государственного устройства «слабый центр – сильные регионы». Например, при поддержке небезызвестного «Фонда Сороса» были изданы учебники по отечественной истории, изображавшие прошлое России от Рюрика и до наших дней только с отрицательной стороны. При такой форме государственного устройства Россия была обречена стать сырьевым придатком Запада с постепенной утратой независимости, что ставило под вопрос сохранение Российской Федерации в будущем как самостоятельного и единого государства.

С другой стороны, стремление руководителей субъектов Федерации к заключению двусторонних договоров было обусловлено самим Федеративным договором. Сложившаяся практика заключения двусторонних договоров между Российской Федерацией и отдельными субъектами РФ отчасти была вызвана тем, что механизм разграничения предметов ведения и полномочий, заложенный в Федеративный договор 1992 г., не регулировал все аспекты государственной жизни.

Напомним, что Федеративный договор состоял из трёх частей, имевших статус договора. Это Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти суверенных республик [14] в составе РФ; Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти краёв, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга Российской Федерации; Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти автономной области, автономных округов в составе Российской Федерации.

Федеративным договором все субъекты Федерации были разбиты на три группы: республики; края, области и города федерального значения; автономные образования. Знакомство с документом позволяет сделать вывод, что Договор федерального центра с республиками предоставил им больше прав в сравнении с другими субъектами. В преамбуле договора содержались термины, вызывавшие больше вопросов, чем ответов. Например, «органы власти суверенных республик в составе Российской Федерации», т.е. республики в договоре были обозначены как суверенные государства. Получалось одно в другом – суверенное государство (республика) в составе другого суверенного государства (Российская Федерация). Это неверно в принципе, так как суверенное государство не может быть частью другого суверенного государства. Но если оно входит в состав или является составной частью другого государства, то оно не может быть (не является) суверенным по определению.

Таким образом, договор законодательно установил неравенство и разнотипность субъектов Федерации. Из этого можно сделать вывод, что национальные элиты сумели пролоббировать своё видение государственности, добившись закрепления за национально-территориальными

образованиями статуса суверенного государства. При этом все республики жили за счёт дотаций из федерального центра, т.е. потребляли больше, чем производили. Заложенное в договоре неравноправие или привилегированное положение республик дополнительно было подтверждено протоколом к Федеративному договору, где было указано на необходимость «обеспечить предоставление не менее 50 % мест в одной из палат высшего законодательного органа Российской Федерации» [15], что давало возможность представителям республик в составе Российской Федерации блокировать принятие любого неурядного решения.

Принципиальным подтверждением неравноправия подписантов является то, что субъектами договор признавал только республики. Так, например, договор с суверенными республиками установил, что «территория и статус республики в составе Российской Федерации не могут быть изменены без её согласия» [16]. Это означало, что федеральный центр не имел права регулировать территориальное устройство республики, деление (районирование) на составные части и изменение границ районов и муниципальных образований. Договор с краями, областями и городами федерального значения к ведению федерального центра относил «утверждение образования новых краёв, областей; утверждение изменений границ краёв, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга» [17] (ст. I, п. 1, пп. «б»). «Установление общих принципов территориального деления и организации местного самоуправления в краях, областях, городах Москве и Санкт-Петербурге» было отнесено к совместному ведению (ст. II, п. 1, пп. «в»).

Привилегированное положение республик не могло не вызвать недовольство населения краёв, областей и городов Москвы и Санкт-Петербурга. В то же время, несмотря на сделанные уступки, Чеченская Республика-Ичкерия и Республика Татарстан отказались подписать Федеративный договор. Ситуация с чеченскими сепаратистами, взявшими курс на отделение (выход) из состава Российской Федерации была более понятной, хотя и более опасной, тогда как с Татарстаном возникали вопросы, на которые трудно было найти ответы в федеральном центре. В Федеративном договоре, де-факто признавшем суверенитет республик, возникло понятие двойного суверенитета. С точки зрения права, термин двойной суверенитет изначально был юридически несостоятелен. Однако политическая целесообразность перевесила доводы

противников концепции двойного суверенитета. Более того, на этом витке она показала свою политическую действенность, поскольку с её помощью удалось сбить накал страстей и умерить «аппетиты» национальной этнократии.

Практика политического лавирования между федеральным центром и национальными движениями различной политической окраски приносила национальной элите немалые дивиденды, объективно способствуя укреплению собственной власти или своего рода возрождению в России на рубеже XX–XXI вв. «института удельных князей». В Кремле рассматривали руководителей республик как единственную силу, с помощью которой можно обуздать тлеющие очаги сепаратизма, экстремизма и терроризма, а также сохранить целостность Российской Федерации. Договор закрепил целостность и неприкосновенность территории республик в составе Российской Федерации. При этом подобная норма в договоре с краями, областями, городами федерального значения и договоре с другими автономными образованиями отсутствовала. Важнейшим элементом договора стало положение: «Земля и её недра, воды, растительный и животный мир являются собственностью (достоянием) народов, проживающих на территории соответствующих республик» (ст. III, п. 3). Однако на практике это понималось как собственность титульного этноса. Попытки других этнических групп заявить о своих правах не поощрялись федеральным центром и решительно пресекались национальной этнократией. В Договоре с краями, областями подобная норма отсутствовала, что дало основание руководителям республик и определённой части населения отстаивать идею этнотерриториальной идентичности, в том числе и недр.

Трудно переоценить роль Федеративного договора 1992 г., остановившего угрозу распада территориальной целостности страны. Тем не менее этот важнейший документ подтверждает сложившиеся неравенства субъектов РФ. Необходимо совершенствовать федеративное устройство страны таким образом, чтобы с годами если не ликвидировать неравенство субъектов, то хотя бы их приблизить по экономическому, культурному и другим показателям. Следовательно, как подчеркивает В.Д. Дзидзоев, должна формироваться «новая национальная политика, как в стране, так и в республиках» [18]. Необходимо помнить об ошибках, почти провалах, национальной и федеративной политики в 90-е гг. XX в. А задача всех специалистов и в первую

очередь ученых-историков состоит в том, чтобы всесторонне изучить причины таковых как в отдельно взятых республиках, так и в масштабах страны. Нужно сделать самые глубокие и серьезные выводы из наших ошибок. Без этого мы обречены на многочисленные этнополитические конфликты и межнациональное противостояние, которые испытали не только в 90-е гг. XX в., но и в начале XXI в.

Литература и примечания

1. *Абдулатинов Р.Г.* Национальный вопрос и государственное устройство России. М.: Славянский диалог, 2000. 655 с.
2. *Дзидзоев В.Д.* Национальная политика: уроки опыта. Владикавказ: Алания, 1994; 1997; 2002. 266 с.
3. *Кучуков М.М.* Нация и социальная жизнь. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 174 с.
4. *Тедеева У.Ш.* Грузино-осетинские противоречия: социальные и идеологические основы (XIX – 90-е гг. XX в.). Владикавказ: СОГМА, 2011. 215 с.
5. *Караетян Л.М.* Федеративное устройство Российского государства. М.: Норма, 2001. 352 с.
6. *Дзидзоев В.Д.* Кавказ конца XX века: тенденции этнополитического развития (историко-политологическое исследование). 2-е изд. Владикавказ, 2004. 359 с.
7. Российская газета. 1992. 1 апр.
8. Республика Адыгея // Официальный интернет-сайт исполнительных органов государственной власти Республики Адыгея. URL: <http://www.adygheya.ru/about/information/> (дата обращения: 01.07.2017).
9. Краснодарский край // Официальный портал исполнительных органов государственной власти Краснодарского края. URL: <http://krasnodar.ru/content/36/show/29838/> (дата обращения: 01.07.2017).
10. Хроника России. XX век. М.; СПб.: Слово / Slovo, 2002. 1104 с.
11. Постановление Съезда народных депутатов РФ от 10 апреля 1992 г. № 2689-1 «О Федеративном договоре» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 17. С. 898.
12. Российская газета. 1993. 12, 13, 15, 16 марта.
13. Российская газета. 1993. 22 сент.
14. В Федеративном договоре 1992 г. республики в составе РФ были признаны суверенными, а в Конституции РФ 1993 г. республики «потеряли» уже статус суверенности.

15. Протокол к Федеративному договору (Договору о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации) (Москва, 31 марта 1992 г.).

16. Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти суверенных республик в составе РФ (Москва, 31 марта 1992 г.). Статья III. Пункт 1.

17. Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга Российской Федерации (Москва, 31 марта 1992).

18. Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. 3-е изд. Владикавказ, 2000. С. 169.

References

1. Abdulatipov R.G. *Natsional'nyi vopros i gosudarstvennoe ustroistvo Rossii* [The National Question and the Russian State System]. Moscow : Slavyanskii dialog, 2000, 655 p.

2. Dzidzoev V.D. *Natsional'naya politika: uroki opyta* [National Policy: Lessons Learned]. Vladikavkaz: Alaniya, 1994; 1997; 2002, 266 p.

3. Kuchukov M.M. *Natsiya i sotsial'naya zhizn'* [Nation and Social Life]. Nalchik: El-Fa, 1996, 174 p.

4. Tedeeva U.Sh. *Gruzino-osetinskie protivorechiya: sotsial'nye i ideologicheskie osnovy (XIX - 90-e gg. XX v.)* [Georgian-Ossetian Contradictions: Social and Ideological Foundations (XIX - 90s of XX Century)]. Vladikavkaz: SOGMA, 2011, 215 p.

5. Karapetyan L.M. *Federativnoe ustroistvo Rossiiskogo gosudarstva* [The Federal Structure of the Russian State]. Moscow: Norma, 2001, 352 p.

6. Dzidzoev V.D. *Kavkaz kontsa XX veka: tendentsii etnopoliticheskogo razvitiya (istoriko-politologicheskoe issledovanie)* [Caucasus of the Late 20th Century: Trends in Ethnopolitical Development (Historical and Political Research)]. 2nd ed. Vladikavkaz, 2004, 359 p.

7. *Rossiiskaya gazeta*. 1992, Apr. 1.

8. *Respublika Adygeya* [Republic Adygea]. Official site of executive body of power in Republic of Adygea. Available at: <http://www.adygeya.ru/about/information/> (accessed 01.07.2017).

9. *Krasnodarskii krai* [Krasnodar Area]. Official portal of executive body of power in Krasnodar Area. Available at: <http://krasnodar.ru/content/36/show/29838/> (accessed 01.07.2017).

10. *Khronika Rossii. XX vek* [Chronical of Russia. XX Century]. Moscow; Saint Petersburg: Slovo, 2002, 1104 p.

11. *Postanovlenie S'ezda narodnykh deputatov RF ot 10 aprelya 1992 g. № 2689-1 «O Federativnom dogovore»* [Resolution of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation of April 10, 1992 No. 2689-1 "On the Federal Treaty"]. *Vedomosti SND i VS RF*. 1992, No. 17, p. 898.

12. *Rossiiskaya gazeta*. 1993, March 12, 13, 15, 16.

13. *Rossiiskaya gazeta*. 1993, Sept. 22.

14. *V Federativnom dogovore 1992 g. respubliki v sostave RF byli priznany suverennymi, a v Konstitutsii RF 1993 g. respubliki «poteryali» uzhe status suverennosti* [In the Federative Treaty of 1992, the republics within the Russian Federation were recognized as sovereign, and in the 1993 Constitution of the republic, the republic "lost" the status of sovereignty].

15. *Protokol k Federativnomu dogovoru (Dogovoru o razgranichenii predmetov vedeniya i polnomochii mezhdu federal'nymi organami gosudarstvennoi vlasti Rossiiskoi Federatsii i organami vlasti suverennykh respublik v sostave Rossiiskoi Federatsii) (Moskva, 31 marta 1992 g.)* [Protocol to the Federal Treaty (the Treaty on the Delimitation of the Terms of Reference and Powers between the Federal Bodies of State Power of the Russian Federation and the Authorities of the Sovereign Republics within the Russian Federation) (Moscow, March 31, 1992)].

16. *Dogovor o razgranichenii predmetov vedeniya i polnomochii mezhdu federal'nymi organami gosudarstvennoi vlasti RF i organami vlasti suverennykh respublik v sostave RF (Moskva, 31 marta 1992 g.) Stat'ya III. Punkt 1* [Treaty on the delimitation of responsibilities and powers between the federal bodies of state power of the Russian Federation and the authorities of sovereign republics within the Russian Federation (Moscow, March 31, 1992). Article III. Paragraph 1].

17. *Dogovor o razgranichenii predmetov vedeniya i polnomochii mezhdu federal'nymi organami gosudarstvennoi vlasti RF i organami vlasti kraev, oblastei, gorodov Moskvy i Sankt-Peterburga Rossiiskoi Federatsii (Moskva, 31 marta 1992)* [The Treaty on the Delimitation of the Terms of Reference and Powers between the Federal State Authorities of the Russian Federation and the Authorities of the Territories, Regions, Cities of Moscow and St. Petersburg of the Russian Federation (Moscow, March 31, 1992)].

18. Dzidzoev V.D. *Natsional'nye otnosheniya na Kavkaze* [National Relations in the Caucasus]. 3rd ed. Vladikavkaz, 2000, p. 169.

СЛУЖБА ОФИЦЕРОВ В РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ГВАРДИИ НАЧАЛА XX ВЕКА: СТАТУС, БЫТ, ДОСУГ

© 2017 г. П.Г. Култышев^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

SERVICE OF OFFICERS IN THE RUSSIAN IMPERIAL GUARD OF THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY: STATUS, LIFE, LEISURE

P.G. Kultyshev^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Култышев Павел Геннадьевич –
кандидат исторических наук,
старший преподаватель, кафедра истории России,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: halchard@mail.ru

Pavel G. Kultyshev -
Candidate of History,
Senior Lecturer, Department of History of Russia,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: halchard@mail.ru

Рассматривается положение офицеров Русской императорской гвардии в начале XX в. Русская императорская гвардия, созданная Петром I и продолжавшая численно расширяться в последующие двести лет, стала со временем не только элитой, эталоном русской армии, но и одной из опор самодержавия. Русская гвардия начала XX в. представляла собой элитную часть русской армии, наделённую самыми различными привилегиями и неформальными правилами, которые тем не менее были обязательны к исполнению. Одни привилегии способствовали более быстрому и успешному карьерному росту, а другие – выражались в особом и пристальном внимании властей к нуждам и чаяниям гвардейских офицеров. Неформальные правила и табу в определённой степени усложняли вопрос о вступлении в брак и являлись частью офицерских представлений о чести. Данные ограничения и степень ответственности, которая накладывалась самим статусом гвардейских полков, могли приводить к серьёзному психологическому напряжению среди офицеров гвардии. Одним из путей избавления от данного состояния были шумные праздники и возможность выйти за рамки дозволенного в период веселья. При этом привилегированный статус гвардии приводил и к обострению отношений между офицерами гвардейских и обычных армейских полков.

Ключевые слова: Русская императорская гвардия, статус, быт, досуг, начало XX века.

In this article, the position of the Russian imperial guard officers at the beginning of the 20th century is considered. The Russian imperial guard created by Peter I and continuing to extend in number, in the next two hundred years became not only elite, a standard of the Russian army, but also one of autocracy support. The Russian guard of the beginning of the 20th century represented the elite part of the Russian army allocated with the most various privileges and informal rules which, nevertheless, were obligatory to execution. Some privileges promoted more rapid and successful career development, and others – drew special and close attention of the authorities to needs and expectations of Guards officers. Informal rules and a taboo to some extent complicated the issue of marriage and were a part of officer's ideas of honor. These restrictions and degree of responsibility which were imposed by the status of Guards regiments could lead to serious psychological tension among officers of the guard. Noisy holidays and an opportunity to be beyond permitted in the period of fun were one of ways of disposal of that state. At the same time, the exclusive status of guard led also to straining of relations between officers of Guards and usual army regiments.

Keywords: Russian imperial guard, status, life, leisure, beginning of the 20th century.

Русская армия начала XX в. не была однородным и монолитным организмом. В соответствии с самыми различными критериями русская армия делилась по родам и видам войск. Внутри отдельных родов войск существовала

взаимная конкуренция, иногда переходящая из здорового духа состязательности в резкое чувство взаимного антагонизма и зависти. Офицерский состав начала XX в. ускоренными темпами терял свою замкнутую корпоративность, а

среди офицеров на младшем уровне начинали доминировать выходцы из мещан и интеллигенции. Данное обстоятельство накладывало дополнительный отпечаток, усугублявший уже социальные и политические предпочтения внутри офицерского корпуса и армии в целом. Но наиболее серьёзные различия внутри русской армии проходили между гвардейскими и обычными армейскими полками.

К началу XX в. Русская армия насчитывала более 30 полков лейб-гвардии, которые были расквартированы в Санкт-Петербурге и его окрестностях, Москве и Варшаве. Социальный состав гвардейских полков отражал сословную структуру российского общества. На 91,8 % офицерский корпус русской гвардии состоял из дворян [1, с. 34]. Однако в начале XX в. в русской гвардии, как и во всей армии в целом, стало проявляться постепенное проникновение выходцев из иных сословий, которые благодаря своему финансовому состоянию могли себе позволить службу в гвардейских полках. Данное явление не осталось без последствий. «Это проникновение недворянского элемента в гвардию вызвало в определенной части гвардейского “родового” офицерства оппозиционное... настроение. В гвардии шло своеобразное “классовое” расслоение. Оно сказывалось и внутри полков, и в междуполковых отношениях: при внешней чрезвычайной корректности отношения эти... достигали в отдельных случаях большой остроты» [2, с. 18]. Но если в обычных полках этот процесс был необратимым, то для гвардии проникновение представителей мещанства, купечества, буржуазии и интеллигенции было затруднено весьма немаловажным фактором: для поступления в состав полка требовалось не только соответствующее образование и финансовый достаток, но и одобрение кандидатуры молодого офицера всем офицерским собранием полка. И в иных случаях офицеры могли воспротивиться и выказать своё нежелание принимать в свой круг того или иного офицера. Благодаря этому и другим обстоятельствам офицерский состав гвардии всё же сохранял свою социальную монолитность и некоторую замкнутость. Рядовой же состав набирался исключительно из крестьян славянской внешности; процент протестантов, католиков и мусульман был крайне низок. Недопустимым был призыв лиц иудейского вероисповедания [1, с. 34]. Выбрав дворянско-крестьянский принцип комплектования гвардии, командование и власти исходили, по-видимому, из того, что

оба сословия являются искренними приверженцами монархического строя и могут служить ему верной опорой ещё долгие годы.

Служба в армейских и гвардейских частях имела множество различий, а привилегии гвардейских офицеров нередко служили своеобразным яблоком раздора среди офицеров русской армии. Главным камнем преткновения среди армейских и гвардейских офицеров были особенности чинопроизводства. Звание подпоручика в гвардии приравнивалось армейскому поручику, поручика – штабс-капитану, штабс-капитана – капитану. В случае же перевода гвардейского офицера в обычный армейский полк ему присваивался следующий чин. В силу того, что в гвардии не было чина «подполковника» переводившиеся в армейские части гвардейские офицеры сразу же получали чин полковника. В общем и целом карьерная лестница гвардейских офицеров была более короткой и более стремительной: уже на 19-м году службы гвардейский офицер мог стать полковником, в то время как в армейских частях необходимо было пройти путь в 29 лет [3, с. 31]. Более того, рознь между армейским и гвардейским офицерством пролегалась и на уровне материального обеспечения частей и внимания властей к отдельным полкам. Каждый гвардейский полк имел официально покровителя – шефа, которыми обычно были члены императорской фамилии. На их средства, поступавшие из государственной казны, строились богато украшенные здания офицерского собрания, а отличившиеся офицеры могли рассчитывать на прибавку к жалованию. Так, благодаря шефской помощи императрицы Марии Фёдоровны в расположении лейб-гвардии Кирасирского полка были выделены значительные земельные площади под постройку нового лазарета и здания офицерского собрания [4, с. 39]. Более того, в гвардейские полки попадали лишь избранные офицеры, заранее позаботившиеся не только об отличных баллах при выпуске из военного училища, но и о необходимых связях. Помимо всего прочего, гвардейские полки были частыми участниками всевозможных церемоний и торжественных мероприятий с участием царя, его родственников и представителей зарубежных делегаций. Офицеры, поступившие в гвардию, делали более успешную и быструю карьеру, чему в немалой степени способствовала не только специфика чинопроизводства, но и многочисленные знакомства, как правило, зарождавшиеся на светских балах и пышных манёврах. Всё это позволяло

гвардейским офицерам смотреть на остальных собратьев по оружию свысока.

Весьма неприятным было положение армейских офицеров, переведённых в гвардию. Так, Н. Воронович офицер лейб-гвардии Преображенского полка, описывая отношение старших полковых офицеров к командиру полка генералу Лопухину, останавливается на следующем: «Генерал Лопухин (...) являлся первым и единственным командиром гвардейского полка, не служившим ранее в гвардии. Поэтому старшие гвардейские офицеры относились к нему с некоторым пренебрежением, считая его “выслужившимся армейцем”» [5, с. 46–47]. По мнению В.С. Трубецкого, только «в гвардейской конно-артиллерии совершенно отсутствовала та полковая чванливость и снобизм, который был так присущ гвардейским частям» [6, с. 145]. Отмечая эти особенности, А.И. Деникин писал, что гвардия «составляла замкнутую касту» внутри всей армии [7, с. 320]. Но и внутри этой «касты» имелись свои предпочтения и свои соперники. Так, по словам Ю.В. Макарова, отношений «между полками гвардии в сущности не было никаких. Каждый полк жил своей замкнутой жизнью» [8]. При этом были «полки, между которыми наблюдалось соперничество и даже некоторая натянутость отношений» [8]. Подобная рознь распространялась не только по вертикали (между полками), но и по горизонтали (по родам оружия) [7, с. 323–324]. Данная проблема обсуждалась в военной печати вплоть до самого начала Первой мировой войны [9], а эмигрировавшие офицеры русской армии посвятили ей ни одну страницу своих мемуаров. В мирное время разница в положении офицеров армейских и гвардейских полков оставалась причиной взаимной неприязни и была хорошо известна выпускникам военных училищ.

О коренных различиях гвардейских и армейских полков молодые офицеры были хорошо осведомлены ещё в период своего обучения в военных училищах. Поступление в тот или иной полк зависело от набранных в училище баллов. Но и выпускники элитных военных училищ также обязаны были пройти процедуру знакомства с офицерами своего будущего полка. «Это положение не обуславливалось каким-либо законом, – подчёркивает в своих мемуарах М.А. Свечин, – но давно вошло в обычай и поступление в полк, минуя желания его офицеров, ставило нарушителя в невозможное положение служения среди не сочувствующих ему. А потому едва ли

кто-либо мог решиться на подобный шаг» [4, с. 18]. Более того, при выборе полка юнкер вынужден был считаться и с чисто материальными условностями, часто имевшими финансовую подоплёку. Иными словами, чем выше был авторитет полка (который обычно измерялся его возрастом и количеством военных кампаний) и престижной стоянкой (обычно Москва, Санкт-Петербург или Варшава), тем и дороже была жизнь офицеров. Так, в совместной работе группы офицеров уточнялось, что «при выходе из военного училища, а потом при переводах из части в часть каждый должен был считаться с наличием “дорогих стоянок”» [10, с. 146] и существовавших в них финансовых обязательствах офицеров. Например, во многих полках русской армии существовали не только официальные, но и не официальные выплаты офицеров из личных средств. Подобный список мог включать в себя такие пункты, как обязательный подарок сослуживцу при его уходе из полка, угощение высоких гостей и иностранных делегаций, устройство торжественных обедов или ужинов в честь самых разнообразных праздников [10, с. 145–146]. При этом количество военно-исторических и религиозных праздников, отмечаемых в армии в 1908 г., достигло 214 дней [11].

В соответствии с неформальными правилами, гвардейские офицеры обязаны были посещать только «приемлемые» рестораны, славившиеся хорошей кухней и высоким обслуживанием. Однако в таких ресторанах бутылка недорого вина – обязательного атрибута на офицерском столе – могла стоить около 12 рублей. Жалование гвардейского офицера составляло в среднем около 100 рублей, а неизбежные расходы порой превышали эту цифру в 10, а то и более раз. Например, служба в кирасирских полках 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии могла обойтись офицеру в сумму не менее чем в 3000 рублей в год [12, с. 108]. В лейб-гвардии Гусарском полку, затраты офицера на соответствующую его статусу жизнь, могли достичь цифры и 6000 рублей в год [12, с. 108]. В итоге расходы в гвардейских полках были для молодых офицеров настолько велики, что зачастую превышали офицерское жалование в несколько раз и заставляли идти по пути бесконечных займов или до минимума урезать собственные нужды.

Более трудным было финансовое положение молодых женатых офицеров. Расходы на семью и посещение вновь обретенных родственников с обязательными подарками также вычерпывали

небольшое офицерское жалование до последней капли. Примечательно, но выбор жены был для молодого офицера поступком крайне серьёзным и непростым. Она должна была принадлежать к привилегированным слоям населения и иметь незапятнанную репутацию. Очень строго, по словам А.И. Деникина, «относились к неравным бракам в войсках гвардии, где офицерам по этой причине приходилось нередко оставлять полк» [7, с. 317], после чего следовал переход в армейскую часть. Однако выбор невесты из соответствующего гвардейскому полку социального слоя также мог обернуться для молодого офицера дополнительными статьями расхода. Всё это приводило к тому, что от офицерского жалования фактически ничего не оставалось.

Вместе с тем в офицерской среде очень строго следили за теми, кто не мог обеспечить себе подобный уровень жизни и был вынужден занимать крупные суммы денег, не возвращая их в срок. Офицер, не рассчитавший свои финансовые возможности, должен был, по словам М.А. Свечина, «быстро покинуть полк» [4, с. 18]. Зная о подобных трудностях, старшие полковники (чаще всего совмещавшие должности председателя «общего собрания» и «суда чести») напутствовали вновь поступивших офицеров, соблюдая строгую конфиденциальность данной беседы [6, с. 176–177]. Но с должниками гвардия прощалась без сожаления. Ю.В. Макаров позже вспоминал: «... если долг был не погашен, происходила экзекуция. Офицер снимал форму, долг его раскладывался на всех, а имя его попадало в “чёрную книгу”» [8]. Впрочем, офицеры попадали в «чёрную книгу» не только за долги, но и за иные, не совместимые со званием гвардейского офицера поступки. В этом случае имя провинившегося офицера бесследно пропадало со всех мест, где оно могло фигурировать: стиралось с полкового серебра и удалялось со всех памятных табличек [8]. Дальнейшая служба такого офицера протекала в полках обычной армии, куда его переводили в качестве наказания.

Частью досуга офицеров гвардии были самые различные праздничные мероприятия. Почти каждый праздник предполагал не только парад полка и приглашение гостей, но и щедрый стол с подарками. Чаще всего под аккомпанемент полкового оркестра офицеры отмечали праздники в офицерском собрании, но по отдельным случаям собирались и в местных ресторанах. Крупные города в подобные дни находились в полном распорядке столичных офицеров, а их поведение

в городе определялось тем правилом, которое можно свести к следующей формулировке: избранность порождает безнаказанность. Авторство этой формулы принадлежит офицеру В. Литтауэру [13, с. 103]. В своих воспоминаниях он пишет, что «только наш брат офицер может давать оценку нашим действиям» [13, с. 45]. Некоторые рестораны были настолько популярны у столичных офицеров, а их пребывание всегда обещало крупные заказы и не менее крупные чаевые, что в качестве музыкального фона при их появлении обязательно выступал марш их родного полка [8; 13, с. 93]. Не редки в среде офицеров были и частные вечеринки. Местом общего сбора становился крупный особняк (или съёмная квартира) одного из офицеров. Собравшиеся готовили «ожжёнку, стреляли из пистолетов, опробовали новые винтовки» [13, с. 101]. У В.С. Трубецкого можно обнаружить массу ярких и колоритных описаний того, как офицеры отмечали тот или иной праздник [6, с. 71]. В завершении одного из них, автор замечает, что по окончании пиршества, которое продолжалось весь день «во всем расположении полка нельзя было найти ни единого трезвого кирасира» [6, с. 127]. Работа в лагерях и полевые смотры также являлись дополнительным поводом к подобному времяпрепровождению. Побывав не раз на подобных учениях, Ю.В. Макаров писал: «Смотры, как общее правило, сходили отлично, после чего начальство приглашалось в Собрание, зимой к завтраку, летом в лагерях к обеду. Завтраки и обеды, которые и так были хороши, увеличивались еще на одно блюдо, ставилась богатейшая горячая закуска и выкатывалось море вина. (...) Высоких гостей считалось обязательным хорошенько подпоить» [8]. Такое же описание лагерных учений имеется и в мемуарах В.С. Трубецкого, когда автору воспоминаний пришлось прятать опьяневшего товарища от внезапного появления старшего офицера [6, с. 89–91]. Завершая описание очередных учений, Ю.В. Макаров с сожалением замечает, что такие смотры иначе как пьянством не назовёшь [8]. А и как могло быть иначе, когда водка изготавливалась «своими средствами» в офицерском собрании, а легкое французское вино выписывалось из Франции бочками [8].

Однако помимо дорогих ресторанов и шумных компаний другим средством развлечения столичных офицеров были театры и светские балы. Поход в театр или на балет требовал от офицера не только изрядных затрат на извозчика, поправку формы, но и на билеты – гвардейский

офицер на смел сидеть далее пятого ряда [8], а если он шёл один, то обязан был занимать кресла только в первых рядах [13, с. 81]. Аналогичные правила существовали и для нижних чинов гвардии. Был составлен список театров, посещение которых не воспрещалось, сидеть в них полагалось по-особенному: не ниже 2-го яруса и не ближе 10-го ряда [14, л. 631]. Подобное времяпрепровождение в начале XX в. требовало от молодых офицеров, расквартированных в Москве или в Санкт-Петербурге, и соответствующего финансового обеспечения. При этом в офицерской среде не приветствовалась скупость на чаевые и на угощение для полковых товарищей.

Таким образом, в бытовом плане офицерская служба в гвардейских полках представляла собой весьма мозаичное полотно. С одной стороны офицеры гвардии были наделены разнообразными привилегиями, которые всячески способствовали и более быстрому карьерному росту и поднимали авторитет офицеров гвардии на большую высоту. Более того, гвардейские офицеры были близки к великосветской жизни и не обойдены вниманием со стороны особ императорской крови и военного министерства. Данные факторы создавали вокруг гвардии ореол избранности, что в свою очередь противопоставляло её обычным армейским полкам. Но с другой стороны, жизнь армейского офицера была наполнена различными неформальными правилами и табу, которые ограничивали его не только в финансовом плане, но и создавали серьёзные преграды как в устройстве личной жизни, так в решении иных вопросов. При этом офицеры гвардии славились высокомерием и умением устраивать пышные праздники и парады. Привилегированный статус гвардии служил одновременно эталоном для всей русской армии и объектом некоторой зависти со стороны офицеров армейских полков. Но, как показал ход истории, если рознь среди офицеров и была изжита в условиях Первой мировой войны, то та же война привела к тому, что гвардия под занавес февраля 1917 г. уже перестала быть верной опорой самодержавию и одной из первых выступила на стороне Революции.

Литература

1. Тихомиров А.В., Чанкевич Е.И. Русская гвардия в Первой мировой войне // Вопросы истории. 2000. № 9. С. 32–51.

2. Масловский С. Отрывки о пятом годе // Каторга и ссылка. 1928. № 2 (39). С. 7–36.

3. Залесский, полковник. Немного статистики // Разведчик. 1906. № 794–795.

4. Свечин М.А. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964. 212 с.

5. Воронович Н. Всевидящее око. Из быта русской армии. Нью-Йорк, 1951.

6. Трубецкой В.С. Записки кирасира. М.: Россия, 1991. 222 с.

7. Деникин А.И. Старая армия. Офицеры. М.: Айрис-пресс, 2005. 512 с.

8. Макаров Ю.В. Служба в Старой Гвардии. 1905–1917. Буэнос-Айрес, 1951. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/makarov_uv/03.html (дата обращения: 25.05.2017).

9. Галкин М. Рознь или братство // Военный сборник. 1914. № 5. С. 21–34.

10. Месснер Е., Вакар С., Вербицкий Ф., Гранитов В., Каширин С., Петрашкевич А., Рожченко М., Цешке В., Шайдицкий В., Эйхенбаум И. Российские офицеры // Офицерский корпус Русской армии. Опыт самопознания. Российский военный сборник. М., 2000. С. 127–153.

11. Вапилин Е.Г. «Все беды в России от праздников?» // Военно-исторический журнал. 2003. № 2. С. 70–73.

12. Марыняк С. Погибнуть или победить. Быт и традиции Российской Императорской Гвардии // Родина. 2000. № 11. С. 108–114.

13. Литтауэр В. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911–1920. М., 2006. 304 с.

14. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 817. Оп. 1. Д. 157-А.

References

1. Tikhomirov A.V., Chapkevich E.I. Russkaya gvardiya v Pervoi mirovoi voine [Russian Guard in the First World War]. *Voprosy istorii*. 2000, No. 9, pp. 32-51.

2. Maslovskii S. Otryvki o pyatom gode [Fragments about the Fifth Year]. *Katorga i ssylka*. 1928, No. 2 (39), pp. 7-36.

3. Zalesskii, polkovnik. Nemnogo statistiki [Some Statistics]. *Razvedchik*. 1906, No. 794-795.

4. Svechin M.A. *Zapiski starogo generala o bylom* [Notes of the Old General about the Past]. Nice, 1964, 212 p.

5. Voronovich N. *Vsevidyashchee oko. Iz byta russkoi armii* [All-Seeing Eye. From the Life of the Russian Army]. New York, 1951.

6. Trubetskoi V.S. *Zapiski kirasira* [Notes of a Cuirassier]. Moscow: Rossia, 1991, 222 p.
7. Denikin A.I. *Staraya armiya. Ofitsery* [The Old Army. Officers]. Moscow: Airis-press, 2005, 512 p.
8. Makarov Yu.V. *Sluzhba v Staroi Gvardii. 1905-1917* [Service in the Old Guard 1905 - 1917]. Buenos Aires, 1951. Available at: http://militera.lib.ru/memo/russian/makarov_uv/03.html (accessed 25.05.2017).
9. Galkin M. Rozn' ili bratstvo [Contradictions or Brotherhood]. *Voennyi sbornik*. 1914, No. 5, pp. 21-34.
10. Messner E., Vakar S., Verbitskii F., Granitov V., Kashirin S., Petrashkevich A., Rozhchenko M., Tseshke V., Shaiditskii V., Eikhenbaum I. Rossiiskie ofitsery [Russian officers]. *Ofiterskii korpus Russkoi armii. Opyt samopoznaniya* [Officers Corps of the Russian Army. Experience of Self-knowledge]. Russian military collection. Moscow, 2000, pp. 127-153.
11. Vapilin E.G. «Vse bedy v Rossii ot prazdnikov?» [“All the Troubles in Russia from the Holidays?”]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 2003, No. 2, pp. 70-73.
12. Marynyak S. Pogibnut' ili pobedit'. Byt i traditsii Rossiiskoi Imperatorskoi Gvardii [To Perish or to Win. Life and Traditions of the Russian Imperial Guard]. *Rodina*. 2000, No. 11, pp. 108-114.
13. Littauer V. *Russkie gusary. Memuary ofitsera imperatorskoi kavalerii. 1911-1920* [Russian Hussars. Memoirs of an Officer of the Imperial Cavalry. 1911-1920]. Moscow, 2006, 304 p.
14. *Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti (GARO)* [The State Archives of the Rostov Region]. Fund. 817. In. 1. File 157-A.

Поступила в редакцию / Received

22 мая 2017 г. / May 22, 2017

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БУДДИЙСКИХ ПРОПОВЕДНИКОВ В КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ И ЕЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РОССИЙСКИМ ГОСУДАРСТВОМ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА*

© 2017 г. А.А. Курапов^а

^а Астраханский музей-заповедник, Астрахань, Россия

ACTIVITY OF BUDDHIST PREACHERS IN THE KALMYK STEPPE OF ASTRAKHAN GUBERNIA AND ITS REGULATION BY THE RUSSIAN STATE AT THE END OF THE XIX - BEGINNING OF THE XX CENTURIES

А.А. Курапов^а

^а Astrakhan Museum-Reserve, Astrakhan, Russia

Курапов Андрей Алексеевич –
кандидат исторических наук, доцент,
заместитель директора по науке и экспозициям,
Астраханский музей-заповедник,
ул. Советская, 15, г. Астрахань, 414000, Россия.
E-mail: Akurapov78@rambler.ru

Andrey A. Kurapov -
Candidate of History, Associate Professor,
Deputy Director of Science and Expositions,
Astrakhan Museum-Reserve,
Sovetskaya St., 15, Astrakhan, 414000, Russia.
E-mail: Akurapov78@rambler.ru

Рассматривается регулирование проповеднической деятельности буддийского духовенства в Калмыцкой степи Астраханской губернии в конце XIX – начале XX в. региональными властями. Активизация контактов калмыцких буддистов с бурятскими, монгольскими и тибетскими единоверцами стала следствием подъема национального самосознания калмыцкого народа. Астраханские губернаторы (М.А. Газенкамф, Б.Л. Громбчевский, И.Н. Соколовский) на основании действовавшего законодательства по управлению Калмыцкой степью стремились нейтрализовать влияние буддийских проповедников на калмыцкий народ. Ограничительная политика астраханских губернаторов не помешала открытию в Калмыцкой степи высших буддийских конфессиональных школ в 1907–1908 гг.

Ключевые слова: Астраханская губерния, Калмыцкая степь, астраханские губернаторы, буддийская церковь, буддийское духовенство, буддийские монастыри, миссионерская деятельность, паломничество, конфессиональные школы.

The article deals with the regulation of the preaching activity of the Buddhist clergy in the Kalmyk steppe of the Astrakhan province in the late XIX - early XX centuries by the regional authorities. The activation of contacts between Kalmyk Buddhists and Buryat, Mongolian and Tibetan co-religionists was the result of the rise of the national self-consciousness of the Kalmyk people. The Astrakhan governors (M.A. Gazenkampf, B.L. Grombchevsky, I.N. Sokolovsky), on the basis of the effective legislation governing the Kalmyk steppe, aspired to neutralize the influence of Buddhist preachers on the Kalmyk people. The restrictive policy of the Astrakhan governors did not prevent the opening of the highest Buddhist confessional schools in the Kalmyk steppe in 1907 - 1908.

Keywords: Astrakhan province, Kalmyk steppe, Astrakhan governors, Buddhist church, Buddhist clergy, Buddhist monasteries, missionary activity, pilgrimage, confessional schools.

Значительной административно-территориальной частью Астраханской губернии в XVIII – начале XX в. являлась Калмыцкая степь, сформированная после гибели Калмыцкого ханства в

1771 г. В XIX в. статус и подчиненность Калмыцкой степи менялись в ходе административных реформ правительства. Законодательным актом, регулировавшим управление Калмыцкой степью

* Работа выполнена по гранту РФФИ (Отделение по гуманитарным и общественным наукам) проект № 15-31-01007 «Аккультурация нерусских: имперские проекты и повседневная практика (на примере астраханских калмыков)» (The research is conducted with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (Department for Humanitarian and Social Sciences) project No. 15-31-01007 “Acculturation of non-Russians: imperial projects and all-day practice (by the example of Astrakhan Kalmyks)”.

вплоть до 1917 г., являлось «Положение об управлении калмыцким народом» от 23 апреля 1847 г. Согласно ему, управление Калмыцкой степью переходило из ведомства МВД в ведомство Министерства государственных имуществ (МГИ), непосредственное управление Калмыцкой степью было передано управляющему Астраханской палатой государственных имуществ (Главному попечителю калмыцкого народа), подчинявшемуся МГИ и астраханскому губернатору [1, с. 357]. Важнейшим направлением политики Российского правительства в Калмыцкой степи являлось регулирование деятельности многочисленной буддийской церкви приволжских калмыков. Законодательство 1847 г. предоставляло калмыкам свободу вероисповедания, буддийское духовенство признавалось привилегированным сословием калмыцкого общества, решение суда, предполагавшее наказание калмыцкого первосвященника, вступало в силу после представления в Правительствующий Сенат [1, с. 350–351]. В европейской части Российской империи Астраханская губерния была единственным регионом, значительная часть населения которого традиционно исповедовала буддизм. По данным переписи 1898 г., в Астраханской губернии проживало 136 980 буддистов, составлявших 13, 65 % от всего населения губернии [2, с. 8]. В этой связи губернские власти уделяли значительное внимание внутренней жизни буддийской церкви приволжских калмыков, избегая активизации ограничительной политики, поддерживая миссионерскую деятельность Русской православной церкви, стремясь ограничить активизацию контактов калмыцких буддистов с единоверцами из Забайкалья, Китая и Тибета. Законодательство 1847 г. ограничивало въезд в калмыцкие улусы посторонним лицам, это положение помогало властям регламентировать в том числе и религиозные контакты приволжских калмыков. По законодательству «лица постороннего ведомства», желавшие посетить Калмыцкую степь, должны были получить документ из Астраханской палаты государственных имуществ, дающий право на пребывание в калмыцких улусах [1, с. 356].

Исследователи отмечают активизацию буддийской церкви приволжских калмыков в конце XIX – начале XX в. Н.М. Когаева объясняет увеличение численности буддийского духовенства Калмыцкой степи активизацией общественно-экономического развития калмыцких улусов и национальным подъемом [3, с. 361]. Г.Ш. Доржиева считает, что калмыцкое национальное

движение конца XIX – начала XX в. поставило ряд важных вопросов, в том числе и необходимость ограничений в области религии и просвещения [4, с. 119].

Активизация жизни буддийской церкви Калмыцкой степи, интенсификация буддийского паломничества в конце XIX в. создают условия для восстановления связей с бурятскими, монгольскими и тибетскими единоверцами. Клерикальная элита буддийских центров Китая и Тибета активизирует взаимодействие с буддийской церковью Калмыцкой степи, направляя своих представителей к калмыцким буддистам в конце XIX – начале XX в. Подобный «буддийский ренессанс» в Калмыцкой степи не мог не настораживать губернские власти.

Значительный вклад в развитие российского буддизма внес Агван-Лубсан Доржиев (1853 – 1938 гг.). Выдающийся бурятский религиозный деятель получил образование в тибетском монастыре Брайбун и стал наставником, советником и официальным представителем Далай-ламы XIII в России [5, с. 338]. А. Доржиев выступал за активизацию образовательной деятельности в буддийских монастырских центрах России, за реформирование монастырской системы. Он неоднократно посещал улусы Калмыцкой степи. Его первый визит в Калмыцкую степь состоялся в 1898 г., в ходе которого лама посетил Дундухурул Малодербетовского улуса. Губернские власти, вынужденные пропускать в калмыцкие улусы А. Доржиева, имевшего высокий дипломатический статус, критически относились к его деятельности.

Астраханский губернатор М.А. Газенкампф следующим образом отреагировал на приезд в Калмыцкую степь Астраханской губернии А. Доржиева: «...единственной целью приезда этих лиц служит грубая эксплуатация религиозных чувств калмыков, вымогание денег за разные священные, в глазах ламаитов, предметы и вещи, сбор на ламайские хурулы» [6, л. 3]. Чтобы ограничить доступ в Калмыцкую степь буддийских проповедников, в апреле 1898 г. астраханский губернатор обратился в Министерство земледелия и государственных имуществ, курировавшее Калмыцкую степь, с просьбой об ограничении поездок буддийских миссионеров к приволжским калмыкам. М.А. Газенкампф просил «...чтобы из Забайкальской области и других местностей империи, где имеется ламаистское духовенство, не выдавать увольнительные свидетельства и паспорта для поездки в Калмыцкую

степь» [6, л. 3 об.]. В сентябре 1898 г. в редакции газеты «Гражданин» астраханский губернатор вновь высказывался о буддийском миссионерстве в калмыцких улусах. М.А. Газенкампф отмечал: «Считаю своим долгом заявить, что посещение Калмыцкой степи лицами, являющимися для поборов с калмыков и крепления их в религиозном фанатизме, парализующим всякое стремление этого народа к всестороннему развитию и просвещению православием, и впредь мною не будет допускаться» [6, л. 7 об.].

Во второй раз А. Доржиев посетил калмыцких единоверцев уже в 1902 г. побывав в Дундухуруле Малодербетовского улуса, хурулах Талтанкинова рода, Багацохуровского, Икицохуровского, Харахусовского, Эрдниевского улусов (Бакшинов, Эмчинов, Яргачи и др.). В своих обращениях к прихожанам лама открыто возмущался непониманием большинством калмыцкого духовенства буддизма [6, л. 12 об.]. О духовенстве Александровского улуса он отзывался с особой резкостью, отмечая распущенность нравов монашеской общины [6, л. 13].

Астраханская пресса критически отреагировала на визит А. Доржиева и активизацию религиозной жизни в Калмыцкой степи. В газете «Астраханский листок» в феврале 1902 г. была опубликована заметка «Из Калмыцкой степи», в которой описывалось пребывание ламы в калмыцких улусах.

В ней говорилось, что «...23 января 1902 г. в Икицохуровский улус из Малодербетовского Дунда-хурула прибыл тибетский лама Агва-Хамбо Доржиев. Побывал он в трех местных хурулах: Багшин новом, Эмчиновом, Яргчинова рода. Стекались к нему поклонники-калмыки. Пожертвования обильно текли к нему со всех сторон» [7, с. 3]. Описывались богатые подношения калмыков-простолудинов тибетскому ламе. Автор приводил сведения о сборе А. Доржиевым в предыдущий приезд подношений на 20 тыс. рублей золотом и задавался вопросом, «...не грубая ли это эксплуатация темного народа на религиозной почве» [7, с. 3].

Интересно, что сам А. Доржиев оперативно познакомился с содержанием статьи, адекватно оценив ее. Астраханские чиновники сообщали губернатору М.А. Газенкампфу о реакции ламы, который заявил: «...все это неправда и он будет судиться с тем, кто эту заметку написал» [6, л. 21].

В Икицохуровском улусе Калмыцкой степи к А. Доржиеву заведующим улусом В. Шмаковым была приставлена стража. В ответ на давление со

стороны властей улуса А. Доржиев отправляет жалобы центральным и региональным властям. Приведем текст письма на имя астраханского губернатора М.А. Газенкампфа, являющимся для конца XIX – начала XX в. редким образцом обращения представителя элиты буддийского духовенства к астраханскому губернатору: «Ваше Превосходительство милостивый государь Михаил Александрович. Как Вам известно, я провел некоторое время в Калмыцкой степи Астраханской губернии с Высочайшего соизволения и особого разрешения г. Министра Ермолова. Вследствие телеграммы его Высокопревосходительства я был встречен весьма любезно со стороны местного начальства, кроме одного недоразумения в Икицохуровском улусе, о котором я считаю долгом довести до сведения Вашего Превосходительства, как непосредственного начальника. Вскоре по моему прибытию в означенный улус я получил повестку от заведующего улусом господина Шмакова с приглашением “сегодня же” явиться к нему. Не сознавая за собой ровно никакой вины, я, разумеется, не поехал к нему. Тогда он с двумя вооруженными стражниками ворвался в дом, где я помещался, и после грубого разговора со мной уехал, приказав стражникам безотлучно, посменно находиться при мне. Если г. Шмаков находил какие-либо неправильности в моих поступках он мог бы избрать какой-либо другой способ действий, а не ставить меня в такое щекотливое положение. При сем прилагаю полученную мной повестку и представляю на Ваше благоусмотрение этот неприятный случай со мной.

Примите Ваше Превосходительство уверение в моем совершенном к Вам уважении и истинной преданности. Ваш покорный слуга, состоящий при Далай-ламе в Тибете, Агван Доржиев, Москва 22 марта 1902 г.» [6, л. 23 – 23 об.].

К своему обращению к астраханскому губернатору М.А. Газенкампфу А. Доржиев приложил повестку от заведующего Икицохуровским улусом В. Шмакова: «Советнику Далай-ламинского двора Агвану-хамбо. Повестка. Заведующий Икицохуровским улусом приглашает Вас в ставку улуса сегодня же по делу до Вас лично касающегося. И.Д. зав. улусом В. Шмаков» [6, л. 24].

Б.А. Шантаев отмечает значительный авторитет, которым пользовался А. Доржиев в среде калмыцкой аристократии и простолудинов. Его деятельность способствовала распространению буддийского образования среди населения Калмыцкой степи в начале XX в. [8, с. 42].

Кроме посещения Калмыцкой степи делегации А. Доржиева российские чиновники в своих отчетах отмечали пребывание в калмыцких улусах в рассматриваемый период еще нескольких буддийских священнослужителей. Так, попечитель Эркетеневого улуса в своем рапорте главному попечителю М.И. Овечкину сообщал о пребывании в Яндыко-Мочажном улусе тибетского ламы Чойджим-Лубзан Дорджи в августе 1902 г. [6, л. 30].

Несмотря на жесткую регламентацию взаимодействия калмыцких буддистов с единоверцами, возможность посещения миссионерами калмыцких улусов сохранялась. В мае 1903 г. соответствующее разрешение получил монгольский Дорджи-лама. Директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий А.Н. Мосолов телеграммой от 27 мая 1905 г. сообщал астраханскому губернатору Б.Л. Громбчевскому, что министр внутренних дел В.К. Плеве признал возможным разрешить прибывшему из Монголии Дорджи-ламе прибывать в Александровском улусе Калмыцкой степи Астраханской области до 15 июня 1903 г. [9, л. 53]. В этой связи Управление калмыцкого народа предписывало управляющему Александровским улусом допустить в улус ламу без сопровождающих, о которых не упоминалось в директиве А.Н. Мосолова [9, л. 53].

Издание указа «об укреплении начал веротерпимости» (17 апреля 1905 г.), манифеста 17 октября 1905 г. формируют новую конфессиональную политику Российской империи, в том числе и в отношении буддийской церкви приволжских калмыков.

После 1905 г. отмечается начало политики уступок буддийской церкви калмыков со стороны региональных властей. Н.М. Когаева приводит сведения об открытии новых хурулов, трансформации малых хурулов в большие в ряде улусов Калмыцкой степи [3, с. 362].

Визиты в Калмыцкую степь буддийских проповедников продолжались и после 1905 г. Несмотря на смягчение конфессиональной политики Российской империи по отношению к неправославным вероисповеданиям, губернские власти стремились использовать любые возможности для запрета посещения калмыцких улусов буддийскими проповедниками.

Православный журнал «Астраханские епархиальные ведомости» посвятил отдельную статью контактам А. Доржиева с калмыцкими единоверцами и последствиям этого взаимодействия

для Калмыцкой степи. В ней приводились сведения об обращении Департамента духовных дел иностранных исповеданий в Управление калмыцким народом 12 декабря 1906 г. Департамент сообщал о ходатайстве А. Доржиева об открытии высшей буддийской школы в Малодербетовском улусе Калмыцкой степи [10, с. 700].

Отметим, что школы буддийской философии существовали в Калмыцкой степи с конца XIX в. Основание буддийских учебных заведений стало следствием активизации контактов калмыцких буддистов с иерархами Тибета, паломнических поездок и посещений тибетскими, бурятскими, монгольскими ламами калмыцких единоверцев. Калмыцкий священнослужитель Бааза-багши Менкеджуев открыл первую буддийскую школу Чойра именно после поездки в Тибет в конце XIX в. Школа была основана в родовом хуруле Бааза-багши в урочище Нугра Малодербетовского улуса и просуществовала до начала XX в. [11, с. 49; 12, с. 8].

Департамент обращался к астраханскому губернатору И.Н. Соколовскому для принятия решения о необходимости и возможности создания такой школы. «Астраханские епархиальные ведомости» сообщали, что главной целью поездок А. Доржиева в Калмыцкую степь был сбор пожертвований для строительства школы и поиск места для ее размещения [10, с. 700]. В 1907 г. в Икицохуровском улусе Калмыцкой степи началось строительство нового буддийского учебного заведения. Подводя итог анализу развития буддизма у приволжских калмыков в начале XX в., «Астраханские епархиальные ведомости» приходили к выводу о том, что «...мы стоим перед начинающимся умственным подъемом ламайского духовенства и стремлением его повысить умственный и нравственный уровень своей жизни...Опасность для дела православной миссии велика» [10, с. 702].

Отметим, что результат контактов А. Доржиева с калмыцкими буддистами негативно воспринимался не только губернскими властями и Русской православной церковью. Б.В. Очирова отмечает, что открытие высших конфессиональных школ Цанид Чойра в Малодербетовском и Икицохуровском улусах в 1907 – 1908 гг. не поддерживалось и автохтонным буддийским духовенством, видевшим в движении обновленчества, возглавляемым А. Доржиевым, угрозу для традиционного калмыцкого буддизма [11, с. 49].

В сентябре 1909 г. Управление калмыцким народом передало астраханскому губернатору

И.Н. Соколовскому просьбу шанзыб-ламы Амдоского монастыря Донзан Нимана о посещении Калмыцкой степи вместе с сопровождающими. Лама имел письмо от российского путешественника П.К. Козлова, сообщавшего о том, что священнослужитель оказал помощь в организации экспедиции Н.М. Пржевальского и Козлова к Ханбо-ламе [6, л. 74]. Несмотря на такую солидную поддержку, ламе Донзан Ниману решением губернатора И.Н. Соколовского был запрещен въезд в Астраханскую губернию [6, л. 74].

Для пресечения несанкционированных посещений калмыцких буддистов бурятскими, тибетскими и монгольскими единоверцами губернские власти обязывали светскую и клерикальную элиты Калмыцкой степи сообщать о появлении неизвестных духовных лиц в калмыцких улусах. За укрывательство и недонесение властям о подобных случаях губернатор И.Н. Соколовский в июне 1911 г. угрожал привлечь к ответственности духовенство и владельцев калмыцких улусов [6, л. 126].

В конце XIX – начале XX в. в Калмыцкой степи Астраханской губернии отмечается подъем национального движения и связанное с ним возрождение религиозной жизни. Активизируются контакты калмыцкого буддийского духовенства с единоверцами из Забайкалья, Китая, Тибета. Новым для региона явлением становится активизация проповеднической деятельности буддийских священнослужителей в калмыцких улусах, не имевшей широкого распространения в первой половине XIX в. Астраханские губернские власти стремились ограничить контакты буддийской церкви Калмыцкой степи с единоверцами, выступая за ограничение влияния буддийского духовенства на социально-политическую жизнь региона. Вместе с тем политические контакты правительства России с Тибетом, реформы 1905 г. создавали условия для интенсификации проповеднической деятельности буддийских миссионеров в Калмыцкой степи. Важнейшим результатом деятельности выдающегося религиозного деятеля А. Доржиева в Калмыцкой степи становится открытие высших буддийских конфессиональных школ Цанид Чойра в 1907 – 1908 гг.

Литература

1. Высочайше утвержденное Положение об управлении калмыцким народом // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1847. Т. 22. С. 349–373.

2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Астраханская губерния. Тетр. II. СПб., 1904. 167 с.

3. Кобаева Н.М. Политика российского правительства по отношению к буддийской церкви Калмыкии в начале XX в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 4. С. 361–365.

4. Дорджиева Г.Ш. Буддизм Калмыкии в вероисповедной политике Российского государства (середина XVII – начало XX в.). Элиста, 2012. 203 с.

5. История Бурятии. XVII – начало XX в. Улан-Удэ, 2011. Т. II. 624 с.

6. Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. И – 9. Оп.2. Д. 77.

7. Из Калмыцкой степи // Астраханский листок. 1902. № 38 (февр.).

8. Шантаев Б.А. Агван Доржиев и Калмыцкая степь (конец XIX – начало XX в.) // Буддийская культура: история, источниковедение, языковедение и искусство: Вторые Доржиевские чтения. СПб., 2008. С. 41–45.

9. НАРК. Ф. 22. Оп. 1. Д. 68.

10. Крупное явление последних 2-х – 3-х лет в жизни калмыцкого народа // Астраханские епархиальные ведомости. 1909. № 22. С. 699–702.

11. Очирова Б.В. Из истории высших буддийских философских академий «Чойра» в Калмыкии в первой трети XX в. // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2009. № 8. С. 48–55.

12. Бакаева Э. П. Репрессии против духовенства: о закрытии высшей конфессиональной школы Чойра в Калмыкии // Вестн. БНЦ СО РАН. 2013. № 4 (12). С. 7–14.

References

1. [Highest Approved Regulations on the Management of the Kalmyk People]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg, 1847, vol. 22, pp. 349-373.

2. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Astrakhanskaya guberniya* [The First General Census of the Russian Empire in 1897. Astrakhan Province]. Book II. Saint Petersburg, 1904, 167 p.

3. Kobaeva N.M. *Politika rossiiskogo pravitel'stva po otnosheniyu k buddiiskoi tserkvi Kalmykii v nachale XX v.* [The Policy of the Russian Government towards the Buddhist Church of Kalmykia at the Beginning of the 20th Century].

Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura. 2011, No. 4, pp. 361-365.

4. Dordzhieva G.Sh. *Buddizm Kalmykii v veroisповедnoi politike Rossiiskogo gosudarstva (seredina XVII - nachalo XX v.)* [Buddhism of Kalmykia in the Religious Policy of the Russian State (mid-17th - early 20th centuries)]. Elista, 2012, 203 p.

5. *Istoriya Buryatii. XVII - nachalo XX v.* [History of Buryatia. XVII - Early XX Centuries]. Ulan-Ude, 2011, vol. II, 624 p.

6. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya (NARK)* [The National Archives of the Republic of Kalmykia (NARK)]. Fund I-9. In. 2. File 77.

7. Iz Kalmytskoi stepi [From the Kalmyk steppe]. *Astrakhanskii listok.* 1902, No. 38 (Febr.).

8. Shantaev B.A. [Agvan Dorzhiev and the Kalmyk Steppe (late XIX - early XX century)]. *Buddiiskaya kul'tura: istoriya, istochnikovedenie, yazykoznanie i iskusstvo* [Buddhist Culture: History, Source Study, Linguistics and Art]. Second

Dorzhiev's Readings. Saint Petersburg, 2008, pp. 41-45.

9. NARK [NARK]. Fund 22. In. 1. File 68.

10. Krupnoe yavlenie poslednikh 2-kh - 3-kh let v zhizni kalmytskogo naroda [Major Phenomenon of the Last 2 - 3 Years in the Life of the Kalmyk People]. *Astrakhanskie eparkhial'nye vedomosti.* 1909, No. 22, pp. 699-702.

11. Ochirova B.V. Iz istorii vysshikh buddiiskikh filosofskikh akademii «Choir» v Kalmykii v pervoi treti XX v. [From the History of the Highest Buddhist Philosophical Academies of Choir in Kalmykia in the First Third of the 20th Century]. *Vestn. Buryat. gos. un-ta.* 2009, No. 8, pp. 48-55.

12. Bakaeva E.P. Repressii protiv dukhovenstva: o zakrytii vysshei konfessional'noi shkoly Choira v Kalmykii [Repressions Against the Clergy: the Closure of the Highest Confessional School Choir in Kalmykia]. *Vestn. BNTs SO RAN.* 2013, No. 4 (12), pp. 7-14.

Поступила в редакцию / Received

30 июня 2017 г. / June 30, 2017

ОБРАЗ МУСУЛЬМАНСКОГО ПРАВИТЕЛЯ В ФИЛОСОФСКИХ ТРУДАХ ВОЛЬТЕРА И МОНТЕСКЬЕ

© 2017 г. А.С. Мигаль ^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

THE IMAGE OF MUSLIM GOVERNOR IN PHILOSOPHICAL WRITINGS OF VOLTAIRE AND MONTESQUIEU

A.S. Migal ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Мигаль Анастасия Сергеевна –
ассистент, кафедра зарубежной истории
и международных отношений,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: Migal@sfedu.ru

Anastasia S. Migal -
Assistant, Department of Foreign History
and International Relations,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: Migal@sfedu.ru

Рассматриваются представления французских интеллектуалов Монтескье и Вольтера о мусульманских правителях в контексте общественно-политической мысли эпохи Просвещения. Анализируются основные стереотипы Монтескье об османских и персидских правителях, а также цели их формирования. Монтескье считал, что страны средневековой и современной ему Европы являлись наиболее приемлемыми в его понимании формами развития человеческого общества. Государства-деспотии, находившиеся на Востоке, по его мнению, были антиподами идеальным формам правления, а их правители-деспоты противопоставлены им просвещенным монархам. Иную точку зрения высказывал современник Монтескье – Вольтер. Он доказывал, что исторический процесс универсален, а деспотизм присущ не определенным странам, а скорее конкретным историческим личностям. Используя работы Вольтера, автор показывает, что образ шахов и султанов во французской просветительской мысли не всегда был исключительно негативным.

Ключевые слова: мусульманский правитель, просвещенный монарх, эпоха Просвещения, Вольтер, Монтескье, стереотипы.

The image of Muslim governor in philosophical writings of the French intellectuals Voltaire and Montesquieu are considered in the context of socio-political thought of the Enlightenment. The main stereotypes of Montesquieu about the Ottoman and Persian governors and also the reasons of creating of such misperceptions are analyzed. Montesquieu believed that the countries of medieval and contemporary Europe were the most acceptable forms of human society development in his understanding. The states of despotism located in the East, in his opinion, were antipodes to ideal forms of government, and their despotic rulers were contrasted by enlightened monarchs. The different point of view was expressed by a contemporary of Montesquieu - Voltaire. He argued that the historical process is universal, and despotism is not inherent in certain countries, but rather certain historical personalities. Using the writings of Voltaire, the author shows that the image of shahs and sultans in French enlightened thought was not solely negative.

Keywords: Muslim governor, enlightened monarch, the Enlightenment, Voltaire, Montesquieu, stereotypes.

Эпоха Просвещения являлась периодом активного развития европейской общественно-политической мысли. Философы-просветители рассуждали об исторических закономерностях и их влиянии на развитие конкретных стран, о роли, месте, правах и обязанностях гражданина и вместе с тем создавали свои идеальные модели общественного развития. Поскольку за предыдущие столетия, и в

особенности за время Великих географических открытий, был накоплен огромный массив информации о далеких от Европы стран, философы-просветители использовали новые данные для построения своих теорий. Информация, полученная из дневников путешественников и дипломатов, позволила им не только дополнить свои труды интересными и зачастую экзотическими сведениями, которые были

интересны читателю, но рассуждать об отличиях европейских стран от восточных и тем самым лучше осознать достоинства и недостатки политического развития этих регионов. Особое место в просветительских теориях отводилось правителям государств как центральным фигурам и одновременно символам всей политической системы.

Огромный вклад в разработку общественно-политической мысли внесли французские просветители Шарль Луи де Секонда, барон Ля Брэд и де Монтескье (1689–1755) и Франсуа Мари Аруэ Вольтер (1694–1778). Благодаря их работам европейские читатели получили как неизвестные им ранее сведения о восточных странах, так и некоторые стереотипы о них, существовавшие в предшествующие периоды. Цель данной статьи – проанализировать сложившиеся представления о восточных правителях и понять причины их формирования.

В своем знаменитом труде «О духе законов», опубликованном в 1748 г., Монтескье выделил три основных типа правления: республику, монархию и деспотию. Первые два типа были представлены в его теории примерами из истории античных государств Греции и Рима, а также стран средневековой и современной ему Европы и являлись в его понимании наиболее приемлемыми формами развития человеческого общества. Государства-деспотии в свою очередь находились на Востоке и являлись антиподами идеальным формам правления, а их правители-деспоты были противопоставлены просвещенным монархам.

По Монтескье, восточный деспот, будь то османский султан или персидский шах, как «человек, которому все сто пять чувств постоянно говорят, что он – все, а прочие люди – ничто, естественным образом ленив, невежествен, сластолюбив» [1, с. 25]. По этой причине такой правитель сам никогда не занимался делами государства, а перепоручал их визирю, наделив при этом его всей полнотой власти. Таковым, по мнению французского просветителя, правителя делало его непосредственное окружение, а также сама система воспитания и жизнь в гареме, начиная с самого раннего детства до последнего вздоха: «Когда из затвора, где евнухи расслабляли их ум и сердце, часто оставляя их даже в полном неведении об их сане, их извлекают для того, чтобы возвести на трон, они сначала бывают озадачены; но после того как они назначили визиря, удовлетворили свои необузданные страсти в серале да увидели, как легко выполняются

все самые бессмысленные их капризы раболепным двором, они тоже находят, что это так просто» [1, с. 26]. В стране, управляемой подобным правителем с неограниченной властью, единственным законом была его воля. Сами законы, как таковые в странах Востока отсутствовали и были одним из признаков деспотизма. В отличие от деспотий, основа республиканского правления, по Монтескье, заключалась в том, что там верховная власть принадлежала всему народу или определенным знатым семьям; монархического — в том, что властью там обладал государь, правивший в соответствии с установленными законами [1, с. 27].

Отсутствие эффективной правовой системы в целом и закона о престолонаследовании в частности превращало правителя в жестокого и беспощадного тирана, беспощадного не только к своим подданным, но и к членам правящей династии: «Так как все члены семьи государя имеют равные права на избрание в преемники ему, то отсюда проистекает, что тот из них, кто вступил на престол, первым делом или приказывает перебить своих братьев, как в Турции, или ослепляет их, как в Персии, или объявляет их сумасшедшими, как у Могола...» [1, с. 61]. По мнению Монтескье, для восточных династий и семьи правителя вообще не было характерно привычное для европейцев чувство кровных уз и доверия. Причиной этого, по его мнению, был институт гарема: «Деспотические государи всегда злоупотребляли браком. Они обыкновенно берут себе несколько жен... И у них такое множество детей, что ни между отцом и детьми, ни между самими детьми не может существовать никакого родственного чувства» [1, с. 62].

Монтескье считал, что важным жизненным принципом как жителей республики, так и ее правителей является добродетель, а для монархии – честь. Ни то ни другое не было присуще для восточной деспотии и ее правителя. Пребывая в страхе за свою жизнь с ранних лет и наблюдая за интригами внутри гарема, будущий султан или шах приходил к выводу: чтобы повелевать, нужно держать всех подданных в страхе. Именно страх, по мысли французского просветителя, был тем принципом, на котором держалась безграничная власть государя. В этом состоянии постоянно находились как простые жители государства, так и чиновники. «Люди с большим самоуважением могли бы затевать в таком государстве революции, поэтому надо задавить страхом

всякое мужество в людях и погасить в них малейшую искру честолюбия» [1, с. 32], – рассуждал философ.

Сравнивая монархию и деспотию, он приходит к выводу о том, что хотя в этих двух видах правления характер подчинения неодинаков, тем не менее у них одна и та же верховная власть, но последняя форма правления намного уступает первой: «Куда бы ни обратил свой взор государь, он всюду заставляет чашу весов склониться на свою сторону, и ему повинуются. Все же различие тут в том, что в монархиях государи-люди более просвещенные, и министры их несравненно искуснее и опытнее в делах правления, чем в деспотическом государстве» [1, с. 34]. То есть с точки зрения философа как европейские монархи, так и их министры обладали как более обширными познаниями о политике, так и опытом. Они были свободнее и не боялись за свою жизнь благодаря хорошо развитой системе права и соблюдению законов.

Европейская система управления, по мнению Монтескье, была лучше восточной не только благодаря развитому законодательству, но и разделению властей. В Османской империи и законодательная, и исполнительная, и судебная власти сосредоточивались в руках одного лишь султана: «В большинстве европейских государств установлен умеренный образ правления, потому что их государи, обладали двумя первыми властями, предоставляют своим подданным отправление третьей. У турок, где эти три власти соединены в лице султана, царствует ужасающий деспотизм» [1, с. 139].

Еще одним гарантом, препятствовавшим перерождению монархии в деспотизм, была христианская религия. Монтескье убежден, что христианству чужд деспотизм и заповеди Евангелия способствовали кротости нравов и, наоборот, препятствовали неукротимым вспышкам гнева, побуждавшим государя к самоуправству и жестокости. Так как христианская религия запрещала многоженство, в Европе не было гаремов, а значит, монархи там вели менее замкнутый образ жизни и были менее отделены от своих подданных, были более человечными и расположенными сами себя ограничивать законами, и, что самое важное, они понимали, что не все для них возможно. Правители мусульманского Востока были их противоположностями, в том числе и потому, что ислам, с точки зрения просветителя, не способствовал миролюбивому характеру: «...магометанские государи беспрестанно сеют вокруг себя смерть и

сами погибают насильственной смертью, у христиан религия делает государей менее боязливыми, а, следовательно, и менее жестокими. Государь полагается на своих подданных, а подданные – на своего государя» [1, с. 380].

Иными словами, благодаря труду Монтескье у читателя создавался образ восточного правителя-деспота со всеми характерными для него чертами: крайней жестокостью и бесчеловечностью, невежественностью, ленью и необузданной любовью как различного вида развлечениям. Возникает вопрос, что лежало в основе представлений философа? С одной стороны, большое влияние на такое видение оказали работы французского путешественника Жана Шардена (1643–1713) и английского дипломата Поля Рикота (1628–1700), на которые он неоднократно ссылался. Так, например, Поль Рикот описывал режим, сложившийся в Османской империи, как тиранию, заключавшую в себе и положительные стороны, позволявшие сохранить в государстве единство, и отрицательные, когда принятие всех решений зависело исключительно от прихоти повелителя. «... Я изучил самым подробным образом турецкое правительство, абсолютную власть его правителя без здравого смысла, без добродетели, чьи речи могут быть иррациональны, но все же считаются законами, чьи действия не систематичны, но являются примерами...» [2, р. 2], – писал дипломат об османском султана. Монтескье таким образом выбрал из работы Рикота те фрагменты и рассуждения, которые больше подходили для его теории о трех типах правления и позволяли показать контраст между восточным деспотизмом султанов и шахов и монархиями, возглавляемыми европейскими просвещенными правителями.

Иную точку зрения о турецких правителях высказывал современник Монтескье – Вольтер. В своем труде «Опыт о всеобщей истории и о нравах и духе народов со времен Карла Великого вплоть до эпохи Людовика XIV» (1759) он попытался опровергнуть некоторые стереотипы о мусульманах и их правителях. В отличие от Монтескье Вольтер не просто вписывал полученную им информацию о Востоке в свою теорию, а приводил конкретные примеры из биографий восточных правителей. Так, например, он восхищался правителем Аббасидского халифата Харуном ар-Рашидом (766–809), так как он способствовал развитию науки, привлекал в свою страну образованных и талантливых людей, сам сочинял стихи и сделал так, что

«вежливость и учтивость пришла на смену варварству по всей обширной территории его владений» [3, р. 56]. С точки зрения французского философа все эти качества и политика халифа, направленная на развитие знаний и искусства вполне были в духе реформ современных ему просвещенных правителей. Некоторые аналогии здесь можно провести с описанием Вольтером прусского короля Фридриха Великого (1712–1786), которого он называл «надеждой человеческого рода»: «...умен, остроумен, учтив и исполнен желаний нравиться... он стремится к образованию и пишет музыкальные пьесы и стихи» [4, с. 16]. Источником Вольтера по истории арабов и ислама послужил энциклопедический словарь «Восточная библиотека» французского интеллектуала Бартелеми д'Эрбело (1625–1695), который по праву считается одним из основателей современного востоковедения, поскольку при составлении данного труда, содержащего самые разнообразные сведения по истории, культуре и традициям мусульманских народов, он использовал источники на языках оригиналов и ввел в оборот ранее неизвестную европейцам информацию по изучению ислама [5].

Не меньшее восхищение у Вольтера вызвал османский султан Мехмед II (1432–1481), захвативший Константинополь. Ссылаясь на неизвестные турецкие источники, просветитель утверждает, что этот правитель был самым образованным среди своих современников: «Этот прославленный правитель говорил на греческом, арабском и фарси; кроме того понимал латынь, умел чертить и знал все, что могло быть известно по географии и математике» [6, р. 236]. Это описание, как и предыдущие характеристики, данные Вольтером халифу Харуну ар-Рашиду и прусскому королю Фридриху Великому, создают образ просвещенных правителей, стремящихся к знаниям.

С точки зрения Вольтера, еще одним признаком такого правителя было его уважительное отношение ко всем религиям, исповедуемым на территориях его государства. «Каждый законодатель, исповедующий какую-либо религию и признающий права совести, должен быть веротерпим» [7, с. 136], – писал философ. Султан Мехмед был именно таким законодателем, так как приказал сохранить в захваченном им Константинополе христианские храмы и разрешил христианам избирать патриарха. Вольтер писал о многонациональности Османской империи и отмечал, что там права меньшинств были ограни-

чены лишь невозможностью носить турецкий костюм. Все это привело мыслителя к следующему заключению: «Важно знать, что турки не всегда были настолько варварской угрозой для христиан, насколько мы это представляем. Целые нации понимаются неправильно из-за исторических заблуждений» [6, р. 241].

Таким заблуждением он считал представление о том, что Османская империя по форме правления была деспотией: «Здесь, думаю, я просто обязан опровергнуть вульгарное представление о том, что турки живут в условиях так называемого абсурдного типа государства, что все население является рабами султана, что у них нет частной собственности, и что их жизнь и состояние всецело принадлежат их повелителю» [6, р. 249]. По его мнению, такое государство просто не могло бы существовать и разрушило бы само себя. Он считал, что путешественники, описывая Османскую империю, неверно утверждали, что все земли государства принадлежали султану, не учитывая тот факт, что он на самом деле раздавал тимары за несение службы так, как это делали раньше франкские короли.

Не был Вольтер согласен и с утверждением о том, что султан обладал некой абсолютной неограниченной властью. Просветитель утверждал что, хотя султан мог казнить своих чиновников и офицеров, он, однако, не мог единолично принимать решения о повышении налогов, о ведении войны и заключении мира [6, р. 251–252]. Он подчеркивает, что христианские правители Европы тоже казнили своих подданных, но при этом никто не называл их деспотами.

Ссылаясь на итальянского военного деятеля Луиджи Фердинандо Марсильи (1658–1730), побывавшего в Османской империи, Вольтер пишет, что у янычар по закону даже было право арестовать султана, казнить его и посадить на трон другого правителя, а паши также не обладали абсолютной властью в провинциях: подданные могли жаловаться султану на нарушение их прав и на злоупотребления чиновников [6, р. 253]. Сами турецкие чиновники и офицеры были даже более свободны, чем их европейские современники, поскольку среди них не было различий по уровню знатности, а только по рангам в соответствии с занимаемыми должностями. Просветитель пришел к выводу, что деспотизм султанов, как и любых других правителей, в том числе и европейских, чаще мог проявляться во внешних признаках: отсутствии у подданных

права смотреть им в глаза и божественном преклонении перед ними: «И те и другие не обладали абсолютной властью, за исключением тех случаев, когда сами к ней стремились. Карл XI, Генрих VIII, Сикст V были деспотами, как и любой султан» [6, p. 254].

Таким образом, французские просветители Монтескье и Вольтер в своих трудах неодинаково оценивали восточных правителей. Если для первого мусульманские султаны, халифы и шахи были деспотами, олицетворявшими все те негативные качества, которые были абсолютно чужды просвещенным монархам, то второй считал их государями, которые ничем не отличались от европейских. Такая разница в представлениях, с одной стороны, была обусловлена подходами к источникам, которые использовали авторы, а с другой – целями их работ. Монтескье в основном нужны были яркие примеры, соответствующие его теории, антиподы его идеалу, которые он с легкостью нашел в описаниях Ж. Шардена и П. Рикота. Вольтер же стремился доказать, что исторический процесс универсален, а деспотизм как стремление к абсолютной неограниченной власти присущ не определенным странам, а скорее конкретным историческим личностям.

Литература

1. Монтескье Ш.Л. О духе законов / пер. с фр. А. В. Матешук. М. : Мысль, 1999. 673 с.
2. Rycaut P. The present state of the Ottoman Empire containing the maxims of the Turkish politie, the most material points of the Mahometan religion, their sects and heresies, their convents and religious votaries, their military discipline with an exact computation of their forces both by sea and land. L. : printed for Charles Brome, 1686. 406 p.
3. Voltaire M. An essay on universal history, the manners, and spirit of nations, from the reign of Charlemaign to the age of Lewis XIV : In 4 Vol. L. : printed for J. Nourse, 1759. Vol. 1. 403 p.
4. Вольтер. Мемуары Вольтера, написанные им самим в 1759 году и напечатанные лишь в 1784 году // Философские трактаты и диалоги. М. : Эксмо, 2005. С. 11–73.

5. Dew N. The making of d’Herbelot’s *Bibliothèque Orientale* // *Orientalism in Louis XIV’s France*. New York : Oxford University Press, 2009. P. 168–204.

6. Voltaire M. An essay on universal history, the manners, and spirit of nations, from the reign of Charlemaign to the age of Lewis XIV / M. de Voltaire; translated from French by Mr. Nugent. In 4 Vol. L. : printed for J. Nourse, 1759. Vol. 2. 379 p.

7. Вольтер. Трактат о веротерпимости, написанный по поводу казни Жана Каласа в 1763 году // Философские трактаты и диалоги. М. : Эксмо, 2005. С. 135–216.

References

1. Montesquieu Sh.L. *On the Spirit of Laws*. Tr. from French by A. V. Matshuk. Moscow: Mysl', 1999, 673 p.
2. Rycaut P. *The present state of the Ottoman Empire containing the maxims of the Turkish politie, the most material points of the Mahometan religion, their sects and heresies, their convents and religious votaries, their military discipline with an exact computation of their forces both by sea and land*. London: printed for Charles Brome, 1686, 406 p.
3. Voltaire M. *An essay on universal history, the manners, and spirit of nations, from the reign of Charlemaign to the age of Lewis XIV*: In 4 vol. London: printed for J. Nourse, 1759, vol. 1, 403 p.
4. Vol'ter. [Memoirs of Voltaire, written by him in 1759 and printed only in 1784]. *Filosofskie traktaty i dialogi* [Philosophical treatises and dialogues]. Moscow: Eksmo, 2005, pp. 11-73.
5. Dew N. The making of d’Herbelot’s *Bibliothèque Orientale*. *Orientalism in Louis XIV’s France*. New York: Oxford University Press, 2009, pp. 168-204.
6. Voltaire M. *An essay on universal history, the manners, and spirit of nations, from the reign of Charlemaign to the age of Lewis XIV*. M. de Voltaire; tr. from French by Mr. Nugent. In 4 Vol. London: printed for J. Nourse, 1759, vol. 2, 379 p.
7. Vol'ter. [A Treatise on Toleration, written about the execution of Jean Kalas in 1763]. *Filosofskie traktaty i dialogi* [Philosophical treatises and dialogues]. Moscow: Eksmo, 2005, pp. 135-216.

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ШОТЛАНДИИ: ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

© 2017 г. М.А. Моисеенко^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

INDUSTRIAL REVOLUTION IN SCOTLAND: FOREIGN HISTORIOGRAPHY IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY

М.А. Moiseenko^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Моисеенко Марина Андреевна –
аспирант, ассистент,
кафедра зарубежной истории
и международных отношений,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: mmoiseenko@sfnu.ru

Marina A. Moiseenko -
Postgraduate, Assistant,
Department of Foreign History
and International Relations,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: mmoiseenko@sfnu.ru

Анализируется проблема индустриальной революции в Шотландии в исторической литературе второй половины XX века. Основной целью является изучение накопленного историографического опыта зарубежных исследователей. В трудах отечественных историков советского и постсоветского периода данному вопросу не уделялось должного внимания. Традиционное мнение, что родоначальницей процесса индустриализации является Англия, долгое время оставалось незыблемым в исторической науке. О Шотландии же либо вообще не упоминалось, либо речь шла о роли крупных городов, специализирующихся на производстве отдельных товаров. Британская историография, в отличие от отечественных работ, несомненно имеет определенный опыт изучения процессов индустриализации. Существующую историографию можно классифицировать не только по хронологическому принципу, но и по проблемам, которым уделяется большее внимание в том или ином исследовании: один из самых важных изучаемых вопросов, это социально-экономические явления в шотландском государстве.

Предметом исследования является историография индустриальной революции второй половины XX века. В ходе исследования были использованы проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы.

Ключевые слова: история Шотландии, историография второй половины XX, индустриальная революция, социальная история, экономическая история, урбанизация, индустриализация.

In the article the perspective of industrial revolution in Scotland in a historiography of the second half of the 20th century is analyzed. The main purpose of this work is studying of the accumulated historiographic experience of foreign researchers. In works of domestic historians of the Soviet and Post-Soviet period the attention wasn't paid to the matter. The traditional view that England was the ancestor of the process of industrialization for a long time remained unshakable in historical science. Scotland was not mentioned at all, or it was a question of the role of large cities specializing in the production of individual goods. British historiography, unlike domestic works, undoubtedly has a certain experience of studying the processes of industrialization. The existing historiography can be classified not only by the chronological principle, but also by problems to which the bigger attention in this or that research is paid: one of the most important studied questions, it socially-economic events in the Scottish state.

Keywords: the history of Scotland, the historiography of the second half of 20th century, the industrial revolution, social history, economic history, urbanization, industrialization.

Развитие гуманитарного знания в Великобритании послевоенного периода ознаменовано новыми тенденциями. В частности, в 50–60-е гг. XX в. стало постепенно складываться иное, чем

прежде, понимание британской истории – именно как истории разных народов Британских островов, чьи исторические судьбы в конечном счете соединились в одном государстве [1]. В 70–

80-е гг. ведущими центрами исследования истории Шотландии являлись Эдинбург, Глазго, Сент-Эндрюс, Абердин, Стирлинг [1, с. 20–21]. Нами предпринимается попытка проанализировать исследования второй половины XX в. по проблеме индустриальной революции в Шотландии, изучаемой на современном этапе и в региональном, и в локальном аспектах.

В большинстве работ, опубликованных в 60–70-е гг. британскими учеными по социально-экономической проблематике, важное место занимает анализ различных аспектов индустриальной революции. В это время появляются труды таких известных историков, как Г. Гамильтон [2] и У. Фергюсон [3], которые, констатируя экономический подъем Шотландии в изучаемые ими периоды, детально прослеживают ход этого процесса. Подробный анализ социальной и хозяйственной сфер жизни шотландского общества (с момента образования Союза 1707 г.) содержится в работе У. Марвика «Шотландия в Новое время». Она издана на основе лекций по экономической истории, прочитанных в Эдинбургском университете, и охватывает более двух с половиной столетий шотландской истории (с начала XVIII в. по 1961 г.). В издание включены разнообразный наглядный материал и карты. Ученый, придавая важное значение природно-географическому фактору в развитии общества, начинает свой труд с объяснения «выгодности» и даже просто целесообразности той или иной хозяйственной деятельности в Шотландии: «Географически большая часть Шотландии пригодна для скотоводства, а не для земледелия (...), выращивание стад затруднительно, однако, ввиду отсутствия корма, поэтому убой скота и соленье осенью для использования мяса зимой было обычным явлением» [4]. Вышедшее в Манчестере в середине 60-х гг. исследование «Угольная промышленность в XIX веке» [5] посвящено развитию угольных шахт в Англии, Шотландии и Ирландии. Авторы изучают не только техническую оснащенность угольного производства в Шотландии, но и социальные аспекты труда и быта рабочих.

Традиционно большинство работ по проблеме индустриальной революции относят к экономической истории. Это стало едва ли не аксиомой. Но соответствует ли такое положение реальной исследовательской практике? Обратимся к вышедшему во второй половине 60-х гг. труду П. Пайна. Анализируя деятельность сберегательных банков в Глазго в 1836–1914 гг.,

ученый пытается ответить на различные по своему характеру вопросы: профессиональный и социальный состав вкладчиков сберегательных банков в XIX в., анализ особенностей счетов отдельных вкладчиков и изучение факторов, которые привели к сезонным и ежегодным изменениям в небольших сбережениях на западе Шотландии до Первой мировой войны [6]. Таким образом, эта работа освещает важные с экономической точки зрения вопросы коммерциализации шотландского рынка. Но информация о банковских вкладах дает возможность исследователям установить не только принадлежность их владельцев к определенному социальному классу, но также выявить средние показатели заработной платы в той или иной сфере производства. Исследование Р. Кэмпбэлла и Д. Доу, вышедшее в 1968 г., также затрагивает многие важные проблемы экономической и политической истории Шотландии [7]. По сути данная книга содержит классические для подобных изданий разделы по проблемам индустриальной революции в Шотландии: население и миграция, сельское хозяйство, промышленность, торговля и финансы, транспорт, законы о бедных и пр.

В 70-е гг. XX в. стала заметна тенденция более детального изучения всех аспектов индустриальной революции. Характерный пример – монография А. Дури «Шотландская льняная промышленность в восемнадцатом веке» [8]. Несмотря на указанные в заголовке хронологические рамки, в конце исследования дается также общая характеристика развития льняной индустрии в XIX в.: «В течение девятнадцатого века в льняной промышленности продолжался болезненный процесс перехода к фабричной системе: исчезал ручной труд, поскольку продвигалась механизация. Упадок ручного труда ткачей уже хорошо известен и документирован; доходы от этой некогда гордой профессии упали не менее чем на две трети между 1814 и 1830 гг. и достигли нижнего предела только в 1830–1840-х гг. на уровне, который давал ткачам “простую возможность дышать”, как выразился об этом один современник» [8, с. 167].

С. Лайс посвятил много трудов изучению шотландской экономики и совместно с Д. Баттом издал работу очень широкого хронологического диапазона – «Экономическая история Шотландии 1100 – 1939» [9]. В данном исследовании наиболее весомыми для изучения проблемы индустриальной революции представляются главы

«Сельское хозяйство и экономический рост 1707–1871», «Коммерция и кредиты 1707–1871» и конечно же «Индустриальный рост 1707–1871». Примечательно, что в последней главе рассматривается экономический рост внутри каждой из отраслей промышленности (хлопковое производство, металлургическая промышленность, железнодорожное строительство). В книге приводятся статистические и процентные данные, позволяющие изучить динамику экономического развития в 1707–1871 гг.

В 80-е гг. XX в. все чаще появляются труды по исследованию жизни города и рабочего класса. Историки О. Чекланд и С. Чекланд пишут о том, что «новое поколение торговцев и промышленников увеличивается после 1832 г., наряду с людьми-профессионалами, которые их обслуживали. Этот процесс привел к большому расширению городов и определил их новую форму. Четыре главных города Шотландии были сформированы задолго до индустриальной революции: Эдинбург, Глазго, Абердин, Данди» [10]. В хронологическом отношении это исследование охватывает период с 1832 по 1914 г. Много нового и чрезвычайно интересного материала о жизни богатых и бедных в Шотландии приводит в своей монографии К. Смут [11]. В книгу включены отрывки из дневников и воспоминаний. Эти своего рода «эго-документы» являются ценными источниками для изучения вопросов устройства жизни представителей среднего класса, занятых на производстве.

Повседневная жизнь рабочих в Шотландии исследуется и в книге «Рабочий класс в Глазго 1750 – 1914», вышедшей под редакцией Р. Каги в 1987 г. [12]. В ней рассматривается связь бытовых, особенно жилищных, условий существования рабочих с сохранением правопорядка: «К 1830-м годам жильё рассматривалось как серьёзная угроза для правопорядка, гражданского здоровья, гигиены и морали с точки зрения все более влиятельной группы граждан: значительная часть жилья бедных в Уиндсе и улицах на юге со стороны Траонгата, Галлоугейта, Каталонии состоит из жилых домов, являющихся самыми худшими в данной местности. Все чаще городские полицейские законы, а затем и законы об улучшении давали юридические полномочия контролировать эти помещения» [12].

Исследование У. Нокса посвящено изучению социально-экономических аспектов индустриальной революции. Автор отвечает на вопрос: «Великая промышленная нация XIX века – какая

она?» Каждая глава строится на материалах историков, анализировавших разные аспекты проблемы – политические, экономические, культурные и др. Большинство из опорных трудов издано в Оксфорде, Кембридже, Лондоне, Эдинбурге. Помимо указанных вопросов, рассматриваются и более частные, касающиеся взаимоотношений в производственной сфере. Например, в 1820-е гг. из-за вопросов дисциплины рабочих произошли стачки на предприятиях хлопчатобумажной промышленности. В свою очередь «работодатели создали в 1823 г. ассоциацию в целях борьбы с бастующими прядильщиками, что стимулировало управленческий контроль за трудовым процессом» [13]. В отношении ткачей была установлена более жесткая дисциплина. Социальные протесты происходили и в среде рабочих других профессий: «Во время бума в начале 1860 года пекари в Глазго и Гриноке добились 12-часового рабочего дня, но в 1884 году они бастовали против 80-часовой рабочей недели» [13].

В исторической литературе этого периода встречаются работы в виде сборников эссе. Издание под редакцией Л. Ленемэна содержит эссе ряда авторитетных историков, как упоминавшихся ранее Р. Кэмпбэлла и К. Смута, так и Т. Девайна, из-под пера которого вышли исследования «Союз 1707 года и шотландское развитие» (1985) и «Урбанизация» (1988). Не менее интересным в указанном сборнике представляется раздел об изменениях в сельском хозяйстве на Северо-Востоке в 1790 – 1870 гг., автором которого является М. Грей [14]. Нельзя упустить из виду монографию Р. Кэмпбэлла «Рост и падение шотландской промышленности 1707–1939» [15], вышедшую в 1980 г. В работе проанализированы многочисленные данные о заработной плате в различных отраслях производства в Шотландии (в сопоставлении с аналогичными общebritанскими показателями).

К фундаментальным исследованиям может быть отнесен труд «Человек и общество в Шотландии». Издание посвящено анализу не только материальных и духовных потребностей рабочих, но и проблемам городского роста. К примеру, в первом томе под редакцией Т. Девайна и Р. Митчисон, хронологически ограниченном 1760 – 1830 гг., рассматриваются процессы урбанизации, трансформации социальной структуры, а также потребности шотландцев в сфере быта и культуры [16]. Во втором томе анализируются те же процессы, но уже с 1830 по 1914 г. [17]. Третий том охватывает период с 1914 г.

В последние десятилетия XX в. усилился интерес исследователей к изучению процессов индустриализации. Отличительной тенденцией историографии этого периода является стремление авторов рассмотреть проблему, анализируя совокупность всех факторов, повлиявших на ход индустриализации. Именно подобным образом может быть реконструирована более полная историческая картина изучаемых процессов. В 1997 г. вышла монография известного ученого К. Уотли, которая позволяет в значительной мере прояснить ранее недостаточно изученные вопросы шотландской индустриальной революции. Трудно не согласиться с авторской позицией, когда К. Уотли отмечает, что «большая часть ссылок на Шотландию чаще всего характеризуют хлопковую индустрию в Глазго» [18]. К. Уотли объясняет, в чем специфика «шотландской» и «английской» индустриальной революции, выделяет их общие и отличительные черты. Он также приводит в своей работе встречающиеся в научной литературе различные суждения о времени начала шотландской индустриальной революции: «Есть несколько точек зрения: 1740 г., 1760 г., 1780 г. (самый распространенный вариант) и 1830 г. – вариант, предложенный Г. Гамильтоном» [18]. Р. Кэмпбэлл полагает, что даже в 1830 г. Шотландия все еще оставалась аграрной страной [18]. Но на этот счет у историков имеются и другие мнения.

Г. Мортон в своей работе отстаивает позицию, согласно которой большая часть населения Шотландии с 1831 г. жила в городах. Перепись 1851 г. была первой, отразившей положение дел во всей Великобритании, где больше половины населения проживает в городах [19]. В Шотландии каждый пятый жил в одном из крупных городов (Эдинбурге, Глазго, Абердине и Данди). В Эдинбурге же отмечен пятикратный рост населения между 1801 и 1911 г. Изучая урбанизацию Шотландии, историки едины во мнении: четыре города были не только самыми крупными по числу жителей, но и играли важнейшую роль в жизни всего региона.

Изучение истории отдельных городов Шотландии пополнилось работой известного историка Т. Девайна «Глазго: начало в 1830 году», в которой исследуется роль промышленности этого города в международной экономике. По мнению автора книги, необходимость выхода на внешние рынки стала остро ощутима после наполеоновских войн. К 20-м гг. XIX в. современная хлопчатобумажная промышленность прочно

утвердилась в городе, хотя давняя смешанная индустриальная экономика обслуживала более обширную область. В 1834 г. 58 % мужчин на хлопчатобумажных фабриках Глазго были в возрасте 20 и выше лет, как и 65 % женщин [20]. Еще одной работой Т. Девайна является исследование «Изучение шотландского прошлого: темы по истории шотландского общества» [21], включающее разделы как об урбанизированном обществе, так и об экономическом развитии Шотландии в XIX в. В соавторстве с другим историком Т. Девайн издал также работу «Индустрия, бизнес и общество в Шотландии с 1700 г.» [22].

В монографии «Викторианский Данди: облик и реальность» [23], подготовленной коллективом авторов, анализируются такие важные вопросы, как рост и развитие порта Данди в XIX и XX вв., элита Данди в сфере мануфактурного производства в 1820 – 1870-х гг. и конечно же проблемы, связанные с развитием промышленности в указанную эпоху. В работе уделяется внимание деятельности морских портов в Шотландии, показатели которой представлены в виде сравнительных таблиц. Проведенный анализ позволяет авторам прийти к заключению, что по сравнению с другими портами Шотландии Данди – относительно небольшой порт. Однако в стоимостном отношении ситуация сложилась иначе: Данди занимал третье место после Глазго и Лейта в шотландской торговле и в двенадцать раз превышал объемы торговли Соединенного Королевства к 1914 г. Такую позицию он сохранял на протяжении всех военных лет [23].

В исторической литературе второй половины XX в., посвященной проблемам индустриальной революции, уже ясно очерчен круг обсуждаемых вопросов. Появляются монографии, в которых эта проблема исследуется путем скрупулезного анализа развития отдельных отраслей промышленности в наиболее значительных городах Шотландии. Изучение сложных взаимоотношений работников фабрик и заводов, трансформации социального строя в условиях технической революции приводит исследователей к постановке и предположительному решению других, уже в какой-то мере «экзистенциальных» вопросов. Чем является для человека технология и как она облегчает ему жизнь? Как меняются отношения в семье в эпоху индустриальной революции? Круг этих вопросов можно расширить изучением перемен в быте, в обустройстве жилища, наконец, внимание исследователя может привлечь транс-

формация человеческого самосознания и отношения к религии в новом мире эпохи индустриальной революции. Конечно, пока трудно назвать какой-то всеобъемлющий труд, в котором бы рассматривались все перечисленные аспекты интересующей нас проблематики. Но упомянутые нами исследования в совокупности дают хорошее представление о новых тенденциях и степени изученности проблемы индустриальной революции в Шотландии.

Литература

1. Согрин В.В., Зверева И.Г., Репина Л.П. Современная историография Великобритании. М. : Наука, 1991. 232 с.
2. Hamilton H. *An Economic History of Scotland in the eighteenth century*. Oxford : Clarendon press, 1963. 452 p.
3. Ferguson W. *Scotland 1689 to the present*. Edinburgh and London : Oliver & Boyd, 1968. 464 p.
4. Marwick W. H. *Scotland in Modern Times: An Outline of Economic and Social Development since the Union of the 1707*. London and Edinburgh, 1964. P. 3.
5. Ashton T., Sykes J. *The Coal Industry of the Eighteenth Century*. Manchester : Manchester University press, 1964. P. 132.
6. Payne P. L. *Studies in Scottish Business History*. London : Frank Cass & Co. LTD, 1967. P. 153.
7. Campbell R.H., Dow J.B.A. *Source book of Scottish Economic and Social history*. Oxford : Basil Blackwell, 1968. 280 p.
8. Durie A.J. *The Scottish Linen Industry in the Eighteenth Century*. Edinburgh : John Donald Publishers LTD, 1979.
9. Lythe S.G.E., Butt J. *An economic history of Scotland 1100 – 1939*. Glasgow & London : Blackie, 1975. 293 p.
10. Checkland O., Checkland S. G., *Industry and Ethos: Scotland, 1832–1914*. Edinburgh : Edinburgh University press, 1989. P. 34–35.
11. Smout T.C. *A century of the Scottish people, 1830–1950*. London : Collins, W1, 1986. 318 p.
12. Cane R.A. *The working class in Glasgow 1750–1914*. Croom Helm, 1987. P. 44.
13. Knox W. *Industrial Nation: Work, Culture and Society in Scotland, 1800 – present*. Edinburgh, 1999. P. 48, 120.
14. Leneman L. *Perspectives in Scottish social history. Essays in honour of Rosalind Mitchison*. Aberdeen : Aberdeen university press, 1988. 200 p.

15. Campbell R.H. *The Rise and Fall of Scottish Industry 1707–1939*. Edinburgh, 1980. 218 p.
16. Devine T.M., Mitchison R. *People and Society in Scotland 1760–1830*. Vol. I. Glasgow, 1988. 316 p.
17. Fraser H.W., Morris R.J. *People and Society in Scotland 1830–1914*. Vol. II. Edinburgh, 1989. 363 p.
18. Whatley C.A. *The Industrial Revolution in Scotland*. Cambridge : Cambridge University press, 1997. P. 1–7.
19. Morton G. *Unionist-Nationalism. Governing Urban Scotland, 1830–1860*. Edinburgh, 1994. P.27.
20. Devine T.M. *Glasgow: Beginnings to 1830*. Manchester: Manchester University press, 1995. P. 203.
21. Devine T.M. *Exploring the Scottish Past: Themes in the History of Scottish Society*. Tuckwell press, 1995. 271 p.
22. Cummings A.J.G., Devine T.M. *Industry, business and society in Scotland since 1700*. Edinburgh, 1994. 200 p.
23. Miskell L., Whatley C.A., Harris B. *Victorian Dundee: Image and Realities*. Tuckwell press, 2000. P. 46.

References

1. Sogrin V.V., Zvereva I.G., Repina L.P. *Sovremennaya istoriografiya Velikobritanii* [Modern Historiography of Great Britain]. Moscow: Nauka, 1991, 232 p.
2. Hamilton H. *An Economic History of Scotland in the eighteenth century*. Oxford: Clarendon press, 1963, 452 p.
3. Ferguson W. *Scotland 1689 to the present*. Edinburgh and London: Oliver & Boyd, 1968, 464 p.
4. Marwick W. H. *Scotland in Modern Times: An Outline of Economic and Social Development since the Union of the 1707*. London and Edinburgh, 1964, p. 3.
5. Ashton T., Sykes J. *The Coal Industry of the Eighteenth Century*. Manchester: Manchester University press, 1964, p. 132.
6. Payne P. L. *Studies in Scottish Business History*. London: Frank Cass & Co. LTD, 1967, p. 153.
7. Campbell R.H., Dow J.B.A. *Source book of Scottish Economic and Social history*. Oxford: Basil Blackwell, 1968, 280 p.
8. Durie A.J. *The Scottish Linen Industry in the Eighteenth Century*. Edinburgh: John Donald Publishers LTD, 1979.
9. Lythe S.G.E., Butt J. *An economic history of Scotland 1100-1939*. Glasgow & London: Blackie, 1975, 293 p.

10. Checkland O., Checkland S. G. *Industry and Ethos: Scotland, 1832-1914*. Edinburg: Edinburg University press, 1989, pp. 34-35.
11. Smout T.C. *A century of the Scottish people, 1830-1950*. London: Collins, W1, 1986, 318 p.
12. Cage R.A. *The working class in Glasgow 1750-1914*. Croom Helm, 1987, p. 44.
13. Knox W. *Industrial Nation: Work, Culture and Society in Scotland, 1800 - present*. Edinburg, 1999, pp. 48, 120.
14. Leneman L. *Perspectives in Scottish social history. Essays in honour of Rosalind Mitchison*. Aberdeen: Aberdeen university press, 1988, 200 p.
15. Campbell R.H. *The Rise and Fall of Scottish Industry 1707-1939*. Edinburgh, 1980, 218 p.
16. Devine T.M., Mitchison R. *People and Society in Scotland 1760-1830*. Vol. I. Glasgow, 1988, 316 p.
17. Fraser H.W., Morris R.J. *People and Society in Scotland 1830-1914*. Vol. II. Edinburg, 1989, 363 p.
18. Whatley C.A. *The Industrial Revolution in Scotland*. Cambridge: Cambridge University press, 1997, pp. 1-7.
19. Morton G. *Unionist-Nationalism. Governing Urban Scotland, 1830-1860*. Edinburg, 1994, p. 27.
20. Devine T.M. *Glasgow: Beginnings to 1830*. Manchester: Manchester University press, 1995, p. 203.
21. Devine T.M. *Exploring the Scottish Past: Themes in the History of Scottish Society*. Tuckwell press, 1995, 271 p.
22. Cummings A.J.G., Devine T.M. *Industry, business and society in Scotland since 1700*. Edinburgh, 1994, 200 p.
23. Miskell L., Whatley C.A., Harris B. *Victorian Dundee: Image and Realities*. Tuckwell press, 2000, p. 46.

Поступила в редакцию / Received

22 мая 2017 г. / May 22, 2017

ВИЛЬГЕЛЬМ II И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

© 2017 г. В.П. Подольников^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

WILHELM II AND GERMAN FOREIGN POLICY IN THE LATE 19TH CENTURY

V.P. Podolnikov ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Подольников Владимир Павлович –
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра зарубежной истории
и международных отношений,
Институт истории и международных
отношений, Южный федеральный университет,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082.
E-mail: podolnikov@list.ru

Vladimir P. Podolnikov -
Candidate of History, Associate Professor,
Department of Foreign History
and International Relations,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: podolnikov@list.ru

Исследуются отдельные аспекты внешней политики Германской империи в конце XIX в. через призму личного влияния на нее кайзера Вильгельма II. Делается вывод о решающей роли германского императора в принятии важнейших внешнеполитических решений и их реализации в последнее десятилетие XIX в. Раскрываются побудительные мотивы его действий, вытекающие из особенностей характера и мировоззренческих установок монарха, а также некоторые черты его дипломатического стиля. На основании многочисленных воспоминаний близко знавших его людей отмечаются самовластные методы его правления, некомпетентность в вопросах международной политики, безмерное тщеславие и преувеличенное самомнение о своих дипломатических способностях, непоследовательность поступков, ксенофобия и крайний национализм. Подчеркнута характерная особенность дипломатии Вильгельма II, у которого зачастую собственные чувства и эмоции превалировали над государственными интересами, отождествляемыми им с собственной персоной. Показаны негативные последствия для международного положения страны личного вмешательства императора в работу внешнеполитического ведомства Германии. Анализируются неудачные попытки Вильгельма II вбить клин между Англией и Россией и перетянуть каждую из них на свою сторону, результатом которых стало еще большее отчуждение этих стран от Германской империи, ее политическая изоляция и формирование антигерманского союза европейских государств.

Ключевые слова: международная жизнь, внешняя политика, режим «личной» власти, дипломатический стиль, характер, самомнение, непоследовательность.

The article examines certain aspects of the German Empire foreign policy at the end of 19 century through the prism of the personal influence of Kaiser Wilhelm II. The conclusion on the decisive role of the German Emperor in making important foreign policy decisions and their implementation in the last decade, 19 century is made. The author reveals the motives of the actions arising from the nature and characteristics of worldviews of the monarch, as well as some aspects of his diplomatic style. On the basis of numerous recollections of people who knew the monarch the author observed his autocratic methods of government, incompetence in matters of international politics, immense vanity and exaggerated self-importance of his diplomatic abilities, inconsistent behavior, xenophobia and extreme nationalism. The article emphasized characteristic feature of the diplomacy of Wilhelm II, whose own feelings and emotions often prevailed over the public interest, identified it with himself. In the work, the negative consequences for the country's international position the personal intervention of the Emperor in the work of the foreign Ministry of Germany are shown. The author analyzes the failed attempt of Wilhelm II to drive a wedge between Britain and Russia and to drag each of them on his side, which resulted in more alienation of these countries from the German Empire, its political isolation and the formation of an anti-German Alliance of European States.

Keywords: international affairs, foreign policy, the regime of “personal” power, diplomatic style, character, conceit, inconsistency.

История внешней политики Германской империи в конце XIX в. нашла достаточно полное освещение как в зарубежной, так и в отечественной историографии. Значительно меньше внимания в исторической литературе уделялось личностному аспекту этой проблемы, а именно степени влияния на выработку внешнеполитической концепции и ее реализацию отдельных руководителей немецкого государства, в частности кайзера Вильгельма II. Необходимость учитывать этот фактор подчеркивал академик Е.В. Тарле, писавший, что «...если далекие, конечные исторические результаты не зависели ни от его (Вильгельма II. – *В.П.*) свойства, ни от чьей другой индивидуальности, то внешнюю физиономию и сплетение событий нельзя вполне ясно уразуметь, игнорируя человека, тридцать лет подряд говорившего и действовавшего от имени Германской империи» [1, с. 115]. Аналогичного мнения придерживается и современная германистика. Рассматривая последнего германского императора «как верного исполнителя воли господствующих классов страны, верховным представителем которых от являлся», Б.М. Туполев вместе с тем не снимает с него «большую личную ответственность за экспансионистский внешнеполитический курс» страны [2, с. 174, 176].

Не все исследователи, однако, разделяют этот подход, считая, что ни в 90-е гг. XIX в., ни позже – «режима личной власти» в империи не существовало [3, с. 136]. Эта мысль не представляется совсем бесспорной, особенно в отношении 90-х гг. Солидная источниковая база позволяет не только усомниться в данном выводе, но, напротив, показать решающую роль германского кайзера в принятии важнейших внешнеполитических решений в последнее десятилетие XIX в.

Избегая детального хронологического анализа многоплановых аспектов германского внешнеполитического курса, попытаемся показать степень личного влияния на него Вильгельма II, раскрыть побудительные мотивы его действий, вытекающие из особенностей характера и мировоззрения императора, а также некоторые черты его дипломатического стиля.

Вильгельм II стал во главе империи в очень сложный период мировой истории, когда на смену принципа политического равновесия европейских держав, заложенного Венской системой, постепенно шла блоковая политика. От Германии в этих условиях требовалась глубоко продуманная, четко сбалансированная внешнеполити-

ческая стратегия и тонкая дипломатическая тактика. Реализация этого во многом зависела от личностных качеств главы государства, которого имперская конституция 1871 г. наделяла большими полномочиями в области международной политики: правом назначать и освобождать канцлера, вырабатывать главные направления внешней политики, руководить иностранными делами, включая вопросы объявления войны и заключения мира [4, с. 30].

Отдавая предпочтение внешней политике над внутренней и считая дипломатию своей специальностью [5, р. XIII], Вильгельм, однако, мало соответствовал роли дипломата. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют многочисленные воспоминания близко знавших его людей: родственников, друзей, сотрудников, зарубежных политиков, а также мемуары самого кайзера. Негативная оценка многих черт его характера, самовластных методов правления, странных особенностей дипломатического почерка, отмеченная его недоброжелателями (Бисмарк, Бюлов), находит подтверждение и в отзывах его сторонников (Эйленбург, Вальдерзее, Гольштейн).

Добившись в 1890 г. отставки авторитетного канцлера Бисмарка, стеснявшего императора своей мудрой опекой, молодой и неопытный Вильгельм II почувствовал себя в вопросах внешней политики «на полном просторе» [6, с. 20]. Ничего хорошего для Германии это не предвещало, поскольку руководство международными делами перешло в руки неподготовленного человека, который, по словам его многолетнего друга и наставника Ф. Эйленбурга, «желает поучать других, но очень неохотно позволяет поучать себя» [7, с. 32], и которого собственный отец, император Фридрих III, считал «прямотаки опасным уже сейчас допустить к вопросам внешней политики..., ввиду его недостаточной зрелости ... и склонности к сомнению и преувеличению» [8, с. 4].

Не было вокруг монарха и достойных советников, с мнением которых он бы считался. Еще Бисмарк обратил внимание на то, что «...император предпочитает иметь в качестве министров людей второстепенных, и поэтому создается ненормальное положение, поскольку не министры дают советы монарху и берут на себя инициативу, а ожидают и того и другого от Его Величества» [8, с. 51]. Подтверждает это и русский посол в Берлине П.А. Шувалов, отмечая, что пре-

бывание канцлеров и министров «у власти зависит от порывистой воли императора, темперамент которого не внушает доверия» [9, с. 203–204]. Поэтому ни канцлер Каприви, «мало знакомый с дипломатическими ухищрениями» [10, с. 320], ни канцлер Гогенлоэ, «который уже понемногу начинал выживать из ума от старости» [11, с. 524–525], ни статс-секретарь по иностранным делам Бюлов, «прячущий в карман» в общении с императором «не только личное самолюбие, но и достоинство, связанное с нравственной ответственностью» [12, с. 318], не были конкурентами Вильгельму в вопросах внешней политики. «Немецкую политику делаю я сам, – говорил Вильгельм II, – и моя страна должна следовать за мной, куда бы я ни шел» [11, с. 516]. Императрица-мать, наблюдавшая за своим венценосным сыном, с сожалением отмечала, что «его самомнение растет все больше, а рассудок нет» [13, с. XIII–XIV].

Вместе с тем монарха легко было расположить к себе, расточая в его адрес безудержную лесть, чем часто пользовались ловкие, но недостаточно компетентные люди, чьим советам он охотно внимал. «До сих пор никакая лесть не казалась кайзеру чрезмерной», – заметил начальник генерального штаба Вальдерзее [14, с. 117].

Преувеличенное самомнение проистекало из мистической веры Вильгельма в божественное происхождение своей власти. Он считал себя «орудием в руках всевышнего» [15, с. 212]. Руководствуясь этой мировоззренческой установкой, Вильгельм рассматривал исторический процесс как дело рук великих исторических деятелей, в первых рядах которых фигурировали несравненные Гогенцоллерны [16, с. 49]. Такая позиция делала его весьма неудобным и нереалистичным дипломатом. К тому же у императора, по свидетельству близко знавших его людей, отсутствовал логический склад мышления, и он чаще всего действовал, руководствуясь чувствами и интуицией, а не трезвым расчетом [7, с. 76–77]. И уж совершенно неприемлемым для политика качеством Вильгельма II было то, что он «часто жил в мире утопий» [7, с. 61].

Между тем принимать судьбоносные для Германии решения предстояло в реальном мире. В создавшейся расстановке политических сил весьма сложно было найти и утвердить место империи на площадке трех великих европейских держав – Англии, России и Франции. Следовало обладать незаурядными дипломатическими талантами, чтобы, используя существующие

между ними противоречия, помешать им сблизиться и сформировать антигерманский военно-политический союз. Решить такую задачу было лишь по силам фигуре, равной Бисмарку. Но именно расхождение с ним кайзера по «русскому вопросу» стали одной из причин падения «железного канцлера». Генералу Вальдерзее удалось, вопреки Бисмарку, убедить Вильгельма в том, что Россия представляет опасность для Германии и против нее следует начать превентивную войну. «Если Бисмарк не согласится с нами в русском вопросе, – сказал император, – тогда нам придется расстаться» [17, с. 446]. По его личной инициативе в 1889 г. была инспирирована в печати кампания против хождения русских ценных бумаг на немецкой бирже, что привело к острому конфликту в русско-германских отношениях и окончательно предопределило отставку Бисмарка [8, с. 112–113; 18, с. 382].

В ухудшении двусторонних отношений с Россией немалую роль сыграла и личная обида тщеславного Вильгельма II на русского царя Александра III, который делал «неблагоприятные высказывания по адресу кайзера» [8, с. 71]. В этом лишний раз проявилась особенность дипломатии кайзера, где собственные чувства зачастую превалировали над государственными интересами.

Таким образом, благодаря Вильгельму II и без того неважные в конце канцлерства Бисмарка отношения с Российской империей были испорчены окончательно и еще больше подтолкнули последнюю к сближению с Францией.

И если предотвратить союз России с Францией, четкие контуры которого наметились к концу 80-х гг. XIX в., было уже практически невозможно, то попытаться перетянуть на свою сторону еще колеблющуюся тогда Англию представлялось вполне реальным. Стремясь по подсылке «серого кардинала» министерства иностранных дел Гольштейна, строить европейскую политику своей страны, балансируя между Россией и Англией, используя одну против другой, Вильгельм вносил в нее столько личного, что Гольштейн впал в отчаяние, констатируя на протяжении шести месяцев три разных внешнеполитических программы, затребованные кайзером: «Вначале сближение с Россией и Францией для защиты наших колоний от Англии; затем отдать наши колонии ... той же самой Англии, а теперь ... и Россию, и Англию по боку, и будем искать счастья у галлов (французов. – В.П.)» [11, с. 528–529].

Очевидная непоследовательность и нелогичность действий императора находят свое объяснение в особенностях его политического мировоззрения, проникнутого духом крайнего германского национализма и ксенофобии. Германия, по мнению Вильгельма, должна стоять во главе всех наций: «Я не думаю, – говорил он, – что немецкий народ пролил свою кровь ..., чтобы быть затем оставленным в стороне от решения великих международных вопросов» [16, с. 134]. Решение их виделось императору в расширении «жизненного пространства» для немцев, в подчинении слабых и вытеснении в сторону равных. «Где раз немецкий орел захватил владения и запустил свои когти в землю, – вещал кайзер, – там земля становится немецкой и немецкой останется» [19, с. 85].

В отношении к Англии сказывалась известная англофобия Вильгельма, уходящая корнями в неприятие либеральных взглядов своей матери – дочери английской королевы Виктории, и находящегося под ее влиянием отца. Даже бабушку Викторию, которую он «любил больше, чем своих родителей» [20, р. 14], внук презрительно называл «императрицей Индостана» и говорил, что пора бы ей уже помереть. Свою мать и сестру он считал «английской колонией» в Германии. Самым страшным казалось ему то, что «герб нашего рода запятнан, а империя загнана на край гибели английской принцессой, которая приходится мне матерью». По его мнению, не было и не могло быть предела ненависти к Англии [11, с. 520]. Из этого становилось ясно, чем определялся его подход к Англии, как, впрочем, и к другим странам. Поэтому прав был У. Черчилль, отметивший, что «ни осторожной и расчетливой политики, ни глубокой проницательности, свойственной большим государственным деятелям ... от него ждать не приходилось» [21, с. 68].

Устойчивая ненависть Вильгельма II к либеральной Англии все более усиливалась в связи с растущим соперничеством на морях и в колониях. Это подталкивало его к сближению с Россией. Однако препятствием здесь служили не только объективные обстоятельства (столкновение интересов двух стран на Балканах и в Турции), но и пангерманские настроения самого кайзера, с их идеей «натиска на восток», которые настораживали русских. Не скрывал Вильгельм и свои антиславянские взгляды. «Я ненавижу славян!», – говорил он [22, с. 196].

Поэтому обладая механическим, а не философским складом ума и не имея последовательной внешнеполитической стратегии, Вильгельм и в отношении Англии, и в отношении России часто действовал «по первому впечатлению» [7, с. 77,80], и как метко в сердцах выразился российский император Александр III: «... от нервного и шалого Вильгельма можно всего ожидать» [9, с. 207].

Казалось бы для выстраивания нормальных и дружеских связей с династически родственными монархиями России и Англии Вильгельм имел в своих руках определенные козыри. Но воспользоваться ими он явно не смог. Более того, борясь за лидерство в большом европейском семейном клане потомков Виктории, император часто делал это в ущерб интересам собственного государства. Уже в первые недели его правления произошел совершенно немыслимый инцидент с представителем английского королевского дома, надолго осложнивший англогерманские отношения: кайзер потребовал, чтобы на время его пребывания в Вене английский принц Эдуард, его дядя, покинул австрийскую столицу. В одной из своих первых речей он публично назвал наследника британского престола Эдуарда чуть ли не идиотом за то, что тот одобрил примирение между Францией и Германией [11, с. 520].

Обида на своего другого родственника, русского царя Александра III, привела к отказу Германии от продления «договора о перестраховке» и торговой войне с Россией, что позже сам Вильгельм назвал ошибкой, вызванной его неопытностью и влиянием окружающих людей [23, с. 115]. Вместе с тем сам кайзер, по воспоминаниям С.Ю. Витте, на военных маневрах во Франкфурте нанес публичное оскорбление брату российской императрицы Александры Федоровны – герцогу Дармштадскому [24, с. 297], а русского Великого князя треснул маршальским жезлом по спине [11, с. 517]. Вряд ли такие выходки содействовали укреплению дружбы между царственными дворами.

Убедившись после 1893 г. в том, что ему не удастся привлечь Англию к Тройственному союзу, Вильгельм II дает полную волю своим антианглийским настроениям, не оставляя никаких шансов на возможность нормализации двусторонних отношений в будущем. Всюду, где только возможно, Германия начинает противодействовать британской колониальной политике,

при этом даже становясь на сторону своих заклятых врагов. В 1894 г. она совместно с Францией срывает договор об аренде Англией полосы земли у Конго, что помешало установлению прямой территориальной связи между британскими владениями в северной и центральной Африке. С этого же времени Германия начинает заигрывать с бурами, поощряя их к сопротивлению англичанам [25, с. 108]. В январе 1895 г. Вильгельм II послал президенту бурской республики Трансвааль Крюгеру поздравительную телеграмму по случаю подавления попытки государственного переворота, предпринятой проживающими там англичанами («аутлендерами») с молчаливого согласия Великобритании. Телеграмма носила умышленно провокационный характер в отношении Англии и «скрытое нерасположение к Германии из-за усилившейся торговой конкуренции перешла в политическую вражду» [1, с. 130]. Английские газеты писали, что страна никогда не забудет нанесенного ей оскорбления и угроз, а одна из них открыто обозвала Вильгельма «деспотом, похожим на фронтового фельдфебеля» [25, с. 123]. В Лондоне толпа била стекла в немецких магазинах. Позже кайзер пытался возложить всю ответственность за телеграмму на канцлера Гогенлоэ, в то время как лично он, император, «был того мнения, что мешать Англии в завоевании Бурской республики не следует, хотя и считал этот факт большой несправедливостью» [26, с. 46]. Но это была явная ложь. Именно Вильгельм инициировал отправление телеграммы, чтобы «дать по физиономии англичанам» и в частности своему дяде Эдуарду [7, с. 203].

Не сумев склонить Англию к союзу, германский кайзер с 1894 г. стал прилагать большие личные усилия для нормализации отношений с Россией [27, с. 378–379]. Поворот к России был продиктован в немалой степени надеждами императора на возможность переиграть в дипломатической игре в пользу Германии молодого и мягкого по натуре нового русского царя Николая II и использовать в своих интересах ожидаемое прогерманское влияние немецкой супруги российского монарха. Для этого Вильгельм настоял на личной, без посредства МИДа, переписке государей через адъютантов, за что был назван российским министром иностранных дел А.Б. Лобановым-Ростовским в частной беседе с В.Н. Ламздорфом «скотиной» и «дураком» [23, с. 287], а самим Николаем «нудным господином Вильгельмом» [28, с. 118].

Дипломатические методы, применяемые им в переговорах с Николаем, поражали своей, по словам академика Е.В. Тарле, «наивностью, прозрачностью и аляповатостью». Так, он намекал русскому царю, что им можно беседовать по душам, ибо они оба получили власть от господина, а вот с каким-нибудь президентом (Франции) Лубэ – нельзя, так как он – обыкновенный человек [1, с. 127]. В личном письме к Николаю он предостерегал его от дружбы с республиканской Францией лишь на том основании, что на ней, Франции, все еще лежит кровь казненных короля и королевы [23, с. 274].

Анализируя внешнеполитическую активность германского кайзера, нельзя не заметить, что зачастую эмоциональные всплески необузданного Вильгельма II полностью перечеркивали им же задуманные проекты. Так, пытаясь отвлечь Россию от европейских дел и Ближнего Востока, Вильгельм намеревался «пригвоздить» [29, с. 297] ее к Дальнему Востоку, очерчивая в этой связи контуры возможного военного союза с Германией. В 1895 г. он пишет «обворожительное» письмо Николаю II, где обращает внимание последнего на то, «как тесно связаны наши интересы на Дальнем Востоке, и что мои суда получили приказ помогать твоим в случае надобности...; именно я должен ... воспрепятствовать всякому, кто вздумал бы мешать тебе и нападать с тыла в Европе» [30, с. 9]. Не забывает он при этом и свои интересы, надеясь, что Николай благосклонно отнесется к тому, чтобы Германия приобрела в Китае какой-нибудь порт [30, с. 8]. Однако уже через короткий промежуток времени он запросто отверг и высмеял предложение русского царя созвать международную конференцию по разоружению лишь потому, что оно исходило не от него самого. «Наш любимый государь, – иронично съязвил по этому поводу Ф. Эйленбург, – терпеть не может, когда кто-нибудь другой становится на первом плане» [7, с. 126].

Безудержная лесть и дипломатический такт могли легко сочетаться в Вильгельме с откровенной и публичной грубостью во времена обострения российско-германских отношений. «Черт с ней, с Россией, – говорил он, – мне все равно, что она думает; я ее изотру в мелкие кусочки» [31, с. 173].

Пытаясь вовлечь в 1895 г. Россию и Англию в дальневосточные события с целью противопоставить их там друг другу, Вильгельм II позволял себе поучать российских дипломатов такими

фразами: «Политика Англии всегда остается одной и той же. Нельзя ни доверять Англии, ни идти заодно с ней» [23, с. 233].

Еще до встречи с английским премьером, которая могла бы разъяснить все спорные вопросы и более четко определить позиции сторон, Вильгельм II сделал очень характерное для его дипломатического почерка замечание: «Я, конечно, увижусь с Солсбери, но у меня уже есть сложившееся мнение относительно возможной оценки английской политики» [23, с. 233].

В том же 1895 г. германская дипломатия постаралась обострить англо-русские противоречия на Ближнем Востоке. С одной стороны, она натравливала Англию на Россию, подстрекая Лондон послать в черноморские проливы британский флот как средство воздействия на султана, с другой – оказывала русскому правительству поддержку в его борьбе против англичан, подталкивая его одновременно захватить Константинополь и тем самым еще более испортить русско-английские отношения. «... Почему бы вам не взять Константинополь?, – спрашивал Вильгельм II у русского министра иностранных дел А.Б. Лобанова-Ростовского. – С моей стороны никаких возражений не было бы» [23, с. 269].

Сравнивая Россию и Англию по ближневосточному вопросу, Вильгельм, сам не замечая того, сделал все возможное, чтобы их антигерманские настроения еще более укрепились. Совершив в 1898 г. поездку на Восток, после того как Германия получила от турецкого султана концессию на строительство Багдадской железной дороги, он ясно дал понять, что твердо намерен вытеснить из этого региона иностранных конкурентов немецкого капитала. Но и этого ему показалось мало, и в присущей ему манере он произнес угрожающе воинственную речь, в которой заверил «триста миллионов магометан, разбросанных по земле..., что... во все времена останется их другом» [1, с. 136]. Эта речь, обращенная по существу к мусульманским подданным Англии и России, прозвучала как угроза для обеих стран.

Подводя итог, следует констатировать, что внешняя политика Германской империи в конце XIX в., направляемая кайзером Вильгельмом II в рамках «режима личной власти», носила весьма непоследовательный и противоречивый характер. В ней отчетливо прослеживались особенности импульсивного темперамента и своеобраз-

ного политического мышления немецкого монарха. Результатом ее стала политическая изоляция страны и формирование антигерманского союза европейских государств.

Литература

1. *Тарле Е.В.* Европа в эпоху империализма 1871–1919 гг. // Соч. : в 12 т. Т. 5. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1958. 430 с.
2. *Туполев Б.М.* Династия Гогенцоллернов // Новая и новейшая история. 1991. № 5.
3. *Виноградов К.Б., Жданов Ю.В.* Вильгельм II Гогенцоллерн и внешнеполитический курс кайзеровской Германии // Новая и новейшая история. 1988. № 3.
4. *Бабанцев Н.Ф., Прокопьев В.П.* Германская империя 1871–1918 гг. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1984. 176 с.
5. *Cecil L. Wilhelm II: Prince and Emperor, 1859–1900.* Chapel Hill : The University of North Carolina Press, 1989. 463 p.
6. *Ульянов А.Н.* Бронированный кулак – Вильгельм II. СПб. : Т-во И.Д. Сытина, 1915. 32 с.
7. *Бюлов Б.* Воспоминания : пер. с нем. М.; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. 561 с.
8. *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания : в 3 т. Т. 3 / пер. с нем. Л.С. Ерусалимского. М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1941. 68 с.
9. *Ламздорф В.Н.* Дневник (1891–1892). М.; Л. : Academia, 1934. 407 с.
10. *Ламздорф В.Н.* Дневник (1886–1890). М.; Л. : Язык, 1926. 395 с.
11. *Рель Дж.К.Г.* Вильгельм II Германский император (1888–1918) // Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры. Ростов н/Д. : Феникс, 1997. 640 с.
12. *Витте С.Ю.* Воспоминания : в 3 т. Т. 2. М. : Соцэкгиз, 1960. 639 с.
13. *Луначарский А.В.* Предисловие // Вильгельм II. Мемуары. М.; Пг. : Изд-во Л.Д. Френкель, 1923. 178 с.
14. *Людвиг Э.* Последний Гогенцоллерн. М. : Московский рабочий, 1991. 236 с.
15. *Перцев В.Н.* Гогенцоллерны. М. : За-друга, 1918. 228 с.
16. *Аррен Ж.* Вильгельм II / пер. с франц. М.М. Тверского. М. : Скоропечатня А.А. Левенсон, 1914. 263 с.
17. *Палмер А.* Бисмарк. Смоленск : Русич, 1997. 538 с.
18. *Чубинский В.В.* Бисмарк. Политическая биография. М. : Мысль, 1988. 416 с.

19. Рейснер (Реус) М.А. Вильгельм II и Железная империя. Пгг. : Кн-во И.Р. Белопольского, 1917.
20. Whittle T., Sidney M. The Last Kaiser: A Biography of Wilhelm II, German Emperor and King of Prussia. N.Y. : Times Books, 1977.
21. Черчилль У. Во главе великой нации. К вопросу о несоответствии актера и роли: кайзер Вильгельм II // Социум. 1994. № 7.
22. Сазонов А.Д. Воспоминания. М. : Международные отношения, 1991. 198 с.
23. Ламздорф В.Н. Дневник 1894–1896 / пер. с англ., нем. и франц. И.А. Дьяконовой. М. : Международные отношения, 1991. 456 с.
24. Витте С.Ю. Воспоминания : в 3 т. Т. 2. Таллин; Москва : Скиф Алекс, 1994. 576 с.
25. История дипломатии : в 3 т. / под ред. В.П. Потемкина. Т. 2. М.; Л. : Огиз, 1945. 423 с.
26. Вильгельм Гогенцоллерн. Мемуары. Пгг. : Изд. Л.Д. Френкель, 1923. 167 с.
27. Витте С.Ю. Воспоминания : в 3 т. Т. 1. М. : Соцэкгиз, 1960. 504 с.
28. Дневники императора Николая II. М. : Орбита, 1991. 755 с.
29. Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX века. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. 708 с.
30. Переписка Вильгельма II с Николаем II 1894–1914 гг. / предисл. М.Н. Покровского. М.; Пг. : Гос. изд-во, 1923. 198 с.
31. Богданович А. Три последних самодержца. М. : Новости, 1990. 572 с.

References

1. Tarle E.V. [Europe in the era of imperialism, 1871-1919]. *Soch.* [Collected works]. In 12 vol. Vol. 5. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1958, 430 p.
2. Tupolev B.M. Dinastiya Gogentsollernov [Hohenzollern Dynasty]. *Novaya i noveishaya istoriya.* 1991, No. 5.
3. Vinogradov K.B., Zhdanov Yu. V. Vil'gel'm II Gogentsollern i vnesnepoliticheskii kurs kaizerovskoi Germanii [Wilhelm II Hohenzollern and the Foreign Policy of Imperial Germany]. *Novaya i noveishaya istoriya.* 1988, No. 3.
4. Babantsev N.F., Prokop'ev V.P. *German-skaya imperiya 1871-1918 gg* [The German Empire 1871-1918]. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyar. un-ta, 1984. P.176.
5. Cecil L. *Wilhelm II: Prince and Emperor, 1859-1900.* Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1989, 463 p.

6. Ul'yanov A.N. *Bronirovannyi kulak - Vil'gel'm II* [Armoured fist - Wilhelm II]. Saint Petersburg: T-vo I.D. Sytina, 1915, 32 p.
7. Byulov B. *Vospominaniya* [Memories]. Tr. from Germ. Moscow; Leningrad: Gos. sots.-ekon. izd-vo, 1935, 561 p.
8. Bismark O. *Mysli i vospominaniya* [Thoughts and Memories]. In 3 vol. Vol. 3. Tr. from Germ. by L.S. Erusalimskiy. Moscow: Gos. sots.-ekon. izd-vo, 1941, 68 p.
9. Lamzdorf V.N. *Dnevnik (1891-1892)* [Diary (1891-1892)]. Moscow; Leningrad: Academia, 1934, 407 p.
10. Lamzdorf V.N. *Dnevnik (1886-1890)* [Diary (1886-1890)]. Moscow; Leningrad: Yazyk, 1926, 395 p.
11. Rel' Dzh.K.G. [Wilhelm II, German Emperor (1888-1918)]. Shindling A., Tsigler V. *Kaizery [Kaisers]*. Rostov-on-Don: Feniks, 1997, 640 p.
12. Vitte S.Yu. *Vospominaniya* [Memories]. In 3 vol. Vol. 2. Moscow: Sotsekgiz, 1960, 639 p.
13. Lunacharskii A.V. [Foreword]. *Vil'gel'm II. Memuary* [Wilhelm II. Memoir]. Moscow; Pg.: Izd-vo L.D. Frenkel', 1923, 178 p.
14. Lyudvig E. *Poslednii Gogentsollern* [The Last Hohenzollern]. Moscow: Moskovskii rabochii, 1991, 236 p.
15. Pertsev V.N. *Gogentsollerny* [The Hohenzollerns]. Moscow: Zadruga, 1918, 228 p.
16. Arren Zh. *Vil'gel'm II* [Wilhelm II]. Tr. from Fr. by M.M. Tverskoi. Moscow: Skoropechatnaya A.A. Levenson, 1914, 263 p.
17. Palmer A. *Bismark* [Bismarck]. Smolensk: Rusich, 1997, 538 p.
18. Chubinskii V.V. *Bismark. Politicheskaya biografiya* [Bismarck. Political Biography]. Moscow: Mysl', 1988, 416 p.
19. Reisner (Reus) M.A. *Vil'gel'm II i Zheleznaya imperiya* [Wilhelm II and Iron Empire]. Ptg. : Kn-vo I.R. Belopol'skogo, 1917.
20. Whittle T., Sidney M. *The Last Kaiser: A Biography of Wilhelm II, German Emperor and King of Prussia.* New York: Times Books, 1977.
21. Черчилль У. Во главе великой нации. К вопросу о несоответствии актера и роли: кайзер Вильгельм II [At the Head of the Great Nation. The Issue of the Disparity between the Actor and Role: Kaiser Wilhelm II]. *Sotsium.* 1994, No. 7.
22. Сазонов А.Д. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1991, 198 p.
23. Lamzdorf V.N. *Dnevnik 1894-1896* [Diary 1894-1896]. Tr. from Enl., Germ., Fr. by

I.A. D'yakonova. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1991, 456 p.

24. Vitte S.Yu. *Vospominaniya* [Memories]. In 3 vol. Vol. 2. Tallin; Moscow: Skif Aleks, 1994, 576 p.

25. *Istoriya diplomatii* [History of Diplomacy]. In 3 vol. Ed. by V.P. Potemkin. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Ogiz, 1945, 423 p.

26. *Vil'gel'm Gogentsollern. Memuary* [Wilhelm Hohenzollern. Memoir]. Ptg.: Izd. L.D. Frenkel', 1923, 167 p.

27. Vitte C.Yu. *Vospominaniya* [Memories]. In 3 vol. Vol. 1. Moscow: Sotsekgiz, 1960, 504 p.

28. *Dnevnik imperatora Nikolaya II* [Diary of Emperor Nicholas II]. Moscow: Orbita, 1991, 755 p.

29. Rotshtein F.A. *Mezhdunarodnye otnosheniya v kontse XIX veka* [International relations at the end of the XIX century]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1960, 708 p.

30. *Perepiska Vil'gel'ma II s Nikolaem II 1894-1914 gg.* [Correspondence of Wilhelm II with Nicholas II 1894-1914]. Foreword by M.N. Pokrovskii. Moscow; Pg.: Gos. izd-vo, 1923, 198 p.

31. Bogdanovich A. *Tri poslednikh samodorzhtsa* [The Last Three of the Autocrats]. Moscow: Novosti, 1990, 572 p.

Поступила в редакцию / Received

24 мая 2017 г. / May 24, 2017

ПЕЩЕРНИЧЕСТВО В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА У СТАНИЦЫ КОЧЕТОВСКОЙ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2017 г. В.В. Степкин ^{ab}

^a Воронежское отделение Русского географического общества, Воронеж, Россия,

^b Павловская средняя общеобразовательная школа

с углублённым изучением отдельных предметов, Павловск, Россия

CAVE DIGGING IN THE MIDDLE OF THE 19TH CENTURY AT VILLAGE KOCHETOVSKAYA OF ROSTOV REGION

V. V. Stepkin ^{ab}

^a Voronezh Branch, Russian Geographical Society, Voronezh, Russia,

^b Pavlovsk Secondary School with Enhanced Coverage of Certain Subjects, Pavlovsk, Russia

Степкин Виталий Викторович –
кандидат исторических наук, учитель истории,
Воронежское отделение
Русского географического общества,
Павловская средняя общеобразовательная школа
с углублённым изучением отдельных предметов,
пр. Революции, 15, г. Павловск, 396420, Россия.
E-mail: archeolog@mail.ru

Vitaly V. Stepkin -
Candidate of History, History Teacher,
Voronezh Branch,
Russian Geographical Society,
Pavlovsk Secondary School
with Enhanced Coverage of Certain Subjects,
Revolyutsii Ave., 15, Pavlovsk, 396420, Russia.
E-mail: archeolog@mail.ru

Дается краткая характеристика культовых пещер в Ростовской области: Демидовских и Мигулинских, созданных в рамках народного православия. Обращается внимание на существование пещерничества в рамках официальных церковных институтов на территории Войска Донского – в Межигорской пустыни и Усть-Медведицком монастыре. Центральное место отводится описанию и анализу событий, разворачивающихся вокруг пещеры у станицы Кочетовской Семикаракорского района Ростовской области в середине XIX столетия. Здесь в это время подвизался крестьянин генеральши Золотаревой Влас Рыбаков в рамках аскетической традиции пещерничества. Свое решение он принял после отказа отпустить его в паломничество в Киево-Печерскую Лавру. Известие о Рыбакове дошло и до Донского Войскового правления, которое решило провести расследование данного прецедента, поставив в известность духовную консисторию. Иоанн, архиепископ Донской и Новочеркасский, подал рапорт об этом событии в Синод 25 января 1852 г., в результате чего до нас и дошло в качестве источника информации возбужденное синодальное дело. В конечном итоге властями было принято решение о разрушении этой пещеры, «дабы существование ее не могло служить соблазном легковерию». Анализ этих событий показывает, что причиной конфликтной ситуации вокруг пещеры послужили противоречия между синодальным вариантом православия и аскетической практикой пещерничества, развивающейся в народной, мало контролируемой среде.

Ключевые слова: пещеры, подземножителство, пещерничество, Ростовская область, станица Кочетовская, Русская православная церковь, народное православие, Влас Рыбаков.

The article summarizes description of cult caves in Rostov region: Demidovskie and Migulinskie, established within the framework of the folk orthodoxy. The article also spotlights cave digging within the official church institutions in the territory of the Don Cossack Host in Mezhihorskaya poustinia and Ust-Medvedickiy monastery. Description and analysis of the events taking place near the caves at stanitsa Kochetovskaya of Semikarakorsk district in Rostov region in the mid-19th century are at the heart of the article. A peasant of general Zolotarev's wife Vlas Rybakov acted here within the ascetic tradition of cave digging. He took his decision after receiving refusal to let him go in pilgrimage to Kiev-Pechersk Lavra. The news of Rybakov reached the Don Cossack Military Board, which decided to investigate this precedent having notified the consistory. John, Archbishop of Don and Novocheerkassk, filed a report about the event on 25 January 1852 to Synod, as a result we can see the initiated Synodal case as a source of information. Eventually it was decided by the authorities to destruct the cave, "so that its existence could not serve as a temptation to gullibility". Analyzing these events, the author concludes that the cause of the conflict situation about the cave was the contradictions between the Synod option of orthodoxy and ascetic cave digging practices developing among the people, which could not be controlled.

Keywords: *caves, underground living, cave digging, Rostov region, stanitsa Kochetovskaya, the Russian Orthodox Church, folk orthodoxy, Vlas Rybakov.*

Цель данной статьи – рассмотрение феномена пещерничества у ст. Кочетовской Семикаракорского района Ростовской области в середине XIX в. Анализ связанных с этим событий стал возможен благодаря обнаружению автором в Российском государственном историческом архиве в фонде Канцелярии Синода дела «О пещере, открывшейся в 1-ом Донском округе в юрту Кочетовской станицы, в коей оказался проживающий крестьянин генеральши Золотаревой Влас Рыбаков» [1]. Основанием для возбуждения дела стал рапорт, поданный в Синод архиепископом Донским и Новочеркасским Иоанном 27 сентября 1851 г. за № 60. Публикация данного источника и его анализ составляют новизну исследования.

Надо заметить, что до того на территории Ростовской области было известно лишь три культовых пещеры, вырубленных в меловом правом высоком берегу р. Дон в Верхнедонском районе: одна у хут. Демидовский и две у ст. Мигулинской. Все эти памятники в территориальном отношении тяготеют к Воронежской области, где фиксируется наибольшее количество культовых пещер (около 50) православной аскетической традиции подземножительства на территории европейской части России [2]. Демидовская пещера впервые была обследована представителями Воронежской секции спелеологии в 1975 г. Затем на рубеже XX–XXI вв. она была исследована спелеологом из Санкт-Петербурга И.А. Агаповым [3, с. 230–231] и чуть позже – автором. В целом Демидовская пещера представляет собой двухуровневую систему, протяженностью около 80 м. В ее тупиковых ответвлениях отмечаются вырезанные в мелу киоты для икон и аналои в форме меловых уступов. Подземный храм в пещере отсутствует, что говорит наряду с незавершенностью некоторых ходов лабиринта о прерывности развития комплекса под влиянием обстоятельств.

Мигулинские пещеры были исследованы автором совместно с представителями Воронежской секции спелеологии Э. В. Гольяновым и С. В. Никольским в 2000 г. [4]. Они представляют собой два вырубленных в непосредственной близости друг от друга подземелья, первое из которых носит среди местных жителей название «Старая Мигулинская пещера», а второе – «Новая Мигулинская пещера». Протяженность Старой пещеры, согласно измерениям А. Гунько,

произведенным в 2013 г., составляет 142 м, Новой – 227 м. На значительном отрезке Старой Мигулинской пещеры своды несут аварийный характер с многочисленными обрушениями. Уникальность пещере придают многочисленные граффити народно-христианской тематики и колодец-родник. Не менее интересны граффити в Новой пещере в виде Голгофских крестов. Отсутствие письменных источников не позволяет надежно датировать Демидовскую и Мигулинские пещеры, созданные, по всей видимости, в рамках народной православной традиции. Анализ развития пещерокопательства на Дону [5], позволяет говорить о наиболее вероятных временных рамках их бытования в XVII–XIX вв.

В отличие от данных подземелий пещеры другого сакрального локуса донского казачества Усть-Медведицкого монастыря имеют свою письменную историю, находясь в рамках официальных епархиальных институтов Русской православной церкви. Они были созданы ниже по течению р. Дон от рассмотренных ранее подземелий – у г. Серафимович. В настоящее время эти пещеры территориально относятся к Волгоградской области. Их постройка была начата игуменьей Арсенией (младшей дочерью казначея Войска Донского М. В. Себрякова) в 1874 г. в день памяти св. Антония Печерского. Общая протяженность пещер, созданных игуменьей и ее ближайшими сподвижницами, составила 77 сажень (165 м). Образование данных подземелий являлось продолжением развития пещерничества в казачьих землях Усть-Медведицкого округа [6, с. 174–175]. Так, например, иноки Межигорской пустыни, возникшей в 1638 г. при слиянии рек Дон и Медведицы «влекомые жаждой еще большего духовного подвига, нередко уходили из монастыря, поселялись в пещерах лесных и, пребывая там, вели жизнь затворников в совершенном безмолвии, в полном уединении, углубленные в молитву, отрешаясь в ней от всего земного» [7, с. 23–24].

Обнаружение синодального дела о пещерничестве у ст. Кочетовской Семикаракорского района Ростовской области позволяет нам пролить свет на историю еще одного подземелья на землях Войска Донского. Учитывая, что данный источник вводится в научный оборот впервые, позволим себе опубликовать из него значимые фрагменты. Так, в 1851 г. Донское Войсковое правле-

ние отношением за № 11 586 уведомило консисторию, что «в юрте Кочетовской станицы 1-го Донского Округа, в круче Червленовской горы оказался живущий в вырытой яме крестьянин генеральши Золоторевой Влас Рыбаков. По осмотру заседателем с понятными, яма оказалась искусственно вырытой в виде пещеры. Вход в нее неудобный – только пролезть одному человеку, и закрывается квадратною в три четверти доскою. Внутренность пещеры обделана сводом вверху, подобно церковным сводам, искусно, и не могла быть делом одного человека, разделяется на три отделения с дверьми и завесами, украшена святыми иконами, лампадами и свечами.

Из следственного рассмотрения по сему предмету видно: крестьянин Рыбаков, одушевляясь благочестивыми мыслями, желал поклониться киевским св. мощам, но не был помещицею уволен. В думах благочестивых ему в сонном видении указана для убежища и молитвы та самая пещера, в которой он взят под стражу, она была готовою, но только завалившейся вход сам очистил. Поселяясь в пещере, он пребывал в ней один, предаваясь молитве и ни с кем никаких отношений не имел, однажды только случайно открыл его в пещере крестьянин Евсеев с невесткою и, узнавши о пребывании его здесь, крестьянин Комаров раза два доставлял ему хлебные сухари. После того начали посещать пещеру разные люди с подаванием свечей, ладана и лампового масла собственно на потребу для освещения св. икон. Видевшие Рыбакова в пещерах три человека показали, что ничего в поступках его соблазнительного не заметили и сам он утверждает, что служение Богу ограничивает чтением псалтыря и других назидательных, в пещере при обозрении с понятными найденных книг. Рыбаков находится на свободе, и начальство к дальнейшему разъяснению этого случая вызывает его к новому допросу, испрашивая у Войскового Правления разъяснение, как поступить относительно икон, в пещере оказавшихся? По рассмотрению вышеизложенного, Войсковое Правление положило: Первому Донскому Сыскному Начальству предписать в исследовании по настоящему случаю обратить внимание на то: а) была ли эта пещера известна жителям и не сохраняется ли в народе каких-либо о начале и причине существования ее преданий, и была ли обитаема когда-либо отшельниками; б) с того времени, как Рыбаков поселился в пещере, посещали его люди, с какими намерениями, не замечались по

поступках или словах Рыбакова какие-либо соблазнительные или вредные вере и гражданскому благочестию мнения и замыслы и в) вообще, по наблюдением жителей соседственных, не было ли у пещеры подозрительного появления каких-либо людей? По окончанию же следствия обратиться оное к решению установленным порядком; г) распорядиться, не закрывая пещеры, до решения дела, поручить Станичному Правлению учредить наблюдение, дабы она не могла служить приютом неблагонадежных людей и д) найденные в пещере иконы оставить в оной под охранительным наблюдением до решения дела Рыбакова» [1, л. 1–2].

Получив данное отношение, Иоанн, архиепископ Донской и Новочеркасский, подал рапорт в Синод 25 января 1852 г. следующего содержания: «Донское Войсковое Правление, на отношении Донской консистории от 30-го ноября истекшего 1851 г. уведомило, что пещера та, как дознано оным правлением через чиновника особых поручений, есть не что иное, как небольшое углубление в обрывистом яре над самою рекою Салом, объема не более двух кубических сажень.

Происхождение этой пещеры не относится к подвигам религиозным, ни к давности, и по рыхлости земли она не может существовать долго, каковое ее существование доказывает не более как год времени. Отшельник Рыбаков, живший в оной, оказался празднотворцем, водворившемся в пещере с порочными замыслами. Бывшие там св. иконы вынесены самим Рыбаковым; посему Войсковое Правление предписало 1-му Донскому Сыскному Начальству Святыню, какая взята из пещеры, отдать в тамошнюю приходскую церковь, самую пещеру разрушить, дабы существование ее не могло служить соблазном легковерию, и в решении дела об отшельничестве крестьянина Рыбакова поступить по законам» [1, л. 4–4 об.].

Данный рапорт показывает прежде всего разность характеристик личности пещерника Власа Рыбакова со стороны светских и духовных властей. Так, в изначальной характеристике Донского Войскового правления мы видим у Власа мотив благочестивого подражания святым Киево-Печерской Лавры при отсутствии соблазнительного поведения. В епархиальном рапорте в Синод Рыбаков, наоборот, представляется «празднотворцем, водворившемся в пещере с порочными замыслами». Различие в характеристике, на наш взгляд, объяснимо неприятием официальными церковными властями появления

автономных локусов структурирования сакрального пространства в народной среде.

Аналогия данного процесса хорошо видна при строительстве казачкой Марией Шерстюковой Белогорской пещеры на донском берегу в Воронежской губернии в 1796 г., после возвращения ее из паломничества в Киево-Печерскую Лавру. Там тоже светские власти давали положительную характеристику ее деятельности, а духовные – отрицательную. Так, Воронежский губернатор в письме министру духовных дел и народного просвещения князю Голицыну отмечал, что «учредительница пещеры 78-летняя старуха Мария Шерстюкова начала рыть оную с лишком 20 лет назад, единственно для понесения трудов, из благочестивого желания подражать труженикам, с какими ее действиями не сопряжено ни суеверия, ни раскола. Она не ищет никого и ничем не привлекает к себе; приходящие из любопытства также и для богомолия, иногда приносят ладан и свечи, которые нужны как для освещения хода в разных отделениях пещеры, в то время всего на 299 аршин простирающегося, так и для зажигания перед св. образами, в некоторых отделениях поставленными, а иногда Шерстюкова делает свечи и, отдавая приходящим для обхода с ними по пещере, получает без всякого требования, также и от благодетельствующих ей, деньги, вещи и съестные припасы. Остатки свечей отдает в церковь Св. Троицы, что в Белогорье. Избытки же приношений употребляет на пропитание себе и родственникам, продовольствует богомольцев, имеющих нужду в пище или одежде, поправляет бедным дома и даже новые строит, испрашивать же подаваний она никого не посылает, разве кто, мимо ее ведома и под ложным предлогом ее поручений, собирает на освещение пещеры» [8, с. 13–14].

Иной была позиция Епифания, епископа Воронежского и Черкасского, об устройении религиозной общины при Белогорской пещере. В письме А. Н. Голицыну от 8 июня 1822 г. он давал нелестную характеристику основательнице пещеры Марии Шерстюковой, наделяя ее такими качествами, как лицемерие, тщеславие и любостяжание. Последнее, по его словам, проявлялось в продаже восковых свеч и сборе подаваний. Также он упрекал пещерокопателей в распространении суеверия наподобие веры в сновидения и чудеса при источниках. Кроме того, Епифаний высказывал опасения в вероятности укрывания в пещерах бродяг и беглых [9, л. 67 об. – 74].

Действительно, основания для подозрения донских пещерокопателей в «соблазнительных

или вредных вере и гражданскому благочестию мнений и замыслов» были, учитывая значительное распространение здесь сектантов и раскольников, использующих пещеры либо в культовых целях, либо в качестве укрытий [10]. Но светская власть при этом проявляла большую объективность, расследуя прецеденты пещерничества в XIX в., если это не затрагивало интересов общественной безопасности. Войсковым Правлением поручалось Первому Донскому Сыскному Начальству выяснить, не было ли у Кочетовской пещеры «подозрительного появления каких-либо людей». Представителей же духовных властей ситуация, связанная с развитием пещерничества, затрагивала непосредственным образом. С созданием Правительствующего Синода функция религии как формы социального контроля общества стала явно превалировать над индивидуальным мистическим религиозным опытом как императивом, получаемым напрямую «сверхъестественным» образом и антагонистичном церкви, как бюрократическому институту [10, с. 37]. У крестьянина генеральши Золотаревой Власа Рыбакова после того, как его не пустили на поклонение мощам киевских угодников, была возможность ходить в приходской храм, но не было возможности подражать этим святым, подвизаясь в пещере. При этом апелляция «к сонному видению» в качестве санкции на выбор места для подвига и молитвы лишь усугубляла ситуацию, учитывая Устав духовных консисторий, впервые изданный в 1841 г. и предписывающий епархиальным архиереям бороться с суеверными разглашениями, к которым относились и разного рода видения [11, с. 6–7]. Процесс индивидуализации веры, проявившейся в ходе русского Раскола, не приветствовался в целом ни в церковной, ни в государственной среде [12, с. 366]. Тем более, если это было связано с индивидуальными формами аскетизма, увеличившими авторитет личности подвижника в ущерб авторитету института церкви.

Литература

1. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 132. Д. 1751.
2. Степкин В.В. Пещеростроительство как вид христианского подвижничества в лесостепном Придонье // Вестник церковной истории. 2008. № 3 (11). С. 141–150.
3. Агапов И.А. Результаты исследований на юге Воронежской области в 1998–2002 годах //

Культовые пещеры Среднего Дона. Серия «Спелеологические исследования». Вып. 4. М.: РОСИ, 2004. С. 211–242.

4. Степкин В.В. Мигулинские пещеры // Донская археология. 2001. № 3–4 (12–13).

5. Никольский П.В. Монашество на Дону в XIX веке. Очерк 1. Пещерокопательство в XIX в. // Воронежская Старина. Вып. 9. Издание Воронежского Церковного Историко-Археологического Комитета. Воронеж: Н. Кравцов и Ко, 1910. С. 149–181.

6. Полева Ю.В. Пещеры игуменьи Арсении Спасо-Преображенского Усть-Медведицкого монастыря // Спелеология и спелеология: сб. материалов V Междунар. науч. заоч. конф. (К 100-летию А.В. Рюмина). Набережные Челны: НИСПТР, 2014. С. 174–178.

7. Усть-Медведицкий Спасо-Преображенский женский монастырь. Краткий исторический очерк. Серафимович: Усть-Медведицкий монастырь, 2007. 56 с.

8. Данский А.А. Сказание о Белогорских пещерах. (Издано в пользу Александро-Невской церкви, устроенной внутри этих пещер Высочайшего разрешения Императора Александра Благословенного). СПб.: Издание церковного старосты Ивана Васильченкова в типографии Главного Штаба Его Императорского Величества по Военно-Учебным Заведениям, 1858.

9. РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 5355.

10. Полева Ю.В. История традиции пещерного подвижничества в Нижнем Поволжье и Подонье. Волгоград: ВГАФК, 2007. 127 с.

11. Устав Духовных консисторий. СПб.: Синодальная типография, 1883.

12. Глинчикова А.Г. Раскол или срыв «русской Реформации»? М.: Культурная революция, 2008. 384 с.

References

1. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (dalee - RGIA) [The Russian State Historical Archive (RSHA)]. Fund 796. In. 132. File 1751.

2. Stepkin V.V. Peshcherostroitel'stvo kak vid khristianskogo podvizhnichestva v lesostepnom Pridon'e [Cave Digging as a Kind of Christian Asceticism in the Forest-Steppe Don Region]. *Vestnik tserkovnoi istorii*. 2008, No. 3 (11), pp. 141-150.

3. Agapov I.A. [Results of studies in the south of the Voronezh region in 1998-2002]. *Kul'tovye peshchery Srednego Dona* [Cult caves of the Middle Don]. Issue 4. Moscow: ROSI, 2004, pp. 211-242.

4. Stepkin V.V. Migulinskie peshchery [Migulinsky Caves]. *Donskaya arkheologiya*. 2001, No. 3-4 (12-13).

5. Nikol'skii P.V. Monashestvo na Donu v XIX veke. Ocherk 1. Peshcherokopatel'stvo v XIX v. [Monasticism on the Don in the XIX century. Essay 1. Cave Digging in the XIX Century.] *Voronezhskaya starina*. Issue 9. Izдание Voronezhskago Tserkovnago Istoriko-Arkheologicheskago Komiteta. Voronezh: N. Kravtsov i Ko, 1910, pp. 149-181.

6. Poleva Yu.V. [Caves of Abbess Arsenia of the Ust-Medveditsky Transfiguration Convent]. *Speleologiya i spelestologiya* [Speleology and spelology]. Col. mater. of V intern. scien. dist. conf. (to 100th anniversary of A.V. Ryumin). Naberezhnye Chelny: NISPTR, 2014, pp. 174-178.

7. Ust'-Medveditskii Spaso-Preobrazhenskii zhen'skii monastyr'. *Kratkii istoricheskii ocherk* [Ust-Medveditsky Savior-Transfiguration Convent. A Brief Historical Essay]. Serafimovich: Ust'-Medveditskii monastyr', 2007, 56 p.

8. Danskii A.A. *Skazanie o Belogorskikh peshcherakh*. (Izdano v pol'zu Aleksandro-Nevskoi tserkvi, ustroennoi vnutri etikh peshcher Vysochaishego razresheniya Imperatora Aleksandra Blagoslovennogo) [Legend of Belogorsky Caves. (Published in favor of the Alexander Nevsky Church, arranged inside these caves of the Highest Resolution of Emperor Alexander the Blessed)]. Saint Petersburg: Izдание tserkovnogo starosty Ivana Vasil'chenkova v tipografii Glavnogo Shtaba Ego Imperatorskago Velichestva po Voennno-Uchebnym Zavedeniyam, 1858.

9. RGIA [RSHA]. Fund 797. In. 2. File 5355.

10. Poleva Yu.V. *Istoriya traditsii peshchernogo podvizhnichestva v Nizhnem Povolzh'e i Podon'e* [History of the Cave Asceticism Tradition in the Lower Volga and the Don Region]. Volgograd: VGAFK, 2007, 127 p.

11. *Ustav Dukhovnykh konsistorii* [Charter of Spiritual Consistories]. Saint Petersburg: Sino-dal'naya tipografiya, 1883.

12. Glinchikova A.G. *Raskol ili sryv «russkoi Reformatsii»?* [Split or Breakdown of the “Russian Reformation”?]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya, 2008, 384 p.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ECONOMIC SCIENCE

УДК 330.15

DOI 10.23683/0321-3056-2017-3-95-99

ГОД ЭКОЛОГИИ В РОССИИ – ОСНОВА РЕШЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

© 2017 г. А.В. Шевелева^а

^а *Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России, Москва, Россия*

THE ECOLOGY YEAR IN RUSSIA IS THE BASIS OF THE SOLUTION OF ENVIRONMENTAL PROBLEMS

A. V. Sheveleva^а

^а *Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russia*

*Шевелева Анастасия Викторовна –
кандидат экономических наук, доцент,
кафедра менеджмента, маркетинга
и внешнеэкономической деятельности,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел РФ,
пр. Вернадского, 76, г. Москва, 119454.
E-mail: a_sheveleva@rambler.ru*

*Anastasia V. Sheveleva –
Candidate of Economics, Associate Professor,
Department of Management, Marketing
and Foreign Economic Activity,
Moscow State Institute of International Relations
(University) of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation,
Vernadskogo Ave, 76, Moscow, 119454, Russia.
E-mail: a_sheveleva@rambler.ru*

На современном этапе экологическое состояние различных регионов планеты является предметом пристального внимания не только отдельных государств, но и мировой общественности в целом. В этой связи 2017 г. в России объявлен Годом экологии. Все мероприятия направлены на привлечение внимания населения к проблемам загрязнения окружающей среды и их возможным последствиям, а также к вопросам экологического развития Российской Федерации, сохранения биологического разнообразия и обеспечения экологической безопасности.

Планируется провести ряд всероссийских и региональных совещаний по обсуждению наиболее актуальных вопросов в сфере развития экологии, цикл конференций, форумов и круглых столов, всероссийских конкурсов среди школьников и сотрудников природоохранных зон, ряд фестивалей и слётов, фотовыставок и волонтерских акций, организовать работу детских и подростковых лагерей.

Ключевые слова: экология, экологическая безопасность, охрана окружающей среды.

At present, the ecological status of the various regions of the world is the subject of attention not only of individual countries but also the international community as a whole. In this context, it becomes expedient to hold the year of ecology in 2017, in Russia. All measures are aimed at attracting the attention of the population to the problems of environmental pollution and their possible consequences, as well as to the issues of the ecological development of the Russian Federation, conservation of biological diversity and ensuring environmental safety.

It is planned to hold a number of all-Russian and regional meetings in order to discuss the most topical issues in the field of environmental development, series of conferences, forums and round tables, all-Russian competitions among schoolchildren and employees of nature protection zones, a number of festivals and rallies, photo exhibitions and volunteer events, organize children's and teenagers' camps.

Keywords: ecology, ecological safety, environmental protection.

Результаты исследований современных экспертов свидетельствуют об ухудшении экологической обстановки во всем мире: происходит загрязнение воды; уменьшение толщины озонового слоя; уничтожение зеленых насаждений; ухудшение состояния почв; повышение средних температур. Глобальной проблемой человечества становится поиск механизма сбережения природы, что требует немедленных действий.

Центр экологической политики и права при Йельском университете (Yale Center for Environmental Law and Policy) ежегодно проводит глобальное исследование по уровню экологической эффективности и составляет рейтинг стран мира по показателю нагрузки на окружающую природную среду и рационального использования природных ресурсов [1].

Исследование экологической эффективности измеряет достижения страны с точки зрения состояния экологии и управления природными ресурсами на основе 22 показателей в 10 категориях, которые отражают различные аспекты состояния окружающей природной среды и жизнеспособности ее экологических систем, сохранение биологического разнообра-

зия, противодействие изменению климата, состояние здоровья населения, практику экономической деятельности и степень ее нагрузки на окружающую среду, а также эффективность государственной политики в области экологии.

Цель исследования – снижение давления на окружающую среду и как следствие на здоровье человека, стимулирование жизнеспособности экологических систем и стабильного управления природными ресурсами.

В 2016 г. исследование и сопровождающий его рейтинг охватывало 180 стран.

Мировым лидером по уровню экологической эффективности стала Финляндия. В первую десятку лидеров также вошли: Исландия, Швеция, Дания, Словения, Испания, Португалия, Эстония, Мальта и Франция. Россия занимает в рейтинге 32-е место из 180 возможных – между Азербайджаном и Болгарией, улучшив свой показатель на 24 % за минувшие два года, прошедшие с момента публикации предыдущего рейтинга (таблица). Самыми неблагоприятными странами с точки зрения экологической эффективности признаны Мадагаскар, Эритрея и Сомали.

Рейтинг стран мира по уровню экологической эффективности в 2016 г. [1] / Rating of countries in the world in terms of environmental performance in 2016

Рейтинг	Страна	Индекс
1	Финляндия	90.68
2	Исландия	90.51
3	Швеция	90.43
4	Дания	89.21
5	Словения	88.98
6	Испания	88.91
7	Португалия	88.63
8	Эстония	88.59
9	Мальта	88.48
10	Франция	88.20
.....
32	Россия	83.52

В России экологическая ситуация обостряется экономическим спадом. Кризис, вызвавший сокращение финансового бюджета, стал причиной того, что на производствах используется старое оборудование, что нередко приводит к аварийным ситуациям. Концентрация вредных газов в атмосфере стремительно возрастает, особенно опасной ситуация становится вблизи крупных российских городов – Архангельска, Москвы, Грозного и Кемерово.

Производственные выбросы вызывают закисление атмосферы, что влечет за собой загрязнение почвы и воды, а это оказывает пагубное влияние на сельскохозяйственную деятельность [2, 3].

Однако загрязнение атмосферы и воды не является единственными существующими проблемами. Нельзя оставлять без внимания, что на территории государства стремительными темпами вырубаются леса и действуют браконьеры. Более того, существует проблема переработки бытовых

отходов, на утилизацию которых просто не хватает средств. Европейские страны утилизируют больше 60 % своих отходов, в то время как в РФ перерабатывается только 2–3 %.

В целях реализации вышеуказанных проблем 05.01.2016 г. был подписан Указ Президента РФ «О проведении в Российской Федерации Года экологии» в 2017 г. Цель данного решения – привлечь внимание к проблемным вопросам, существующим в экологической сфере, и улучшить состояние экологической безопасности страны. Экологам предстоит усовершенствовать нормативно-правовые основы, регулирующие сферу экологии, и осуществить практическое применение тех поправок, которые уже были утверждены правительством; улучшить экологические показатели; сформировать активную гражданскую позицию в сфере экологии у граждан РФ; развивать систему заповедников России [4, 5].

Мероприятия направлены на улучшение полной экологической обстановки в стране. Кроме того, задачами природоохранной политики являются уменьшение активности производств со старым оборудованием в промышленности, закупка нового, экологически чистого оборудования, установка современных фильтров и систем очистки. Куратором предложенных действий и руководителем организационных процессов был назначен глава Администрации Президента Сергей Иванов.

Провозглашение 2017 г. Годом экологии в России подразумевает реализацию цикла мероприятий. В их проведении будут задействованы все уровни власти: федеральный, региональный и муниципальный. Участие примут широкие слои населения: школьники, сотрудники природоохранных объектов, волонтеры, активные граждане.

На заседании Правительства, посвященном плану проведения Года экологии, были обозначены следующие приоритетные направления:

- задействовать все уровни власти, начиная от федеральных, заканчивая местными;
- призвать к участию в программе все слои населения (активных граждан, школьников, волонтеров);
- провести ряд совещаний, форумов, конференций, посвященных обсуждению развития сферы экологии;
- среди школьников организовать всероссийские конкурсы. В международном масштабе провести фестивали, слеты, выставки, концерты;

– серьезное внимание уделить средствам массовой информации для полноценного освещения событий и мероприятий;

– постараться в полной мере сохранить биологические ресурсы;

– повысить квоты, направленные на развитие заповедников;

– тщательно проверять показатели, регулирующие экологический уровень [4, 5].

Одними из наиболее ярких событий станут подъем на г. Эльбрус и масштабный пробег по льду оз. Байкал – ему организаторы планируют придать международный масштаб.

За формирование плана мероприятий и организацию их проведения в соответствии с Указом Президента отвечает созданный распоряжением Администрации Президента России организационный комитет, в который вошли руководители федеральных и региональных органов властных структур, члены научного сообщества и представители некоторых организаций, осуществляющих деятельность в сфере экологии, в частности сотрудники Русского географического общества.

Указом Президента организационному комитету поручено сформировать план мероприятий на 2017 г. 168 пунктов этого перечня заимствованы из государственной программы «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 гг. Полный перечень мероприятий, которые будут реализованы в Году экологии в России, содержится в распоряжении Правительства России № 2720-р от 26.12.2015 г. «Об утверждении плана основных мероприятий по проведению в 2017 году в Российской Федерации Года особо охраняемых природных территорий».

Эксперты сообщают, что именно в 2017 г. начинается практическая реализация тех изменений законодательства в сфере экологии, которые рассматривались российским правительством в предшествующие годы. Изменения затронут водный, лесной, земельный кодексы России и многие федеральные законы, регламентирующие данную сферу правоотношений. По этой причине в политических кругах следующий год называют «годом экологических реформ».

Произойдет существенное ужесточение нормативно-правовых норм, регламентирующих деятельность государственных и коммерческих структур в части их влияния на состояние окружающей среды. Новые условия должны будут побудить предприятия более ответственно относиться к вопросу необходимости охранять и

оберегать от любого негативного воздействия все виды природных ресурсов.

В частности начнут действовать поправки, внесенные в Федеральный закон «Об отходах» в части регулирования процесса выброса и сброса отходов в атмосферу и в водные объекты, что будет стимулировать предприятия использовать наилучшие доступные технологии, которые причиняют природе наименьший вред [6, 7].

В федеральном бюджете на 2017 г. заложена статья расходов на реализацию вышеуказанных мероприятий, в нее входят:

- финансовая помощь для муниципальных властей на сохранение нормальной экологической обстановки;
- гранты на развитие для предприятий и производств, отмеченных в выполнении своих обязанностей и проявленную инициативу в рамках охраны природы;
- финансирование местных властей для привлечения населения к решению вопросов биологического и экологического плана;
- поощрение деятельности молодежных инициативных групп для более масштабного занятия экологическими проблемами [8].

Всего на мероприятия Года экологии планируется потратить около 194 млрд р., из которых 84 % вложений – средства частных компаний, 12 % – расходы регионов, 4 % – расходы федерального бюджета [9].

В целом по разделу «Охрана окружающей среды» расходы федерального бюджета увеличатся с 59,4 млрд р. в 2016 г. до 76,5 млрд р. в 2017 г. [10].

Рассмотрена и утверждена стратегия проведения Года экологии. В ее подготовке участвовали специалисты из областей природнадзора, экономики, здравоохранения, водоресурсов. Каждое требование, предложение, задача, пути решений были тщательным образом рассмотрены. Наиболее ожидаемый результат предполагается в изменении и дополнении федеральных законов, которые регламентируют российские природные кодексы (земельный, водный, лесной). Предполагается, что основной упор будет на регулирование крупными предприятиями сброса отходов в окружающую среду. Дополнительно планируется разработка и внесение на рассмотрение в правительстве проектов заводов по переработке отходов.

Российское представительство Гринпис критикует мероприятия, предложенные в рамках Года экологии в России, считая, что нужно не

только проводить конференции, выставки, курсы. Первостепенная задача для подвиги в положительную сторону должна включать в себя:

- проведение работ и мероприятий, направленных на предотвращение исчезновения зеленых насаждений. Как предполагаемый алгоритм – повышение налогов на древесину и усиления контроля со стороны лесничеств за незаконной вырубкой;
- очищение загрязненных рек, озер, других водоемов. Усиление контроля за сбросом сточных вод и улучшения работы очистных сооружений на производствах;
- предотвращение загрязнения воздуха вредными промышленными выбросами. Например, дополнительная финансовая помощь предприятиям для закупки новых, современных и результативных фильтров. Переход на экологически чистое топливо также относится к природоохранным действиям;
- психологическая работа с населением, чтобы люди перестали выбрасывать мусор в неположенных местах и убирали за собой после отдыха на природе [11].

Особо пристального внимания со стороны представителей власти сегодня требует решение следующих задач:

- 1) внедрение системы раздельного сбора мусора;
- 2) решение проблемы чрезвычайно высокого уровня загрязнения окружающей среды: как водных ресурсов, так и атмосферных слоев;
- 3) начало использования возобновляемых энергетических ресурсов [11].

Следует отметить, что в России уже затрагивалась тема экологии. Так, 2013 г. проходил под названием года охраны окружающей среды. Однако существенного эффекта применяемые меры не принесли. Более того, по результатам опроса в социальных сетях больше половины опрошенных даже не помнят, чему был посвящен 2013 г.

В этой связи представители экспертного сообщества высказывают сомнения, что и в 2017-м Год экологии может остаться незамеченным широкими массами и приобрести известность лишь в очень узких, преимущественно административных и политических кругах.

Таким образом, требуется проведение мероприятий, направленных на популяризацию экологических знаний среди населения, обеспечение доступности экологической информации, привлечение внимания местного сообщества к экологи-

ческим проблемам региона, формирование экологической культуры населения. Этому будет способствовать информирование населения об экологической ситуации региона и страны, стимулирование интереса к данной сфере, а также работа по формированию экологического образа жизни.

Литература

1. Индекс экологической эффективности. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/environmental-performance-index/info> (дата обращения: 12.02.2017).
2. *Передельский Л.В.* Экология и охрана окружающей среды. М. : КНОРУС, 2013.
3. *Тягунов Г.В.* Экология. М. : КНОРУС, 2012.
4. 2017 год в России объявлен годом экологии. URL: <http://pro2017god.com/news/god-ekologii-v-rossii-meropriyatiya.html> (дата обращения: 12.02.2017).
5. Год экологии в России. URL: <http://www.mnr.gov.ru/activities/list.php?part=1921> (дата обращения: 12.02.2017).
6. *Шевелева А.В.* Наилучшие доступные технологии как инструмент механизма снижения негативного воздействия нефтегазового комплекса на окружающую среду // *Terra Economicus*. 2014. № 2, ч. 3, т. 12. С. 95–100.
7. *Тяглов С.Г., Шевелева А.В.* Роль корпоративной социальной ответственности как института продвижения идей экологически устойчивого развития нефтегазовых корпораций // *Финансовые исследования*. 2015. № 4. С. 263–270.
8. 2017 – год экологии в России. URL: <http://v-2017.com/2017-god-ekologii-v-rossii/> (дата обращения: 12.02.2017).
9. Российские компании инвестируют почти 160 млрд рублей на модернизацию предприятий в рамках Года экологии. URL: <http://www.mnr.gov.ru/news/detail.php?ID=143769> (дата обращения: 12.02.2017).
10. Расходы федерального бюджета на охрану окружающей среды не будут сокращаться. URL: <http://iltumen.ru/content/raskhody-federalnogo-byudzheta-na-okhranu-okruzhayushchei-sredy-ne-budut-sokrashchatsya> (дата обращения: 12.02.2017).
11. 2017 год станет Годом экологии. URL: <http://www.greenpeace.org/russia/ru/news/2015/06-01-16-year-of-ecology/> (дата обращения: 09.12.2016).

References

1. Indeks ekologicheskoi effektivnosti [Ecological Efficiency Index]. Available at: <http://gtmarket.ru/ratings/environmental-performance-index/info> (accessed 12.02.2017).

2. *Peredel'skii L.V.* *Ekologiya i okhrana okruzhayushchei sredy* [Ecology and Environmental Protection]. Moscow: KNORUS, 2013.

3. *Tyagunov G.V.* *Ekologiya* [Ecology]. Moscow: KNORUS, 2012.

4. 2017 god v Rossii ob'yavlen godom ekologii [2017 Declared the Year of Ecology in Russia]. Available at: <http://pro2017god.com/news/god-ekologii-v-rossii-meropriyatiya.html> (accessed 12.02.2017).

5. *God ekologii v Rossii* [The Year of Ecology in Russia]. Available at: <http://www.mnr.gov.ru/activities/list.php?part=1921> (accessed 12.02.2017).

6. *Sheveleva A.V.* Nailuchshie dostupnye tekhnologii kak instrument mekhanizma snizheniya negativnogo vozdeistviya neftegazovogo kompleksa na okruzhayushchuyu sredu [Best Available Technologies as a Tool for Reducing the Negative Impact of the Oil and Gas Complex on the Environment]. *Terra Economicus*. 2014, No. 2, ch. 3, vol. 12, pp. 95-100.

7. *Tyaglov S.G., Sheveleva A.V.* Rol' korporativnoi sotsial'noi otvetstvennosti kak instituta prodvizheniya idei ekologicheskii ustoychivogo razvitiya neftegazovykh korporatsii [The Role of Corporate Social Responsibility as an Institution for Promoting Ideas for the Environmentally Sustainable Development of Oil and Gas Corporations]. *Finansovye issledovaniya*. 2015, No. 4, pp. 263-270.

8. 2017 - god ekologii v Rossii [2017 - the Year of Ecology in Russia]. Available at: <http://v-2017.com/2017-god-ekologii-v-rossii/> (accessed 12.02.2017).

9. *Rossiiskie kompanii investiruyut pochti 160 mlrd rublei na modernizatsiyu predpriyatii v ramkakh Goda ekologii* [Russian Companies Invest Almost 160 Billion Rubles for Modernization of Enterprises within the Framework of the Year of Ecology]. Available at: <http://www.mnr.gov.ru/news/detail.php?ID=143769> (accessed 12.02.2017).

10. *Raskhody federal'nogo byudzheta na okhranu okruzhayushchei sredy ne budut sokrashchat'sya* [The Federal Budget Expenditures on Environmental Protection will not be Reduced]. Available at: <http://iltumen.ru/content/raskhody-federalnogo-byudzheta-na-okhranu-okruzhayushchei-sredy-ne-budut-sokrashchatsya> (accessed 12.02.2017).

11. 2017 god stanet Godom ekologii [2017 will become the Year of Ecology in Russia]. Available at: <http://www.greenpeace.org/russia/ru/news/2015/06-01-16-year-of-ecology/> (accessed 09.12.2016).

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ TOUCHES TO THE PORTRAIT

DOI 10.23683/0321-3056-2017-3-100-102

Весомый вклад в отечественную и мировую науку (к 90-летию доктора исторических наук, профессора В.А. Кузнецова)

Significant Contribution to the National and World Science (To the 90th Anniversary of Doctor of History, Professor V.A. Kuznetsov)

25 июля 2017 г. исполняется 90 лет выдающемуся ученому, доктору исторических наук, профессору, заслуженному деятелю науки РСФСР, заслуженному деятелю науки Северо-Осетинской АССР, лауреату Государственной премии РСО-А им. К.Л. Хетагурова, кавалеру золотой медали Макариевского фонда Русской православной церкви Владимиру Александровичу Кузнецову.

В основе его научных трудов лежат талант, энергия, принципиальность, собранность, честность и трудолюбие. Он внес колоссальный вклад в научное осетиноведение. Заслуженный деятель науки РФ, проф. Л.А. Чибиров отметил: «Из ученых, по своему происхождению не являющихся осетинами, но внесших наибольший вклад в развитие научного осетиноведения, вслед за достойными именами Андрея Шегрена, Всеволода Миллера и Максима Ковалевского, следует быть названным имя нашего выдающегося современника, крупнейшего ученого – алановеда Владимира Александровича Кузнецова». Он родился 25 июля 1927 г. в Пятигорске, в семье служащих. В 1938 г. семья переехала в г. Минеральные Воды. Отец с первых дней войны участвовал в боевых действиях, а осенью 1942 г. пропал без вести на Северо-Западном фронте.

После немецкой оккупации В.А. Кузнецов в 1942 г. работал разнорабочим на железной дороге, на станции Минеральные Воды. В ноябре 1944 г. был призван в Советскую Армию, став курсантом 47-й стрелковой дивизии. Участвовал в разгроме Квантунской армии Японии в августе 1945 г. Демобилизован по состоянию здоровья в апреле 1947 г.

В 1947–1949 гг. работал в Минераловодском райвоенкомате зав. секретной частью. В 1949 г. поступил на исторический факультет Пятигорского госпединститута. В 1954 г. окончил его с отличием.

В 1953 г. впервые участвовал в археологической экспедиции ПГПИ в ущелье р. Большой Зеленчук (Нижнее-Архызское городище X–XII вв.). Это стало началом большой и интересной научно-исследовательской разработки В.А. Кузнецовым аланской, алано-осетинской тематики Северного Кавказа – проблемы, ставшей основной в трудах юбиляра. В 1955 г. он поступил в аспирантуру Института археологии Академии наук СССР, где его научным руководителем стал ведущий археолог-кавказовед Е.И. Крупнов. Кандидатская диссертация «Аланские племена Северного Кавказа» была защищена В.А. Кузнецовым в 1961 г., а затем опубликована и стала его первой монографией.

В.А. Кузнецов в стенах Института археологии АН СССР провел 9 лет. Это были годы накопления полевой практики и археологического материала из своих раскопок в Северной Осетии и

Карачаево-Черкесии. Особенно важны его исследования крупных археологических памятников позднеаланской культуры X–XII вв. – Змейского катакомбного могильника в Северной Осетии и Нижне-Архызского городища в Карачаево-Черкесии, во многом изменившие или уточнившие наши знания об аланском обществе, его истории и культуре, возникновение раннефеодальной государственности Алании и т.д. Не менее интересны раскопки городища Верхний Джулат близ с. Эльхотово. Это золотоордынский город XIV в., возникший на месте существовавшего здесь более раннего аланского поселения и активно застроенный при хане Узбеке в первой половине XIV в. (в том числе христианские церкви и две мусульманские мечети).

Ряд крупных памятников открыт Кузнецовым в ходе археологических разведок и обследований местности. Среди них такие объекты, как руины хазарской Хумаринской крепости VIII–IX вв. с остатками тамгообразных знаков ВЕР – восточно-европейской руины тюрского происхождения и раннеаланское, II–V вв., городище у с. Зильги с его могучими рвами и огромным катакомбным могильником. Вместе со своим аспирантом В.Х. Тменовым В.А. Кузнецов исследовал знаменитый склеповый могильник «Город мертвых» у с. Даргавс. Материал из этих склепов стал темой кандидатской диссертации ученика, а сбор источников по позднесредневековой материальной культуре осетин под руководством В.А. Кузнецова был продолжен. В течение 12 полевых сезонов (1967–1980) археологическая экспедиция СОНИИ изучала и фиксировала историко-архитектурное наследие в горных районах Северной Осетии. Описано, обмерено, сфотографировано более 1300 объектов, опубликованных В.Х. Тменовым в 1984 г. в монографии «Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии». По этим материалам Кузнецовым в 1990 г. опубликована монография «Реком, Нузал и Царазонта», получившая высокую оценку В.И. Абаева. При изучении Нузальской часовни XIII в. и ее фресок автор выявил неизвестную ранее грузинскую надпись с именем автора фресок Вола Тлиага, т.е. Вола из с. Тли в Мамисонском ущелье Южной Осетии. Так стало известно имя первого профессионального живописца грузинской художественной школы из числа осетин. Эти выводы исследователя признаны научным сообществом.

Одновременно талантливый ученый создает крупные труды общего характера. Это прежде всего капитальная монография «Очерки истории алан», дважды опубликованная издательством «Ир» в 1984 г. и 1992 г. на русском языке, в 1997 г. – издательством «Эрранс» на французском, в 2005 г. – в Анкаре на турецком, а также монографии «Зодчество феодальной Алании», «Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа», «Эльхотовские ворота в X–XV веках», «Христианство на Северном Кавказе до XV в.» (последняя переиздана в Париже на франц. яз. в 1990 г.). Эта же книга в научно-популярном варианте переиздана пятигорским издательством «Снег» в 2007 г. и награждена золотой медалью Макариевского фонда Русской православной церкви. Всего в послужном списке В.А. Кузнецова значится около 240 опубликованных научных и научно-популярных работ.

После Москвы авторитетный и крупный ученый-исследователь 42 года проработал в Северо-Осетинском НИИ в должности старшего научного сотрудника, заведующего отделом археологии, заместителя директора. Активно участвовал в общественной жизни республики. В течение многих лет был председателем Северо-Осетинского отделения Советского Фонда Мира, медалью которого награжден. В марте 1990 г. избран народным депутатом РСФСР по избирательному округу г. Владикавказа и был им до конца 1991 г., затем сложил свои полномочия в связи с невозможностью исполнения депутатских обязанностей.

В 1971 г. после смерти Е.И. Крупнова, его талантливый ученик В.А. Кузнецов организовал и вместе с И.М. Чеченовым (КБНИИ) провел первые «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа, ставшие крупным и регулярным научным международным мероприятием. Заметим и то, что юбиляр был первым председателем оргкомитета «Крупновских чтений» в течение 10 лет. Всего проведено 27 «чтений», опубликованы сотни докладов.

В настоящее время Владимир Александрович является активным автором многотомной «Алано-Кавказской библиотеки», представляющей уникальное издание в северокавказской историографии и ориентированное на освещение актуальных проблем ранней истории осетинского народа, начиная с проблемы этногенеза и этнической истории. Издание «Алано-Кавказской библиотеки» имеет большое практическое значение в современной научной самоидентификации и воспитании патриотизма молодых поколений осетинского народа.

В.Д. Дзидзоев,

*доктор исторических наук, профессор
кафедры философии и социально-политических наук
Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова*

Л.А. Чибиров,

*доктор исторических наук, профессор
Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова*

Б.Б. Басаев,

*доктор экономических наук, профессор
Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова*

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

SCIENTIFIC LIFE

DOI 10.23683/0321-3056-2017-3-103-104

20 лет кафедре международного туризма и менеджмента Кубанского государственного университета

20 years of the Department of International Tourism and Management of the Kuban State University

В октябре 1996 г. на основании решения ученого совета Кубанского государственного университета на географическом факультете была создана кафедра международного туризма и менеджмента, ставшая сразу же популярной среди студентов университета. Но не только у них она пользуется устойчивым авторитетом, ее известность давно вышла за пределы юга России. Так, на участие в Международной научно-практической конференции «Курортно-рекреационный комплекс в системе регионального развития: инновационные подходы», проводимой ежегодно сотрудниками кафедры, подают заявки ученые со всей страны. В конференции 2016 г. участвовали специалисты из Москвы, Ростова-на-Дону, Перми, Томска и других городов России, Северной Осетии, Бурятии, Удмуртии, Дагестана, Крыма, Мордовии, а также из разных стран: Абхазии, Украины, Белоруссии. Кубанский университет стал одним из российских центров по изучению проблем туризма. Сфера научных интересов сотрудников кафедры сконцентрирована на вопросах развития внутреннего и международного въездного туризма.

Монография «Приоритетные направления исследований в туризме Краснодарского края: первые 20 лет в науке – взгляд в будущее» (Краснодар: Куб. гос. ун-т, 2017. 165 с.), изданная к юбилею кафедры, дает четкое представление о достижениях ее коллектива. В ней представлены результаты теоретических и прикладных исследований, отображающих профиль научных интересов сотрудников.

Открывается монография статьей организатора и бессменного заведующего кафедрой профессора М.Ю. Беликова, доцентов И.А Романовой, В.В. Анисимовой, М.Л. Некрасовой «Ретроспективный анализ развития туризма в Краснодарском крае». На основе большого объема статистического материала авторы отмечают значительное увеличение доли туризма в ВРП Краснодарского края. В 2006 г. она составляла 8 %, а в 2015 г. – почти 15 %, что говорит о верном направлении развития регионального туристского комплекса.

В целом ретроспективный анализ, проведенный кафедрой, показал, что курортно-туристский комплекс Краснодарского края за 20 лет интенсивного развития стал самым популярным в России. На его территории оказывается пятая часть всех туристских услуг страны.

Регион обладает наибольшими показателями занятости в туризме: в 2006 г. в санаторно-курортных и туристских организациях Краснодарского края было занято около 70 тыс. человек. Среднесписочная численность работников в 2015 г. составила 107 430 чел. Из них численность персонала специализированных средств размещения – 58 962 чел., причем наибольшее количество занятых – 44 062 – представлено в секторе санаторно-курортных организаций.

В 2015 г. в соответствии с Реестром в Краснодарском крае функционировало 102 туроператора, 175 организаций предоставляли услуги менеджеров туризма, экскурсоводов, гидов-переводчиков, инструкторов, организаторов культурного досуга, специалистов для гостиничной индустрии и др. Специалистов для работы в туристских и санаторно-курортных организациях готовят открытые в краевом центре и городе Сочи кафедры и специализации туризма:

- Кубанский государственный университет (кафедра международного туризма и менеджмента);
- Сочинский государственный университет;

- Кубанский государственный университет физической культуры спорта и туризма;
- Краснодарский государственный институт культуры;
- Институт среднего профессионального образования.

Одиннадцать научных публикаций, включенных в вышеназванную монографию, представляют собой прикладные исследования, проведенные сотрудниками кафедры международного туризма и менеджмента. Они показывают широту изучения кафедрой вопросов туризма. Это и исследование природных ресурсов – фундамента курортно-санаторного и туристского хозяйства, и территориальная дифференциация инвестиций в санаторно-курортную и туристскую сферу Краснодарского края, и такая тема, как «Познавательные экскурсионные программы в системе экологического образования», и др.

Книга, посвященная 20-летию кафедры, небольшая по объему (чуть больше 10 усл. печ. л.), но ее с полной ответственностью можно считать энциклопедией туризма самого важного рекреационного региона России – Краснодарского края в начале XXI в. Подача материала в ней отличается некоторой нетрадиционностью. Открывают и далее иллюстрируют книгу стихи сотрудников кафедры о труде, своих коллегах, и мы хотим закончить представление кафедры на страницах журнала стихотворением заместителя декана по науке географического факультета доц. Т.А. Волковой:

ПОСВЯЩЕНИЕ КАФЕДРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТУРИЗМА И МЕНЕДЖМЕНТА

*Вперед, друзья, вперед –
Успехов ректор просит!
Летит за грантом грант...
И каждый миг уносит
Частичку бытия.*

*Несемся мы к свершеньям,
И жажде знаний нашей
Нет в жизни утоленья!*

*Все в мире этом есть –
В нем есть покой и воля...
Но счастье принесет совсем иная доля.
Ведь счастье бытия –
В развитии процесса.*

Желаю кафедре таких вот интересов!

*Г.П. Долженко,
почетный член Национальной академии туризма*

I Всероссийская научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием «Современные проблемы и технологии в сфере сервиса, туризма, гостиничного дела, государственного и муниципального управления» (Ростов-на-Дону, 6–7 апреля 2017 г.)

1st All-Russian Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists with International Participation “Contemporary Problems and Technologies in the Sphere of Service, Tourism, Hotel, State and Municipal Management” (Rostov-on-Don, April 6-7, 2017)

Форум стал правопреемником международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых по проблемам туризоведения, проводимой в ЮФУ с 2012 г.

В оргкомитет на участие в конференции поступило 155 заявок из 12 российских и 3 зарубежных вузов: Марбургского университета (Германия), Ереванского госуниверситета (Армения), Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Казахстан), а также из четырех учреждений среднего профессионального образования г. Ростова-на-Дону.

За два дня участниками и посетителями конференции стали 240 чел. – студенты, аспиранты и молодые ученые ЮФУ и других учебных заведений России и зарубежья. Яркие доклады и живая научная дискуссия подтвердили высокий интерес к проблематике развития сфер туризма, сервиса, гостиничного дела, государственного и муниципального управления.

В первый день конференции в главном корпусе ЮФУ было проведено пленарное заседание и осуществлена работа трех секций конференции, в рамках которых были затронуты современные проблемы туризоведения и государственного регулирования национальной экономики. Участники обсудили важные вопросы правового регулирования деятельности туристской индустрии и социально-экономические предпосылки ее развития. Оценили современные технологии и актуальные направления туристской деятельности.

На пленарном заседании свои научные доклады представили: к.э.н., доцент кафедры управления Высшей школы бизнеса ЮФУ М.В. Тарадина «Управление конкурентоспособностью в России: противоречия на пути к устойчивому развитию» и преподаватель кафедры туризма Высшей школы бизнеса ЮФУ А.В. Шмыткова «Региональные особенности развития гостиничной инфраструктуры в России».

Среди докладов секции «Проблемы туризоведения» особый интерес вызвали сообщения студентов К.В. Михайловой (ЮФУ, Высшая школа бизнеса) «Актуальность историко-культурного туризма на юге Франции (Лангедок – Руссильон)», Т.С. Курченко «Квест-тур “Как зародилась Камчатка”» (ЮФУ, Высшая школа бизнеса), О.А. Вишталюк «Роль туризма в экономике и развитии региона» (колледж рационального обучения ЧОУ ВО Южный университет). Доклады этих студентов заняли призовые места.

Широкий спектр вопросов был представлен в рамках работы секции «Современные технологии и актуальные направления туристской деятельности». За практическую значимость и научный подход к проведению исследований, осуществленных студентами 4 курса Высшей школы бизнеса ЮФУ направления подготовки «Туризм», дипломом 1-й степени была награждена студентка К.В. Карцева с докладом на английском языке «Geographical and motivational aspects of tourist demand in Rostov region» (Географические и мотивационные аспекты туристского спроса в Ростовской области), представившая результаты работы целой группы студентов. Оригинальную методику исследования средств размещения туристов разработала занявшая второе место М.В. Селезнёва (доклад «Структура гостиничного хозяйства островной Греции», ЮФУ, Высшая школа бизнеса). Перспективы и формы развития внутреннего и въездного туризма в Рязанской области были охарактеризованы Ю.Н. Ворониной, сотрудником Государственного музея-заповедника С.А. Есенина, занявшей третье место, в

докладе «Особенности современного развития туристской деятельности на историко-культурных территориях (на примере Государственного музея-заповедника С.А. Есенина)».

Впервые в рамках конференции была организована работа секции «Государственное регулирование национальной экономики: актуальные вопросы развития. Правовое регулирование деятельности туристской индустрии». Все три призовых места заняли студенты Высшей школы бизнеса ЮФУ: Д.С. Садчикова (доклад «Правовые основания для включения объектов стрит-арта в турпакет»), Е.В. Фисенко (доклад «Правовое регулирование хостелов в Российской Федерации»), Ю.В. Березанцева (доклад «Государственное регулирование медицинского туризма в Израиле»).

Мероприятия второго дня конференции были проведены в здании Высшей школы бизнеса ЮФУ. Заслушаны доклады, посвященные актуальным проблемам, современным тенденциям и перспективам развития индустрии сервиса и гостиничного дела.

В рамках работы секции «Развитие индустрии сервиса: проблемы, тенденции и перспективы» были заслушаны доклады разнообразной тематики, среди которых жюри выделило три: «Особенности характеристики способов привлечения клиентов сервисной организации» Э.С. Штапаук, «Сервисная экономика (экономика услуг): онтология и тенденции развития» Д.В. Фоменко (оба – студенты Высшей школы бизнеса ЮФУ), «Глобальные системы резервирования и бронирования: проблемы и перспективы» А.А. Тихонов, А.П. Орлов (колледж прикладного профессионального образования ЮФУ).

В секции «Актуальные вопросы развития индустрии гостеприимства» были представлены доклады студентов, обучающихся по направлениям подготовки «Гостиничное дело», «Сервис» и «Туризм» в Высшей школе бизнеса ЮФУ, а также в образовательных учреждениях среднего профессионального образования Ростова-на-Дону.

Призовыми местами были отмечены доклады студентов Высшей школы бизнеса ЮФУ: Д.С. Подкорытовой «Разновидности гостиниц на воде», О. Р. Бобрышевой «Актуальные вопросы обеспечения безопасности отеля», Е.В. Мурай «Анализ рынка отелей “премиум класса” на полуострове Крым»; А.В. Киселевой «Этнопсихологические особенности взаимоотношений персонала гостиницы с гостями»; колледжа рационального обучения ЧОУ ВО Южный университет Ю.Г. Мигуновой «Проблема унификации критериев категоризации отелей в мире»; Ростовского торгово-экономического колледжа В.Е. Короватой, М.А. Никитиной, Е.С. Перекопской, А.А. Торосян «Организационно-экономическое обоснование проекта мини-отеля VeloNature в г. Ростове-на-Дону».

Отдельно провела свою работу секция на иностранном языке «Немецкий язык в сфере туризма». Заслушано девять докладов студентов Высшей школы бизнеса ЮФУ, обучающихся по направлению подготовки «Туризм», из которых дипломами отмечены работы А.С. Ивакиной «Vergleichsanalyse von Kennziffern des Binnentourismus in Deutschland 2012–2017» (Сравнительный анализ показателей развития внутреннего туризма в Германии за период с 2012 по 2017 г.), Д.С. Садчиковой «Öko-hotels als ein wichtiges Segment des Tourismusmarktes» (Экологические отели на современном рынке туризма) и А.О. Пономаренко «Urlaubstrends der Deutschen 2017» (Тренды туристического рынка 2017: отдых немцев).

Новый расширенный формат конференции признан участниками и организационным комитетом успешным, что позволяет планировать проведение аналогичного мероприятия в 2018 г. с привлечением новых участников из России и зарубежных стран.

Р.И. Сухов,

*кандидат географических наук, доцент кафедры туризма
Высшей школы бизнеса Южного федерального университета*

Н.Н. Саяпина,

*преподаватель кафедры туризма Высшей школы бизнеса
Южного федерального университета*

Е.А. Воронина,

*преподаватель кафедры туризма Высшей школы бизнеса
Южного федерального университета*

**Международная научно-просветительская конференция
«Проблемы национальной безопасности России: уроки истории
и вызовы современности. К 100-летию Великой русской революции»
(31-е Адлерские чтения, 26–30 мая 2017 г.)**

**International Science and Education Conference
“Problems of Russian National Security: Lessons of History and Challenges
of Contemporaneity. To the 100th Anniversary of the Great Russian Revolution”
(31 Adler's Readings, May 26-30, 2017)**

Организаторами форума, посвящённого актуальным проблемам национальной безопасности России, выступили администрация и Законодательное Собрание Краснодарского края, Краснодарская региональная просветительская общественная организация «Знание», филиал Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права в г. Краснодаре, Кубанский государственный университет.

Тема очередных чтений явилась логическим продолжением той проблематики становления российского государства и гражданского общества, к которой уже неоднократно обращались участники Адлерских чтений. В то же время обсуждение целого спектра вопросов национальной безопасности страны было связано со знаковой датой – 100-летием Великой Октябрьской революции. Подобный ракурс и широкая известность Адлерских чтений привлекли внимание не только российских ученых и практиков, но и их зарубежных коллег.

Заявки на участие в конференции поступили из 29 городов 24 субъектов 7 федеральных округов Российской Федерации, а также от зарубежных ученых – представителей Абхазии, Армении, Беларуси, Болгарии, Сербии. Всего же на участие в конференции историками, политологами, философами, религиоведами, социологами, юристами и экономистами было подано свыше 120 заявок (из них 35 – от докторов наук и 45 – от кандидатов наук).

Конференция открылась традиционными приветствиями, адресованными участникам от имени руководителей Общественной Палаты Российской Федерации, Российского общества «Знание», администрации и Законодательного Собрания Краснодарского края.

Пленарное заседание конференции началось с доклада проф. В.А. Авксентьева (Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону) «Политика идентичности в современной России и манипулятивные практики деконструкции», посвященного проблеме идентичности как одной из ключевых на сегодня в отечественной и мировой социогуманитаристике. Согласно выводам Авксентьева, достигнуты значительные успехи в формировании общероссийской гражданской идентичности, и данная тема находится в поле зрения органов власти всех уровней. Ядром современной политики идентичности является складывание интегрального общества в этнокультурном и этноконфессиональном плане с учетом специфики страны. В то же время докладчик отметил недостаточность концептуализации политики идентичности в России. Также были проанализированы манипулятивные практики деконструкции российской идентичности, направленные на четыре «мишени»: государственность, армию, православную церковь и большой спорт.

В выступлении С.И. Анчева (Великотырновский университет Святых Кирилла и Мефодия, Республика Болгария, г. Велико Тырново) «Политика Запада на Балканах и против России в войне за ресурсы» был сделан акцент на том, что политика западных государств по отношению к балканским народам и их государствам еще с XIX в. отличалась антиславянской и антиправославной позицией. Они не только использовали территорию региона в качестве опытного политического и военного полигона, но и рассматривали в своей пропаганде православное христианское население как виновника в спровоцированных и разыгранных ими самими войнах. При этом Анчев подчеркнул, что Балканы являются одной из причин того, что Россия для Запада превратилась в основного врага.

Следующий докладчик, проф. А.Г. Данилов (Южно-Российский институт – филиал Российской академии народного хозяйства и госслужбы при Президенте РФ, г. Ростов-на-Дону), обратил внимание участников на дискуссионные вопросы, касающиеся Февральской революции 1917 г. В докладе «Кризис “низов” или кризис “верхов” накануне Февральской революции – миф или реальность?» Данилов остановился на одном из таких вопросов. Он аргументировал свой довод, что накануне событий февраля 1917 г. происходил серьезнейший кризис власти, проявившийся в непонимании важнейших для страны политических задач, принятии стратегически ошибочных решений, бездействии царя Николая II и его отказе от диалога с оппозицией.

Следует отметить, что в подтверждение своих выводов Данилов апеллировал к большому числу исторических источников. И именно расширению источниковой базы исследований революционной эпохи и Гражданской войны была посвящена презентация проф. кафедры истории России Кубанского госуниверситета, доц. А.А. Зайцева (г. Краснодар). Им были представлены этапы подготовки и содержание сборника документов в 6 томах «Протоколы и стенограммы заседаний Кубанской краевой и Законодательной Рад. 1917–1920 гг. К 100-летию кубанского парламентаризма». Докладчик отметил, что издание является логическим продолжением проекта «Библиотека Кубанского края», в рамках которого обществом «Знание» ранее были изданы «Протоколы заседаний Кубанского краевого правительства. 1917–1920 гг.» в 4 томах. Благодаря электронным версиям изданий, размещённых на сайте Кубанского казачьего войска «Слава Кубани», уникальные архивные документы стали доступны не только для исследователей, но и для массового читателя: http://www.slavakubani.ru/history/1917-1920/index.php?sphrase_id=30327.

С политическим прогнозом на ближайшее будущее познакомил участников конференции проф. С.А. Марков, член Общественной палаты РФ, директор Института политических исследований, член Совета по внешней и оборонной политике (г. Москва). В докладе «Политическая логика 2018 года» он высказал предположение, что проблема итогов президентских выборов (как вопрос о том, кто будет президентом) замещается на проблему легитимности президентских выборов. Именно подрыв этой легитимности, по мнению Маркова, есть главная задача коалиции западных государств. В связи с этим докладчиком были проанализированы возможные стратегии для повышения явки россиян на президентские выборы 2018 г., а также те стратегии, которые по возможности используют на них оппозиционные В.В. Путину силы. Более подробно мнение известного политолога о современной политической повестке изложено в его интервью информационно-аналитическому агентству «Ясно» в кулуарах Адлерских чтений: http://yasnnews.ru/news/politika/40663_servey_markov_u_zapada_seychas_tri_strategii/.

На пленарном заседании также прозвучали доклады проф. М.П. Минчева (Великотырновский университет Святых Кирилла и Мефодия, Республика Болгария) «Государство и нация в Европе», проф. Р.А. Ромашова (Санкт-Петербургский государственный университет профсоюзов) «Непримиримость как системный фактор российской государственности: опыт историко-правового анализа», а также состоялась презентация сборника материалов Всероссийской конференции «Государственная идеология как фактор национальной безопасности России», представленная проф. Н.Г. Денисовым (Законодательное Собрание Краснодарского края, г. Краснодар).

Пленарное заседание продолжилось круглым столом, тема которого была предложена членом комиссии по развитию науки и образования Общественной палаты РФ доц. А.А. Зайцевым «Высшее образование сегодня: востребованность государством и обществом, качество и доступность, права и обязанности участников образовательного процесса». Преподаватели высшей школы, представляющие известные столичные и региональные вузы, обсудили обширный спектр актуальных для работников сферы высшего образования России тем. В частности, доц. Е.С. Аничкин (Алтайский государственный университет, г. Барнаул) выделил как основной конфликт между интересами государства в сфере образования и потребностями общества, отдельного человека. Он связал обострение этого конфликта с тенденцией массовизации образования, которой государство стремится противостоять. Доц. А.В. Ващенко (Кубанский государственный университет, г. Краснодар) акцентировал решение таких насущных для российского высшего образования задач, как возвращение ему суверенитета, устранение дисбаланса между техническим и гуманитарным направлениями образовательной деятельности и др. Особенно острые дискуссии среди участников круглого стола (проф. С.А. Нижников, Российский университет дружбы народов (РУДН), г. Москва, проф. Р.А. Ромашов, Санкт-Петербургский

государственный университет профсоюзов, и др.) вызвала чрезвычайно близкая для них проблематика приниженого положения вузовского преподавателя, постоянно сужающихся возможностей для него заниматься творческой научной деятельностью, непростых взаимоотношений профессорско-преподавательского корпуса с администрацией своих вузов.

Мнение большинства участников круглого стола выразил проф. Кубанского госуниверситета А.В. Баранов (г. Краснодар), в частности предложивший:

1) установить федеральным законодательным актом пропорции в базовой части и стимулирующей части (надбавках) оплаты труда профессорско-преподавательского состава вузов. Законодательно закрепить соотношение между начисляемой базовой частью оплаты труда и средней начисляемой заработной платой по субъекту федерации. Базовая часть оплаты труда должна обеспечивать удовлетворение базовых потребностей человека и гражданина, реализуя конституционную гарантию достойного вознаграждения за труд;

2) регулярно публиковать в открытой печати бухгалтерские данные о размере оплаты труда ректоров, проректоров и других руководящих работников вуза в сравнении с категориями ППС вузов. Законодательно закрепить доведение этой информации до Администрации Президента РФ, Счетной палаты, администраций субъектов федерации;

3) пересмотреть в федеральном законодательстве критерии эффективности труда преподавателей вузов и научных сотрудников системы РАН и иных научно-исследовательских учреждений. Публикации в базах данных Скопус, Веб оф сайенс и иных международных системах по сути являются сейчас для гуманитарных наук России формой идеологической либеральной цензуры, а для технических и естественных наук – формой разглашения сведений ограниченного доступа. Кроме этого, принуждение к публикациям за значительные деньги и на английском языке являются скрытой формой коррупции;

4) предложить изменить в федеральном законодательстве размеры учебной нагрузки ППС вузов, обеспечив снижение общей нагрузки профессорского состава с 820 до 550 часов в год на полную ставку, для доцентов – с 870 до 700 часов, для преподавателей – до 750 часов;

5) удельный вес оплачиваемых внеаудиторных форм нагрузки ППС должен составлять не менее 50 % объема нагрузки за год, что требует юридически закрепить нормы оплаты соответствующих видов труда (консультации, проверка работ, составление учебно-методической и учебной документации, научное руководство, текущий и промежуточный, итоговый контроль знаний).

Об актуальности этих и иных проблем, поднятых на круглом столе, свидетельствовало их активное обсуждение, продолжившееся в социальных сетях.

В ходе 31-х Адлерских чтений параллельно работали две представительных по проблематике выступлений и составу участников секции. На секции I «Великая русская революция 1917 г. в контексте отечественной истории: причины и последствия» прозвучало восемь докладов. В целом они отразили юбилейную тематику, поскольку во многом были посвящены последствиям революционных событий 1917 г. во временном диапазоне до конца советской эпохи.

В двух докладах была представлена тема казачьей эмиграции, ее судеб как последствий трагедии революции и Гражданской войны. В выступлении доц. В.П. Громова (заместителя председателя комитета по военным вопросам, воспитанию допризывной молодежи и делам казачества Законодательного Собрания Краснодарского края, г. Краснодар) «Кубанская казачья эмиграция в XX столетии» была рассмотрена траектория этих судеб на протяжении десятилетий вплоть до современности. Докладчик проанализировал причины эмиграции, географию расселения казаков, их повседневные практики, успехи и трудности адаптации в принимающем обществе. Проф. А.Л. Худобородов (Челябинский государственный университет) в докладе «События революции 1917 г. и Гражданской войны в трудах казаков-эмигрантов» показал, насколько неоднозначно освещалась революционная эпоха (и особенно место казачества в белом движении) в мемуаристике и исторической публицистике 1920–1930-х гг.

Правовой аспект тематики секции был актуализирован в выступлении И.В. Очкасовой (Самарский государственный исследовательский университет им. академика С.П. Королева) «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на становление современного международного права». В докладе были выделены положительные и отрицательные стороны такого влияния, в частности, речь шла о Декрете о мире, праве наций на самоопределение, национализации и др. Последствиями событий

первых послереволюционных лет для государственно-церковных отношений было посвящено выступление М.А. Яшиной (Челябинский государственный педагогический университет) «Взаимоотношения главы Русской православной церкви с советской властью в 1917–1922 гг.».

В докладе доц. И.Г. Тажидиновой (Кубанский госуниверситет, г. Краснодар) «Краснодарские процессы 1962–1963 гг.: медиатизация в контексте внешней политики СССР» были рассмотрены механизмы медиатизации, сопровождавшей трибуналы над военными преступниками Второй мировой войны, прошедшие в ряде городов Советского Союза, начиная с 1943 г. Применение метода контент-анализа печатных СМИ позволило Тажидиновой раскрыть внутривластные и внешнеполитические задачи, на решение которых подобные судебные процессы были направлены.

И наконец два выступления на данной секции были посвящены осмыслению событий, происшедших на закате советской эпохи. Научный сотрудник К.Г. Ачмиз (Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, г. Майкоп) поделился размышлениями о причинах распада СССР, а доц. Н.А. Съедин (Крымский федеральный университет им. Вернадского, г. Симферополь) с помощью презентации наглядно продемонстрировал, что есть основания рассматривать перестройку как своего рода продолжение революции. Он представил сравнительный анализ этих двух политических процессов.

В ходе работы секции II «Философские, правовые, политические и медийные аспекты национальной безопасности России» прозвучало 14 докладов и выступлений, причем география регионов, которые представляли докладчики, выглядела достаточно репрезентативно (Москва, Ростов-на-Дону, Краснодар, Ставрополь, Екатеринбург, Барнаул). Ключевая тематика междисциплинарной по своему характеру секции была связана с вопросами развития высшего образования, мониторингом этнополитических процессов, духовной и национально-государственной идентичности России и осмыслению феномена Великой русской революции 1917 г.

Первый блок докладов был посвящен правовым, политологическим и социологическим проблемам. Участниками секции заинтересованно обсуждались выступления доц. Е.С. Аничкина (Алтайский государственный университет, г. Барнаул) «Оценка правовых последствий нормативных правовых актов в Российской Федерации (на примере сферы образования)», проф. О.М. Штомпеля (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону) «Социальный порядок в современной России: прецедентные тексты культуры в восприятии студентов вузов», проф. А.В. Баранова (Кубанский государственный университет, г. Краснодар) «Этнополитические процессы в Краснодарском крае: мониторинг и менеджмент», научного сотрудника Е.М. Горюшиной (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону) «Политическая нестабильность Центральной Азии как основная угроза Евразийскому экономическому союзу» и др.

Второй блок докладов был связан с религиозными и философскими проблемами. Прозвучали доклады проф. С.Н. Астапова (Институт философии и социально-политических наук Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону) «Значение религиозной экспертизы для обеспечения межконфессионального мира», проф. А.А. Лагунова (Гуманитарный институт Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь) «Трансформации российского общественного сознания: 1917–2017», проф. С.А. Нижникова (Российский университет дружбы народов (РУДН), г. Москва) «Г. Федотов и Ф. Степун о феврале 1917 г.», проф. П.Е. Бойко (Кубанский государственный университет, г. Краснодар) «Идея всемирной истории в философии Ф.В.Й. Шеллинга», доц. А.В. Тихонова (Институт философии и социально-политических наук Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону) «Классическая философская мысль о феномене демократии» и др. Доклад доц. С.И. Змихновского (Кубанский государственный университет, г. Краснодар) «Конец истории или новый мировой порядок? Парадоксы теоретического объяснения глобальных социально-политических процессов» носил ярко выраженный проблемно-концептуальный характер и поэтому вызвал множество вопросов. Работа секции завершилась обсуждением докладов по медиэвистике, политологии и конфликтологии. В этом тематическом блоке выступил А. Н. Костылев, главный редактор информационно-аналитического агентства «Ясно» (г. Краснодар). Его доклад «Масс-медиа в современной России и их влияние на общество» вызвал оживленную дискуссию.

С электронными версиями статей, опубликованных в сборнике 31-й сессии Адлерских чтений, можно ознакомиться на сайте Совета при главе администрации (губернаторе) Краснодарского края

по развитию гражданского общества и правам человека в разделе «Библиотека»: <http://sovet-nko.ru/?cat=6>

По завершении работы секций конференции на итоговом пленарном заседании была анонсирована следующая, 32-я сессия Адлерских чтений – Всероссийская научно-просветительская конференция «Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия», которая состоится 6–10 октября 2017 г.

И.Г. Тажидинова,
кандидат исторических наук, доцент,
Кубанский государственный университет

Рекомендации по оформлению транслитерации (References)

Непосредственно транслитерацию можно сделать на сайте <http://translit.net/>, выбрав вкладку Варианты – BSI. Примеры для ее оформления даны ниже.

Монографии, книги целиком

Tsygankov A.P. *Sovremennye politicheskie rezhimy: struktura, tipologiya, dinamika* [Modern Political Regimes: Structure, Typology, Dynamics]. Moscow, Interpraks, 1995, 296 p.

Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of Russia from Ancient Times to Our Days]. Ed. A.N. Sakharov. Moscow, AST, 2017, 1744 p.

Статьи в журналах

Gubanov S. Neoinustrializatsiya plus vertikal'naya integratsiya (o formule razvitiya Rossii) [Neoin-dustrialization Plus Vertical Integration (on a formula for the development of Russia)]. *Ekonomist*. 2008, No. 9, pp. 3-27.

Диссертации, авторефераты

Pas'ko E.A. *Kolonizatsionnaya politika Rossii (vtoraya polovina XVIII – pervaya chetvert' XIX vv.)* : dis. ... kand. ist. nauk [Colonization Policy of Russia (the Second Half of the XVIII - First Quarter of the XIX Century)]. Rostov-on-Don, 2003, 240 p.

Электронные источники, интернет-сайты

Available at: www.ecoternopil.gov.ua (accessed 11.10.2014).

Mangeim K. *Ideologiya i utopiya* [Ideology and Utopia]. Available at: http://royallib.com/read/mangeym_karl/ideologiya_i_utopiya.html#20480 (accessed 19.02.2017).

Нормативные и архивные документы

O sredstvakh massovoi informatsii [About the mass media] : zakon RF ot 27.12.1991 No. 2124-1. Moscow, 1991.

Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Rostovskoi oblasti [Center for Documentation of the Newest History of the Rostov Region]. Fund 5. In. 1. File 35. L. 40.

GOST R 7.0.5-2008. Bibliograficheskaya sсылка. Obshchie trebovaniya i pravila sostavleniya [GOST R 7.0.5-2008. Bibliographic reference. General requirements and rules of compilation]. Moscow, 2008, 30 p.

Материалы конференций, семинаров, сборники

Akoeva N.B. [Transformation of Traditional Values in the Service Cossacks during the First World War]. *Kazaki i gortsy v gody Pervoi mirovoi voyny* [Cossacks and Highlanders during the First World War]. Proceedings of Russian scient. conf. with intern. partic. Rostov-on-Don, 2014, pp. 123-136.

Научно-образовательный и прикладной журнал
ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

1. Философские науки.	Кроме того, публикуются материалы в разделах:
– «Заметки о книгах»;
– «Научная жизнь»;
– «Штрихи к портрету».
2. Исторические науки и археология.	
3. Экономические науки.	

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. Помимо основных номеров выходят специальные тематические выпуски, посвященные разным научным направлениям, работам отдельных организаций, а также научные труды вузов, приуроченные к юбилейным датам. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Публикация материалов, на которые получена положительная рецензия, оплачивается лично автором или организацией. Стоимость работ – договорная.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Печатный и электронный вариант статьи. В начале статьи указать индекс УДК.
2. Текст должен быть набран в редакторе Microsoft Office 98 Word 2000, 2003, 2007 через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman размером 14 пт, страницы пронумерованы. Для записи формул применять только редактор формул Equation 3.0.
3. Сопроводительное или рекомендательное письмо, если статья представляется от организации.
4. Полное название организации и ее адрес **на русском и английском языках**.
5. Сведения об авторах с указанием адреса, по которому будет вестись переписка **на русском и английском языках**.
6. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках**.
7. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов; четко указать предмет, цели, задачи и выводы исследования).
8. Ключевые слова **на русском и английском языках (8–10 слов)**.
9. Транслитерированный список литературы.

Журнал распространяется по подписке – через ОАО «Роспечать» в подписной период. Подписной индекс – 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, ЮФУ.

Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».

Тел.: (863) 218-40-00 доб. 11-093; (863) 218-40-00 доб. 11-094.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru.

Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru.

ISSN 0321-3056. DOI 10.23683/0321-3056-2017-3.

Известия высших учебных заведений.
Северо-Кавказский регион. Общественные науки.
2017. № 3